Г. АНДРЕЕВ
И. ВАКУРОВ

ГЕРОИ-СИБИРЯКИ

РАССКАЗЫ
о ПОДВИГАХ
ГЕРОЕВ
СОВЕТСКОЕ
СОЮЗА

ЗАПАДНО -
СИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОВОСИБИРСК
1967

Эстафета поколений

Пройдут века, сменится не одно поколение, а слава о подвигах советского народа, одержавшего всемирно-историческую победу в Великой Отечественной войне, не потускнеет в памяти человечества. Советский строй в годы Великой Отечественной войны — самой тяжелой из всех войн, какие когда-либо знала история,— подвергся особенно суровой проверке. Победа советского народа в этой войне подтвердила, что в мире нет сил, которые могли бы остановить поступательное развитие социалистического общества. Наш народ в жесточайшей схватке с сильным и коварным врагом не только отстоял честь, свободу и независимость первого в мире социалистического Отечества, но и спас многие страны мира от фашистского порабощения.

Гитлеровская Германия, покорив всю Европу, 22 июня 1941 года без объявления войны напала на нашу Родину. Более чем 5-миллионная, вооруженная до зубов и опьяненная легкими победами на Западе немецко-фашистская армия вероломно вторглась в пределы Советского Союза. Каждый шаг ее полчищ по советской земле был отмечен огнем и кровью. Гитлеровские палачи никого и ничего не щадили. Они жгли, насиловали, убивали, разрушали города, села, памятники культуры.

Над нашей Родиной нависла смертельная опасность. Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин в те дни от имени Центрального Комитета Коммунистической партии и Советского правительства заявил:

«Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение».

По зову Коммунистической партии все советские люди от мала до велика поднялись на священную войну. Каждый ковал победу, кто с оружием в руках на фронтах войны, кто в партизанском отряде, а кто в глубоком тылу, у станка, в шахте, на колхозной ферме или в поле.

Советская Армия не только выдержала тяжелые удары, обрушившиеся на нее в начальный период войны, но

и разгромила гитлеровскую армию и закончила свои освободительный поход в Берлине.

Исход Великой Отечественной войны подтвердил (пророчество В. И. Ленина, который говорил:

«Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда».

1418 дней и ночей длилась Великая Отечественная война. В огне ее родились тысячи героев, которые своими подвигами удивили мир. Героизм советских воинов на фронте был поистине массовым. И дело тут не только в «загадке русской души», как писали и до сих пор пишут буржуазные психологи, а в нашем, социалистическом строе, в монолитной дружбе народов, населяющих нашу страну, в огромной работе Коммунистической партии, воспитавшей поколение героев.

Большой вклад в дело общего разгрома фашистской Германии внесла советская Сибирь. Здесь ковалось оружие, здесь формировались полки и дивизии, которые затем отправлялись на фронты.

Славный боевой путь прошла 150-я Сибирская добровольческая стрелковая дивизия, сформированная в 1942 году. За исключительное мужество и стойкость в боях она была преобразована в 22-ю Гвардейскую стрелковую дивизию. Весь личный состав этой дивизии был награжден орденами и медалями.

Советские люди вечно будут с благодарностью вспоминать героев-сибиряков, которые в грозном 1941 году своей грудью защищали Москву, которые насмерть стояли у стен Сталинграда, которые затем в составе доблестных вооруженных сил пронесли боевые знамена от Волги до Эльбы и вошли в поверженный Берлин.

Характерно, что, создавая образ советского воина-освободителя для памятника в Берлине, скульптор Е. В. Вучетич лепил его с солдата-сибиряка. Ныне эта символическая фигура, олицетворяющая победу человечности, справедливости и разума, стоит в центре Европы на виду у веков и народов.

Сибирь дала Родине около трех тысяч Героев Совет-

ского Союза. Среди них выдающийся советский летчик, трижды Герой Советского Союза, гвардии генерал-полковник авиации А. И. Покрышкин. Он родился в городе Новосибирске в 1913 году. В годы Великой Отечественной войны командовал эскадрильей, авиаполком, авиасоединением и совершил 560 боевых вылетов. Этот всемирно известный ас провел 156 воздушных боев, в которых сбил 59 самолетов гитлеровской армии. В 1948 году он с отличием окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Александр Иванович Покрышкин награжден четырьмя орденами Ленина, семью орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

В сборнике «Герои-сибиряки» рассказывается о 44 прославленных воинах, родившихся в Новосибирской области или живших здесь и призванных на военную **службу.**

Среди героев-новосибирцев — воины всех видов и родов войск, генералы, офицеры, сержанты и рядовые. Многие из них после Великой Отечественной войны возвратились в родные края, здесь живут и трудятся, а некоторые по-прежнему продолжают службу в Советских Вооруженных Силах.

Сборник очерков о героях-сибиряках — это не только скромный памятник подвигу советских воинов в борьбе за нашу Советскую Родину, но и напоминание молодому поколению о его долге и ответственности за судьбу Отечества.

Биография каждого героя — пример служения Родине, своему народу. Материалы сборника представляют большие возможности для воспитания молодежи в духе безграничной любви *к* Родине, верности долгу, для воспитания у юношей и девушек мужества и самоотверженности, инициативы, трудолюбия и настоящего человеческого благородства.

В отчетном докладе Центрального Комитета КПСС на XXIII съезде Коммунистической партии сказано:

«Мы никогда не должны забывать о возможности грядущих испытаний, которые вновь могут лечь на плечи советского народа. В нынешней сложной и напряженной международной обстановке наша обязанность проявлять неусыпную бдительность»... Надо совершенствовать

гражданскую оборону, активизировать ДОСААФ, улучшать военно-патриотическую работу среди трудящихся, особенно молодежи.

Любить Родину, быть ее полноценным гражданином — значит стойко защищать ее интересы, быть готовым в случае необходимости взять в руки оружие и сражаться за нее до последнего дыхания, до последнего удара сердца. К этому надо повседневно готовиться.

Великий русский полководец А. В. Суворов поучал своих воинов: «Возьми себе в образец героя, наблюдай его, :иди за ним вслед; поравняйся, обгони, слава тебе».

Нашей молодежи есть с кого брать пример, как строить свою жизнь.

Кто честен и смел, трудолюбив и упорен, кто верен в дружбе и непреклонен к врагам, тот и в труде и в бою не уронит своего достоинства, не запятнает своего имени.

Каждый очерк в этой книге — яркая героическая судьба советского человека, доказавшего кровью, а нередко и жизнью любовь к своей социалистической Родине.

Герой Советского Союза
генерал-полковник С. П. ИВАНОВ

Командующий войсками Сибирского военного округа

Агафонов Яков Григорьевич

Все имеет свою историю. Подвиг тоже. Человек всей своей жизнью готовится к нему.

Яков Григорьевич Агафонов, или просто дядя Яша, как авали его молодые рабочие, возводил мясокомбинат в городе Куйбышеве Новосибирской области, а потом отдал ему много лет жизни.

Ветеран предприятия Николай Степанович Попов вспоминает: «Я тогда работал под началом дяди Яши. Высокий, широкий в плечах, удивительно спокойный, он был человеком исключительной честности и трудолюбия, к подчиненным относился справедливо, по-отечески заботливо и требовательно. Комбинат тогда еще только строился. Дядя Яша не чурался никакой черновой работы, вместе с нами таскал кирпичи, копал ямы. Молчаливый, даже застенчивый, он не любил громких фраз. Нас, молодежь, учил личным примером. А когда меня в октябре тридцать девятого года призвали в армию, он на прощание сказал: «Служи, Николай, честно, не бойся трудностей, не прячься за спины товарищей. Отслужишь свой срок, приезжай на комбинат. Будем ждать».

А в 1941 году призвали в Красную Армию и Якова Григорьевича. Цех, которым он руководил, пришлось передать отцу — Григорию Андреевичу Агафонову.

Агафонов-младший стал артиллеристом истребителем танков. Расчет противотанкового орудия, которым он командовал, участвовал в боях под Москвой, на Курской

дуге, при форсировании Днепра, при освобождении Украины и Польши.

6 июля 1943 года расчет одним из первых принял на себя танковый удар противника на Обоянском направлении. Гитлеровцы, не считаясь с потерями, рвались к Курску. В районе села Верхопенье их встретили артиллеристы 869-го истребительного противотанкового полка.

Орудие **Агафонова!** занимало огневую позицию у дороги на главном направлении танкового удара гитлеровцев. Командир спокойно, по-хозяйски еще раз осмотрел позицию, строго прикрикнул на побледневшего заряжающего — молодого солдата, бестолково перебегавшего с места на место, и сам встал к прицелу.

— Да стреляйте же! — не выдержал заряжающий.

Агафонов будто не слышал. Прильнув к окуляру прицела, хладнокровно следил за приближающимся танком. Когда до того осталось не больше двухсот метров, пустил снаряд. Танк резко дернулся, повернулся, подставив борт, и тотчас же прогремел второй выстрел. Над вражеской машиной взметнулось пламя. Видимо, от взрыва боекомплекта сорвало башню, отбросило далеко в сторону.

Гитлеровцы из другого танка заметили пушку и открыли по ней огонь. Один снаряд разорвался с недолетом, второй — с перелетом. Следующего можно было ждать на самой огневой позиции. Все зависело от того, кто быстрее выстрелит: вражеский танк или расчет противотанкового орудия.

Агафонов на какую-то долю секунды упредил противника. Пущенный им снаряд попал в моторную часть, над танком взметнулось черное облако дыма, потом показалось пламя.

Самоотверженно отбивали танковую атаку и другие воины. Понеся большие потери, противник откатился назад.

За этот бой Агафонов был награжден орденом Красной Звезды.

Советская Армия, наступая, гнала гитлеровцев до самого Днепра. В боях Агафонов был ранен.

Он снова прибыл на фронт командиром орудия 1-й батареи 1840-го истребительного противотанкового полка 28-й бригады.

Шла битва за Днепр. За бой при овладении плацдармом в районе села Лютеж Яков Григорьевич Агафонов был награжден медалью «За боевые заслуги».

...Жестокий бой разгорелся у села Шевченкиевка. В ночь на 13 ноября противник открыл сильный минометно-артиллерийский огонь. Под его прикрытием семнадцати вражеским танкам удалось прорваться в тыл наших войск. Они в темноте шли прямо на огневые позиции батареи Агафонова.

Расчет изготовился к бою. Стреляли в упор, ориентируясь по вспышкам выстрелов и движущимся темным силуэтам. Гитлеровцы, встретив неожиданный отпор, обрушили на позицию батареи мощный огонь из всех танков.

Тяжело ранило наводчика, вышли из строя заряжающий и подносчик. Старший сержант Агафонов остался один. Вражеские танки метались по позиции, давили орудия, утюжили окопы. Агафонов посылал снаряд за снарядом. На поле боя уже пылало три танка. Остальные отвернули в сторону. Если бы гитлеровцы знали, что перед ними только один артиллерист!

Агафонов вытер рукавом пот, застилавший глаза, и облегченно вздохнул. Но, заметив перебегающих цепью гитлеровцев, снова открыл огонь. Сам подносил снаряды, сам заряжал, сам наводил и сам себе командовал:

— Огонь! Огонь! Огонь!

На рассвете на батарею приехал командир полка подполковник Мещеряков. Возле первого орудия, обхватив голову руками, в каком-то тяжелом забытьи сидел Агафонов. Увидев командира полка, он поднялся, начал докладывать, но подполковник остановил:

— Не надо, старший сержант. Я и так все вижу.

Они молча прошли по развороченной и истерзанной батарее. Похоронили убитых.

Командир полка в тот же день представил к наградам весь личный состав 1-й батареи.

«При отражении внезапной атаки танков противника,— писал он в реляции на командира батареи,— товарищ Агафонов проявил стойкость, мужество и геройство. Стреляя в упор по противнику, он уничтожил три танка и до 50 вражеских солдат. Оставшись один, он продолжал вести схватку с противником и оставался у своего орудия до конца боя. За этот подвиг старший сержант

Агафонов достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

Примерно через месяц Яков Григорьевич Агафонов совершил новый подвиг. В боях за станцию Чеповичи под Коростенем подбил еще один вражеский танк и уничтожил более десятка гитлеровцев. Был награжден орденом Красной Звезды.

Об Указе Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза старшина Агафонов узнал уже в Польше, во время боев на восточном берегу Вислы.

15 августа он писал родным:

«Сейчас у вас идут тяжелые бои. Огонь, дым, грохот. Творится такое, что трудно передать. Война идет к концу, так что скоро приеду домой, если останусь жив, все расскажу. Как там дела у вас? Что нового на комбинате? Пишите обо всем подробно...»

— Скоро приедет дядя Яша,— заговорили на комбинате.

А через месяц пришло извещение о том, что старшина Агафонов Яков Григорьевич 18 августа погиб смертью храбрых при взятии предместья Варшавы — Праги.

Немного осталось на комбинате людей, которые лично знали начальника цеха дядю Яшу, но подвиг героя не будет забыт.

Они знали друг друга два месяца. Но на войне и того достаточно для сближения.

Володя Колесов был веселым, никогда не унывающим парнем. С ним как-то легче переносились вое тяготы фронтовой жизни. Нельзя оказать, чтобы он был бесстрашным человеком; таких, наверное, и не существует, но он никогда не прятался за спины других. Правда, рассказывая о себе, любил немного приукрасить свои боевые дела, но делал это совершенно бескорыстно, лишь бы ребят посмешить.

В короткие минуты отдыха они делились самыми сокровенными мыслями, мечтами, строили планы на будущее. На всякий случай обменялись адресами и фотокарточками. Гвардии старший лейтенант Аксенов отправил фотографию Володи своей матери в Новосибирск. Честно говоря, он лелеял надежду после войны вместе с ним поехать в Сибирь, познакомить со своими родными, с сестрой Надей, и, кто знает, может, они остались бы не только друзьями,— в этом Аксенов не сомневался,— но и породнились.

И вот Володи уже нет в живых. Погиб утрам при артиллерийском обстреле.

Накрапывал мелкий осенний дождь. Двое солдат копали могилу. Холодное тело Володи лежало рядом, покрытое плащ-палаткой.

Аксенов подошел к изголовью друга и долго, не от-

Аксенов Александр Михайлович

рываясь, смотрел на его по-детски удивленное и очень бледное лицо.

Пришла рота десантников, которой командовал Володя, молча встала вокруг могилы. Потом десантники говорили. Аксенов говорить не мог. Затуманенным взглядом он смотрел, как солдаты после прощального салюта стали спускать Колесова в сырую, холодную яму.

— Прощай, Володя,— прошептал он.

Солдаты обложили свежий холм земли дерном, поставили на нем фанерный обелиск с пятиконечной звездой и разошлись.

Аксенов еще долго стоял.

— Прощай, брат! — повторил он.— Клянусь, мы жестоко отомстим за тебя.

...В те дни „на плацдарме между Дериевкой и Верхне-Днепровском стояло как бы предгрозовое затишье. Советские войска, форсировав Днепр, готовились к новому решительному удару в направлении Пятихатка — Кривой Рог. Гитлеровцы тоже подтягивали силы, все еще надеясь отбросить советские войска на восточный берег Днепра.

В роте гвардии старшего лейтенанта Аксенова уже все было готово к предстоящему наступлению. Люди ждали только сигнала.

В землянке, куда пришел Аксенов после похорон друга, было тепло, сухо. На столе, грубо сколоченном из необтесанных досок, стояли дымящийся котелок и фляжка. Пахло наваристым борщам, прелыми листьями и ремнями только что полученного со склада нового снаряжения.

Аксенов тяжело опустился на койку. Есть не хотелось. Заметив на столе под крупно нарезанными ломтями хлеба стопку писем, углубился в чтение. Первое письмо — от матери. Она, как обычно, передавала многочисленные поклоны, сообщала домашние новости, просила беречь себя... Отец, брат и сестренка писали о своих боевых делах. Письма их были бодрыми. Чувствовалось, что части, в которых они служат, тоже успешно продвигаются на запад.

«Может, где-нибудь совсем рядом воюют. Вот бы встретиться!» — подумал Аксенов.

Он не видел их с 1939 года. После окончания Новосибирского техникума советской торговли его сразу же

призвали в армию и направили в Читинское военное училище. До войны в отпуске побывать не удалось, а осенью 1941 года по пути на фронт, когда эшелон остановился в Новосибирске, Аксенов отпросился у командира, забежал домой, но застал только мать. Отец, брат и сестра Надя уже были на фронте...

Два письма прислали фронтовые товарищи. Один из госпиталя, второй, по всем признакам, откуда-то с Севера. И, наконец, последнее письмо в красном конверте было адресовано не ему, Аксенову, а Володе Колесову. На углу конверта была пометка начальника штаба: «Товарищ Аксенов, лучше Вам ответить на это письмо».

На листке бумаги из ученической тетради нетвердым детским почерком было старательно выведено:

«Здравствуй, брат Володя! Это пишу я, Колька. Твое письмо мы получили. Я сейчас живу у бабушки. Нашей мамы больше нет. Ее разбомбил фашист, когда она собирала картошку. Поскорее добивайте гитлера и приезжай домой!»

Из рассказов Колесова Аксенов знал, что Колька — это его младший братишка 11 лет. А отец пропал без вести еще в начале войны...

«Не слишком ли много испытаний на долю одного мальчика? Что я напишу ему?» — размышлял Аксенов.

Вспомнилось свое детство. Большая рабочая семья. Жили трудно. Переезд в Новосибирск. Новые трудности. Но разве их сравнить с Колькиным горем?

Он так и не смог написать ответ. Не написал и на следующий день, а 15 октября, рано утром, началось наступление.

Перед атакой Аксенов зачитал письмо Кольки своим десантникам.

— Не успел я ответить,— признался он.— Не знаю, что и писать...

Солдаты сурово молчали. Они думали о Кольке, о его убитом брате, без вести пропавшем отце, погибшей матери. И в сердце каждого поднималась волна жгучей ненависти к фашистским захватчикам.

Наступил момент атаки.

— Вперед! За Родину! За Кольку! — крикнул Аксенов и, не оглядываясь, бросился к позиции противника. В яростном порыве десантники ворвались во вражескую траншею. Бой был жестоким и коротким. Не задержи-

ваясь в первой траншее, гвардейцы устремились ко второй, потом к третьей...

Командир 6-го воздушно-десантного гвардейского полка гвардии полковник Котляров 20 октября писал в наградном листе:

«Гвардии старший лейтенант Аксенов при прорыве сильно укрепленной обороны противника у колхоза «Незаможник» Литовского района Днепропетровской области проявил исключительное геройство и умение командовать подразделением. На ходу расстреливая гитлеровцев, он и его рота первыми ворвались в населенный пункт. Презирая опасность и смерть, командир роты личным примером воодушевлял гвардейцев на подвиги. 16 октября в боях за деревню Верхне-Каменистое противник бросил против десантников Аксенова роту «Тигров». Гвардейцы смело приняли неравный бой. По приказу своего командира они забрасывали танки гранатами, стреляли по щелям и, не отойдя ни на шаг, отразили все контратаки противника.

Гвардии старший лейтенант Аксенов, в критический момент боя, бросившись с гранатой на вражеский танк, погиб смертью героя».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1944 года Аксенову Александру Михайловичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Боевые товарищи похоронили его в поле возле села Михайловка. В кармане его гимнастерки нашли окровавленный лист бумаги, на котором было написано:

«Друг мой, Колька! Завтра мы идем в бой, чтобы отомстить врагу за твоего и нашего брата Володю Колесова...»

На этом письмо обрывалось.

После освобождения Пятихаток, а затем Кривого Рога, во время передышки между боями, десантники сообща дописали это письмо и отправили Кольке. Написали они письмо и :в Новосибирск, на улицу имени Дуси Ковальчук, где жила мать гвардии старшего лейтенанта Аксенова, и рассказали о геройской гибели своего командира роты.

После войны прах Александра Аксенова был перенесен в центр села Михайловки и захоронен около семилетней школы.

Анисичкин Федор Иванович

В Петропавловской школе колхозной молодежи, а затем в Анжерском горнопромышленном училище для крестьянского парня Федора Анисичкина любимым предметом была математика. Он видел в ней не только науку о числах и цифрах. Весь окружающий мир представлялся ему пронизанным **математикой,** во всем угадывалась предельно рациональная, расчетливая работа природы. Не случайно 18-летний выпускник горнопромышленного училища пошел работать учителем математики в Краснозерскую среднюю школу. Уже будучи директором этой школы он поступил на заочное отделение физико-математического **факультета** в Томский педагогический институт. Однако в декабре 1939 года его призвали в армию.

— Два курса физико-математического? — сказал военком.— Что ж, из вас выйдет, пожалуй, хороший командир. Пойдете в артиллерийское училище?

Анисичкин отказался.

— Я люблю математику и учительскую работу. Отслужу и вернусь к своему делу.

Военком не стал настаивать. Он только сказал:

- Как знаете. Я бы очень хотел, чтобы все было так, как вы говорите. Но боюсь, что враги не дадут заниматься любимыми делами: международная обстановка с каждым днем накаляется. Как бы не пришлось воевать...

Федора направили в артиллерийский полк и определили в полковую школу, в которой готовили сержантов —

командиров орудий. После окончания школы Анисичкин отличался на всех стрельбах. Его расчет был лучшим в полку по всем видам боевой и **политической** подготовки. И опять ему предлагают идти учиться на офицера, а он неизменно отказывается.

- Отслужу действительную — и домой. Теперь уже недолго осталось,— говорил он.

А когда началась война, вспомнил разговор и с военкомом, и с командирами и пожалел о своем упорстве.

«Ну, да ладно,— рассудил он,— не век же будет продолжаться война — скоро кончится, и все встанет на свое место».

Но прошел год, а конца войны и не виделось. За это время Анисичкин побывал в окружении, был ранен, вылечился и снова воевал, вступил в ряды Коммунистической партии, многое перевидел и передумал. И вот теперь-то он, наконец, согласился идти учиться в военную школу.

Окончив курсы младших лейтенантов, сражался под Сталинградом, был награжден медалью «За отвагу». В ходе летнего наступления 1943 года командовал уже огневым взводом 139-го гвардейского артиллерийского полка, входившего в состав 69-й гвардейской стрелковой дивизии.

В конце сентября в районе города Градижска Полтавской области дивизия вышла к Днепру.

Когда встал вопрос, кого из артиллеристов включить в состав передового отряда для захвата плацдарма на западном берегу реки, командир полка гвардии подполковник Щербаков, не задумываясь, назвал взвод гвардии лейтенанта Анисичкина.

Началась кропотливая подготовка к форсированию.

Наблюдая за командиром взвода, который с карандашом в руке производил какие-то расчеты, Щербаков усмехнулся:

— Федор Иванович, оказывается, и на войне математика нужна?

- Она везде нужна,— сухо ответил Анисичкин.

— А я помню, как один офицер говорил, что артиллеристу надо знать таблицу умножения, уметь считать до сотни и достаточно.

Анисичкин внимательно посмотрел на командира полка и, чуть улыбнувшись, ответил:

— То *было* несерьезно, товарищ гвардии подполковник. В бою каждый просчет может стоить жизни.

- То-то, Федор Иванович, считай лучше!

В ночь с 5 на 6 октября началось форсирование. Первыми на рыбачьей лодке, разматывая за собой телефонный кабель, переправились на противоположный берег разведчики Манас Сулейманов, Михаил Криницын и связист Иван Баюшкин.

— Мы на месте,— тихо сообщил по телефону Иван Баюшкин.— Пока все спокойно!

, Анисичкин приглушенным голосом скомандовал:

— Пошли, товарищи! — И прыгнул в лодку.

Переправляли три орудия. Установили и прочно закрепили на плотах. Каждый плот буксировали две лодки.

На середине реки гитлеровцы обнаружили плот с первым орудием и открыли по нему огонь из двух пулеметов. Тотчас же заговорили пушки с нашего левого берега, и вражеские пулеметы замолчали.

Причалив к песчаной отмели, артиллеристы на руках подняли орудия на высокий берег и вместе с переправившимся стрелковым подразделением повели наступление на хутор Змытница. Гвардии лейтенант Анисичкин, сам ведя огонь прямой наводкой, уничтожил три станковых пулемета, один миномет и до взвода вражеских автоматчиков.

Когда хутор был захвачен, артиллеристы взялись за лопаты. До рассвета отрыли позиции для орудий, ровики для боеприпасов, траншеи и щели.

А утром гитлеровцы пошли в атаку, намереваясь сбросить советских воинов с занимаемого плацдарма.

Артиллеристы берегли снаряды, вместе со стрелками отбивали противника ружейным и автоматным огнем. Так продолжалось до полудня. Потом, после сильного огневого налета гитлеровцы пошли в атаку под прикрытием девятнадцати танков.

Узнав, что от обстрела погибли командиры орудий старшие сержанты Георгий Геришвили и Иван Дружинин, ранены все три основных наводчика, Анисичкин заволновался: «Справятся ли запасные наводчики? Хватит ли выдержки?»

Артиллеристов третьего орудия предупредил:

- Открывать огонь только тогда, когда танки прой-

дут кусты! Вы знаете, какое до них расстояние? Как будете стрелять?

— Знаю,— отозвался Анисимов.— До этих кустов метров триста, не больше.

- Правильно,— Анисичкин порадовался хладнокровию стоявшего у орудия запасного наводчика.— Главное — не спешить.

У второй пушки за наводчика стоял командир расчета сержант Ихбердин.

- Видите кусты? — спросил Анисичкин.

— Конечно, видим! — не отрываясь от прицела, с заметным акцентом ответил Ихбердин.

- Огонь откроете, когда танки пройдут их. Поняли?

- Поняли! — отозвался Ихбердин.

Анисичкин посмотрел на смуглое лицо артиллериста, на его тонкие, как у пианиста, пальцы, спокойно лежащие на маховичках подъемно-поворотного механизма, и, решив, что тут все будет в порядке, побежал к первому орудию.

Наводчик этого орудия явно нервничал.

- Товарищ гвардии лейтенант, смотрите, пехота отходит!

- Ну и что?

- Так мы же впереди пехоты окажемся, Без прикрытия!

Анисичкин и сам подумал, что три пушки против девятнадцати вражеских танков — соотношение далеко ие выгодное, но твердо знал и то, что за время, пока танки дойдут до огневых позиций, каждый расчет сможет произвести не менее десяти-двенадцати выстрелов. Почти два снаряда на каждый танк. Но это только в том случае, если каждый расчет сохранит самообладание. Отодвинув плечом наводчика от прицела, Анисичкин приказал:

- Подавайте снаряды!

Танки приближались, ведя огонь на ходу. Когда они перевалили за линию кустов, почти одновременно прогремели три выстрела. АНИСИЧКИН видел, как снаряд, вылущенный им, ударил в башню «Тигра», выбив сноп огненных брызг.

Вторым снарядом он подбил еще одного «Тигра». Метким оказался и третий выстрел.

По два танка уничтожили Анисимов и Ихбердин.

Потеряв за одну минуту семь танков, противник отошел.

Через час танки возобновили атаку. Но теперь они шли не прямо на хутор, а пытались обойти его с двух сторон. Артиллеристы сорвали и этот замысел, подбив еще два танка. Между тем на плацдарм переправились свежие силы. Противник был выбит из населенных пунктов Старо-Липово и Ново-Липово, тем самым был расширен и прочно закреплен плацдарм, с которого вскоре началось большое наступление в глубь правобережной Украины.

В этом бою гвардии лейтенант Анисичкин был ранен, но остался в строю. Президиум Верховного Совета Союза ССР за отвагу и мужество присвоил ему звание Героя Советского Союза.

Под Корсунь-Шевченковским Анисичкин командовал батареей. За мужество я отвагу был награжден еще одним орденом.

Советские войска так стремительно продвигались на запад, что едва запоминались названия населенных пунктов. После Ясско-Кишиневской операции развернулись тяжелые бои за Будапешт.

Анисичкин уже носил погоны гвардии капитана.

Как-то в предместье Будапешта, в минуту отдыха, между солдатами зашла речь о послевоенной жизни. Прислушиваясь к этому разговору, Анисичкин задумался. За годы войны он уже свыкся с армейской шинелью, с постоянными заботами и тревогами, по-настоящему полюбил артиллерию, сроднился с боевыми товарищами. Но не забывал и своей юношеской мечты о математике.

Трудно сказать, что бы взяло верх: мечта или выстраданная и выношенная любовь к артиллерии, если бы не памятный бой за Вену. Накануне гвардии капитан Анисичкин был назначен командиром дивизиона, а через 1-2 несколько дней, в Вене, его тяжело ранило.

«Ну вот и отвоевался,— лежа в госпитале, думал Федор Иванович.— Странно получается: когда-то упорствовал, не хотел идти в военное училище, а теперь с артиллерией не хочется расставаться».

Всего несколько месяцев после выздоровления прослужил он в армии. Наверное, смог бы послужить и еще, до чувствовал: сдает здоровье, и подал рапорт об увольнении в запас.

В 1946 году приехал в Сибирь и работал директором Веселовской средней школы. В 1950 году коммунисты избрали его секретарем Веселовского райкома партии. Все это время Федор Иванович настойчиво учился, закончил заочно институт и курсы пр,и Высшей партийной школе. Четыре года работал первым секретарем Мошковского райкома партии, был награжден орденом «Знак Почета». С 1960 года он снова директор средней школы, теперь уже в Новосибирске.

Учитель не изменил своему призванию.

Аргунов Николай Филиппович

Загоревшись однажды мечтою о небе, Николай Аргунов посвятил ее осуществлению всю свою недолгую, но яркую и мужественную жизнь.

Родился Николай Филиппович Аргунов 14 апреля 1919 года в селе Коченево Новосибирской области. Дом № 111 на улице Большой, вытянувшейся вдоль железнодорожного полотна Транссибирской магистрали, где провел детские годы Николай Аргунов, и поныне стоит, встречая и провожая проходящие поезда.

В детстве Николай любил смотреть на мелькающие вагоны, на стелющийся по ветру дым из паровозных труб. Его манили неизведанные дали, волновала казавшаяся ему тогда почти фантастической скорость поездов. Но однажды он впервые увидел самолет. Легко обогнавший пассажирский поезд самолет поразил воображение. В тот же день он смастерил из чурки и бересты свою первую модель самолета. С тех пор авиамоделизм стал страстью. А когда научился читать, постоянными спутниками стали книги об авиации.

Классный руководитель Кирилл Осипович Семенов, заметив увлечение Аргунова и группировавшихся вокруг него товарищей, организовал кружок авиамоделистов. Аргунов, Дутов, Катков стали самыми активными участниками кружка. Все они упорно занимались спортом, любили технику. В сочинении на тему «Кем я хочу быть», которое писали в 7-м классе, каждый из этих ребят ответил: «Летчиком».

И действительно, после окончания средней школы Аргунов, Дутов, Катков и еще несколько ребят поступили в авиационные училища.

В 1940 году Николай Аргунов с отличием окончил Челябинское авиационное училище и в первые же дни Великой Отечественной войны отличился в боях за Родину.

Он выполнял боевые задачи и в одиночных полетах, и в составе звена, и ведущим девятки. Летал на самолетах-разведчиках, средних, ночных и дальних бомбардировщиках. Сражался на Западном, Калининском, Сталинградском, Донском, Северо-Кавказском, 3-м Белорусском и 1-м Прибалтийском фронтах. В самое тяжелое время для Родины, в 1941 году, Николай Аргунов стал коммунистом.

Командир 35-го бомбардировочного полка гвардии майор Савицкий, представляя его к званию Героя Советского Союза, писал в 1944 году:

«В боях за Советскую Родину гвардии старший лейтенант Аргунов проявил исключительное мужество и героизм. Сорок три раза он участвовал в воздушных боях с истребителями противника, умело и мужественно отбивал их многочисленные атаки. Много раз подвергался смертельной опасности, из которой, казалось бы, нет выхода, но товарищ Аргунов в эти решающие минуты и даже секунды никогда не терял самообладания и благодаря своему мужеству и находчивости, движимый единой мыслью — уничтожить противника и выполнить боевое задание, всегда выходил победителем...»

Всего Николай Аргунов совершил 172 боевых вылета, каждый из которых — подвиг.

В ночь на 27 сентября 1941 года экипаж бомбардировщика в составе летчика капитана Жолудева, штурмана старшего лейтенанта Аргунова и стрелка-радиста старшины Копейкина второй раз /поднялся в воздух, чтобы нанести бомбовый удар по колонне танков и автомашин противника в районе города Демидова. С приглушенным мотором самолет вышел на цель и нанес по колонне точный бомбовый удар. Земли не было видно, но огни пожаров вдоль дороги говорили сами за себя.

Гитлеровцы, взбешенные дерзостью одиночного советского самолета, стреляли, не жалея снарядов. По черному небу рыскали десятки прожекторов. Экипаж при-

нимал все меры, чтобы вырваться из зоны огня и из цепких лучей прожекторов. Самолет бросало взрывами из стороны в сторону. Он был изрешечен осколками. Управлять становилось все труднее. Осколками снаряда пробило бензобаки. Стрелка уровня горючего катастрофически падала.

- Дотащишь до линии фронта? — спросил у летчика Аргунов.

— Нет, Николай, придется идти на вынужденную! — ответил Жолудев.— Приготовиться к бою на земле!

Приземлились вблизи лесной опушки. К самолету уже бежали вражеские автоматчики. Экипаж, сняв пулемет, выбрался из машины, поджег ее и перед самым носом подступавших гитлеровцев скрылся в лесной чаще.

Через два дня авиаторы встретили в лесу выходивших из окружения артиллеристов. Сообща решили создать партизанский отряд и продолжать борьбу. Возглавили отряд Жолудев и Аргунов. Пробиваясь на восток, отряд нападал на мелкие гарнизоны противника, нарушал линии связи, устраивал засады на дорогах...

Наконец, вышли к своим.

На очередное боевое задание старший лейтенант Аргунов вылетел ведущим звена в составе группы дальних бомбардировщиков под командой командира полка, прославленного мастера бомбового удара Полбина. Предстояло разбомбить вражеский аэродром в Миллерово. При подходе к линии фронта и до самой цели бомбардировщиков преследовали вражеские истребители. Отбиваясь от них, группа достигла вражеского аэродрома и разбомбила на нем 27 самолетов. На обратном пути она сбила четыре истребителя.

Летом 1942 года, когда гитлеровские войска рвались к Волге, перед бомбардировочным авиационным полком, где служил Аргунов, была поставлена задача: уничтожить склады горючего на станции Морозовская. Склады питали горючим всю вражескую авиацию, все моторизованные и танковые соединения, действующие на этом участке фронта. Склады надежно прикрывались зенитными средствами и истребительной авиацией.

Генерал Хрюкин, командующий воздушной армией, объяснил обстановку.

— Только самым опытным экипажам можно доверить выполнение ответственного задания! — сказал он.

— Я сам полечу,— сказал командир полка Полбин.

— Если доверите мне, я тоже готов лететь,— выступил вперед Николай Аргунов.

Во второй половине дня 27 июля 1942 года пара бомбардировщиков взяла курс на станцию Морозовская. До нее было около 150 километров. Пробиваясь сквозь плотный заслон зенитного огня, бомбардировщики вышли к цели и с двух заходов разбомбили склады. Уходя от преследования вражеских истребителей, Аргунов долго еще наблюдал бушующее море огня на станции и плотное облако черного дыма, поднявшееся над районом бывших гитлеровских складов.

- Везет тебе, Николай!— говорили товарищи, поздравляя Аргунова с благополучным возвращением.— И дело сделано, и ни одной царапины. И считай — орден на груди!

— Ничего, и на вашу долю останется,— шутил Аргунов.

После этого памятного полета он еще много раз выполнял рискованные задания, в одиночку и в паре, летал на разведку в глубокий тыл врага, водил группы самолетов на бомбежку войск противника под Оршей, Витебском, Борисовом и Минском.

22 октября 1944 года для уничтожения вражеских колонн в районе города Мемель поднялся весь полк. Аргунов летел в строю эскадрильи в командирской машине. При подходе к городу противник открыл сильный зенитный огонь. Самолет резко тряхнуло.

— Вышел из строя левый мотор,— сообщил командир эскадрильи гвардии старший лейтенант Селезнев.

— Надо дойти на одном,—отозвался Аргунов.

Самолет вышел на цель и точно сбросил бомбы. Бомбардировщик стал резко терять высоту.

Когда стало ясно, что дотянуть до своего аэродрома или хотя бы уйти за линию фронта не удастся, командир решил оставить самолет. Стрелок-радист Дятлов на команду летчика не отозвался.

— Убит,—сказал Аргунов.

- Будем выбрасываться! — крикнул командир эскадрильи.— Больше ждать нельзя!

Вдвоем с Аргуновым они сорвали колпак с кабины и

вывалились из горящего самолета. Но в последний момент случилось непоправимое: Николай Аргунов за что-то зацепился лямками парашюта. Тяжелый бомбардировщик рухнул на землю и взорвался.

Селезнев благополучно приземлился и, отцепив парашют, подбежал к разбитому самолету. Похоронив останки товарищей, он в тот же день возвратился в полк и рассказал о гибели гвардии старшего лейтенанта Аргунова и гвардии старшины Дятлова.

...Могила героев находится на кладбище в местечке Ретово Литовской ССР. Возле нее часто можно видеть пионеров и школьников. Они приходят сюда и кладут к подножию памятника цветы.

Память о Николае Филипповиче бережно хранят его односельчане. Улица Большая в селе Коченево, где живет его мать Анна Лаврентьевна, ныне называется улицей Аргунова. Имя отважного земляка с гордостью носит пионерская дружина школы, в которой он учился.

Баринов Иван Михайлович

Говорят, любая перемена в жизни требует от человека душевного напряжения. Но один ко всему новому привыкает быстро, другой медленнее. Все зависит от того, как с детства человек подготовился к преодолению трудностей, неизменно возникающих на крутых поворотах жизни.

Иван Михайлович Баринов с новой обстановкой освоился быстро, потому что всей своей жизнью был подготовлен к тяжелым испытаниям войны. Он родился в бедной крестьянской семье в 1922 году в селе Ярки Черепановского района Новосибирской области. С раннего детства был приучен к труду, к самостоятельности. В восьмилетнюю школу ходил за 18 километров пешком, жил в людях, рано познал цену настоящей дружбы, научился остро чувствовать добро и зло.

Мечтал стать учителем. И стал им в 1940 году, преодолев многие трудности. А когда началась Великая Отечественная война, не колеблясь пошел в армию, чтобы с оружием в руках защищать Родину.

К началу Ясско-Кишиневской операции командир минометной батареи капитан Баринов был дважды ранен, участвовал в боях за Изюм и Запорожье, форсировал Днепр, сражался на реке Свирь. Его боевые заслуги были отмечены орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

Во второй половине августа 1944 года основные силы 3-го Украинского фронта вели бои по уничтожению

Кишиневской группировки. На южном участке оказались части пяти вражеских дивизий. Теснимые со стороны Аккермана, они отходили через село Татарбунары на Измаил, с тем, чтобы, переправившись через Дунай, занять на его западном берегу прочную оборону. Советское командование задалось целью отрезать пути отхода вражеской группировке и разгромить ее в междуречье.

Наперерез противнику с севера устремилась 5-я отдельная мотострелковая бригада полковника Завьялова Н. И. Днем раньше в районе Татарбунар оказалась 1-я батарея 101-го минометного полка 3-й минометной Свирской бригады под командованием капитана Баринова. Минометчики совершали марш на новые огневые позиции.

Ранним утром 24 августа капитан остановил батарею.

- Вы что-нибудь видите, товарищи? — спросил он минометчиков, показывая рукой в направлении далеких ложбин восточнее Татарбунар. Там двигались колонны войск.

- Это немцы, товарищ капитан,— подтвердили его догадку бойцы.

— Многовато,— отозвался он, что-то прикидывая в уме.

Взглянув на карту, сразу понял: гитлеровские войска идут, надеясь прорваться на запад через единственную переправу в Татарбунарах. Силы далеко не равны: одна батарея против нескольких тысяч гитлеровцев.

«Принимать бой или уклониться? — размышлял капитан.— Одна батарея все равно не удержит эту лавину». Но тут же возникла другая мысль: «А если лавина эта переправится, уйдет к Измаилу и займет там оборону? Сколько крови прольется!» И он решил принять бой, во что бы то ни стало задержать противника.

Батарея спешно оборудовала огневые позиции севернее Татарбунар. Сам капитан с командиром взвода управления и семью бойцами занял наблюдательный пункт на Белолесской горе.

Колонна противника приближалась...

Подготовив данные, капитан передал команду на огневые позиции. Тяжелые мины разорвались в самой гуще врага. Баринов повторил команду. Точным был и

второй залп, потом третий, четвертый, пятый... А враг, несмотря на сильный огонь, неудержимо полз к переправе.

В стороне от НП, в зарослях кукурузы, остановилась 105-миллиметровая вражеская батарея. Гитлеровцы разворачивали пушки, видимо намереваясь подавить так насолившую им минометную батарею.

— Продолжай управление огнем,— приказал Баринов командиру взвода.— А мы сейчас разделаемся с ними! — кивнул он в сторону вражеской батареи.

С шестью бойцами он подобрался к пушкам противника. В течение каких-нибудь трех минут все орудийные расчеты гитлеровцев полегли под автоматным огнем.

Капитан Баринов первым бросился к вражеским орудиям. За ним — его связисты и разведчики. Развернули захваченные пушки в сторону противника и открыли из них ураганный огонь. Расстреляв все снаряды, Баринов возвратился на наблюдательный пункт.

Гитлеровцы, встретив мощный огонь, остановились. Но деваться было некуда, и через час они снова двинулись к переправе. Две колонны обтекали Белолесскую гору. Одна — шла прямо на НП.

Все артиллеристы, кроме командира батареи, который управлял огнем минометов, приготовились к бою. Они открыли по врагу уничтожающий огонь и заставили его отойти. Но после короткой заминки враг снова пополз вперед.

Меньше чем за сутки артиллеристы отбили девять атак. Кончились патроны, не осталось ни одной гранаты, а гитлеровцы с тупым упорством лезли и лезли.

Капитан Баринов повел бойцов врукопашную. Но их было только восемь... Гитлеровцы ворвались на высоту.

Капитан подбежал к радиостанции.

- Я Марс, я Марс,— прокричал он в трубку.— Беглым по НП!.. Беглым по НП!..

Через полчаса с севера к Татарбунарам прорвалась 5-я мотострелковая бригада. Броневики с ходу врезались в колонны противника. За ними мчались автомашины с автоматчиками и мотоциклисты. Удар бригады был настолько неожиданным, что враг растерялся и отступил, так и не достигнув переправы.

А на рассвете тысячи вражеских солдат снова пошли к Татарбунарам, однако на этот раз не в атаку, а в плен.

Все поле боя было усеяно вражескими трупами, обломками машин и повозок.

Перед Белолесской горой, где оборонялся со своими бойцами капитан Баринов, валялось около 400 трупов вражеских солдат и офицеров.

В тот же день капитан Баринов и его отважные товарищи были похоронены на центральной площади в Татарбунарах.

24 мая 1945 года капитану Баринову Ивану Михайловичу Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР присвоено звание Героя Советского Союза. Высоких наград были удостоены и его боевые товарищи.

Бельский Алексей Ильич

Родился Алексей Ильич 3 марта 1914 года на станции Голышманово Омской железной дороги в семье служащего. Двух лет остался без отца. Мать с детьми переехала в село Лягуши Купинского района Новосибирской области, работала уборщицей в школе. Старшая сестра здесь же учительствовала.

По ее стопам после окончания школы пошел Алексей. Стал комсомольцем, учил ребят истории, географии, математике и сам заочно учился в Томском педагогическом институте. Вскоре его назначили директором школы.

А в мае 1940 года он, Алексей Бельский, стал солдатом. Перед самой войной его направили в Минское военно-политическое училище. Учиться пришлось недолго. Началась Великая Отечественная война.

Вместе с училищем курсант Бельский отходил на восток. В жизни его, пожалуй, не было дней более тяжелых, чем эти. Забитые беженцами дороги, горящие села, разрушенные города, неубранные трупы в придорожных канавах... За первый месяц войны он почувствовал себя старше лет на десять.

Запомнился жаркий июльский полдень. Безоблачное небо. Тишина. В полукилометре от дороги, на которой остановились курсанты, мальчик и девочка пасли корову. Фронт был далеко. Девочка рвала цветы, а мальчик, видимо, ее братишка, гонялся за бабочками.

Вдруг из-за Леса вынырнули Два «Мессера». Курсантские машины были хорошо замаскированы, и фашисты, не заметив их, пронеслись мимо. Но вот стервятники развернулись. Алексей не верил своим глазам: самолеты пикировали на ребятишек. Девочка, схватив братишку за руку, побежала к лесу. Ее трепещущее на ветру красное платьице отчетливо выделялось на зеленом поле. Перед самой опушкой леса она упала.

Бельский, не помня себя, бросился к опушке. Девочка лежала лицом вниз. Ее платьице под левой лопаткой бурело от крови. В правой руке она все еще судорожно сжимала букетик ромашек. Мальчик стоял рядом. В широко раскрытых глазах — испуг, недоумение. На всю жизнь запомнились Алексею Бельскому эти глаза. Сердце не вмещало ненависти.

В августе 1941 года после досрочного выпуска из училища политрук Бельский был назначен в 160-ю стрелковую дивизию комиссаром отдельной зенитной батареи, а затем комиссаром стрелкового батальона.

Зимой 1942—1943 гг., когда наши войска доколачивали вражескую группировку, окруженную в Сталинграде, Советская Армия развернула активные наступательные действия. По фронтовым дорогам, проложенным в глубоких снежных сугробах, иа запад шли батальоны, полки, дивизии. Шли безостановочно, днем и ночью, без сна и отдыха.

В составе 69-й армии успешно продвигалась на запад и 160-я стрелковая дивизия.

В одном из боев на подступах к Харькову смертельно ранило командира батальона. Бойцы остановились и залегли на открытом заснеженном поле. Политрук Бельский подполз к комбату.

— Прощай, Алеша,— едва слышно проговорил командир,— надо поднять людей. Здесь нельзя задерживаться.

Бельский встал во весь рост.

— Батальон, за мной!

К вечеру опорный пункт был взят.

Батальон успешно справился со своими задачами и на следующий день.

— Это прирожденный командир,— докладывал о Бельском в штаб дивизии командир полка.— Бойцы любят его. Ему и командовать **батальоном.**

И как ни жалко было начальнику политотдела подполковнику Жильцову терять отважного политработника, пришлось уступить.

Так Алексей Ильич стал комбатом.

За успешное руководство боевыми действиями батальона, за личную храбрость, инициативу и находчивость в зимних боях 1943 года Бельский был награжден орденом Красного Знамени.

В конце февраля на станции Ковяги, западнее Харькова, он был тяжело ранен и эвакуирован в глубокий тыл. Полгода с лишним пролежал в госпитале. Вылечился. В штабе округа сказали:

— Поедете учиться на курсы «Выстрел».

— Учиться? — удивился Бельский.— В такое время?

— Да, да, — подтвердил офицер отдела кадров. — И не возражайте, вопрос решен.

В марте 1944 года, после окончания курсов в звании капитана Бельский прибыл в 89-ю Белгородско-Харьковскую гвардейскую стрелковую дивизию на должность командира стрелкового батальона.

Части дивизии, прорвав оборону противника на Южном Буге, по весеннему бездорожью наступали на город Балта. Дороги были забиты вражеской техникой. В воздухе стремительно проносились краснозвездные самолеты. Солдаты батальона Бельского по колени увязали в липком черноземе, глаза слипались от усталости и бессонных ночей.

— Шире шаг, товарищи! — ободрял их комбат.— Нас ждут!

4 апреля дивизия, миновав Балту, была уже на подступах к Дубоссарам, а еще через четыре дня опрокинула гитлеровцев в Днестр и захватила плацдарм на западном берегу. Начались затяжные бои, которые продолжались до середины августа. В это. же время в войсках шла напряженная подготовка к Ясско-Кишиневской операции.

23 августа после мощной артиллерийской и авиационной подготовки дивизии 5-й ударной армии взломали вражескую оборону в районе Оргеева, севернее Дубоссар, и устремились к столице Молдавии — Кишиневу.

Гвардии капитан Бельский со своим батальоном шел в авангарде полка. Полк — в авангарде дивизии.

Дивизия — в авангарде армии. Батальон был на острие всей армии.

Нестерпимо палило солнце. Белая дорожная пыль оседала на лицах, на мокрых от пота гимнастерках, забивала глаза, рот, хрустела на зубах. Преследуя отходящего противника, батальон за один день с незначительными боями прошел около 50 километров и остановился на высоте в 7 километрах от Кишинева.

Бельский еле передвигал ноги. Он видел, как падали от усталости бойцы. А совсем рядом в багровых лучах заходящего солнца лежал город, весь в огне. Высоко поднимались черные столбы дыма. Отчетливо слышались глухие раскаты взрывов.

Собрав командиров подразделений, Бельский негромким охрипшим голосом спросил:

— Устали? Знаю. Надо бы отдохнуть. Но сами видите, что творится в городе. Идите к бойцам и объясните обстановку. Спросите их, что будем делать: отдыхать или спасать город?

Как он и предполагал, мнение солдат было единодушным — немедленно наступать. Командиры рот Киташин, Сенаторов и Давыдович получили боевые задачи.

Едва роты спустились с высоты, противник открыл огонь. В центре наступление замедлилось. Зато левофланговая рота, которой командовал Киташин, далеко продвинулась по глубокому оврагу, с ходу преодолела линию вражеской обороны и ворвалась в город. Гитлеровцы нервничали. Услышав у себя в тылу , сильную стрельбу, они ослабили сопротивление и в центре и на правом фланге. Этим воспользовались и ворвались в город другие роты батальона. Ровно в 21 час батальон достиг центра города, и рядовой А. Кушнир по приказу Бельского на самом высоком здании города водрузил красное знамя.

За этот бой командующий 5-й ударной армии генерал-полковник Берзарин Н. Э. наградил гвардии капитана Бельского орденом Отечественной войны I степени.

После освобождения Молдавии дивизия была переброшена на Магнушевский плацдарм на реке Висле.

Два с лишним месяца батальон Бельского готовился к предстоящим боям. Была поставлена задача: про-

рвать оборону противника и захватить господствующую высоту.

Штурм вражеской обороны , начался на рассвете 14 января 1945 года. Гитлеровцы сопротивлялись с яростью обреченных. Бой шел за каждый окоп, за каждый метр земли. Четыре часа батальон пробивался к высоте. Каждый воин вел себя героем. Впереди шли коммунисты А. Куземченко, А. Фомин, Н. Кузнецов, И. Бирулин, О. Садыков, Н. Акишев и другие. Гвардии майор Бельский не только вдохновлял гвардейцев личным примером храбрости и неукротимой воли к победе, но и умело, с глубоким знанием дела руководил приданными огневыми средствами и искусно управлял стрелковыми ротами. Задача, поставленная батальону, была успешно выполнена.

89-я стрелковая дивизия стремительно прошла с боями более 570 километров и севернее Кюстрина захватила плацдарм на реке Одер, откуда немного позже советские войска начали наступление на Берлин.

Командир 237-го гвардейского стрелкового полка подполковник Василий Васильевич Бунин, оценивая действия батальона гвардии майора Бельского, писал:

«...Достигнув реки Пилица, товарищ Бельский, несмотря на сильный артиллерийско-минометный и пулеметный огонь, вместе с 5-й стрелковой ротой переправился на левый берег и, закрепив его за собой, переправил на захваченный плацдарм весь батальон. За день боевых действий батальон прорвал вражескую оборону, форсировал реку Пилица, уничтожил сотни вражеских солдат и офицеров, разгромил 30 огневых точек противника. Боевую задачу батальон с честью выполнил. Своими действиями он открыл путь в Германию.

За личный героизм и умелое командование батальоном гвардии майор Бельский достоин высокого звания Героя Советского Союза...»

Оно было присвоено Бельскому Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года. В дивизии прибавилось еще 14 героев.

Свой боевой путь Алексей Ильич закончил в Берлине. Одиннадцать километров гвардейцы во главе со своим командиром прошли с тяжелыми боями по улицам фашистской столицы, вернее, не по улицам, а по

крышам. Это была новая тактика. Сверху бить врага удобнее. Если не удавалось сломить сопротивление противника ударами с крыш, гвардейцы спускались под землю, продвигались вперед по тоннелям метро, сточным трубам и внезапным ударом с тыла обрушивались на врага.

В память об этих боях в Центральном музее Советской Армии бережно хранится штурмовой флаг, водруженный воинами батальона над одним из шестиэтажных заводских корпусов в столице гитлеровской Германии.

В октябре 1962 года гвардии полковник Бельский А. И. по состоянию здоровья уволился в запас.

24 августа 1964 года решением Кишиневского городского Совета депутатов трудящихся Алексею Ильичу Бельскому присвоено звание Почетного гражданина столицы Молдавии.

Город, который он освобождал со своими гвардейцами, стал его второй родиной. Но он никогда не забывает и родное село Лягуши, школу, где он был директором, откуда началась его нелегкая боевая жизнь.

Бенеш Николай Алексеевич

Фронтовая жизнь Николая Алексеевича Бенеша началась в мае 1943 года на Центральном фронте, в 70-й гвардейской стрелковой дивизии. Командуя минометным взводом, в первом же бою он отличился и был награжден медалью «За отвагу».

После разгрома гитлеровцев на Курской дуге наши войска устремились к Днепру. Передовой отряд 70-й дивизии с ходу форсировал реку и захватил небольшой плацдарм на западном берегу. Среди защитников плацдарма был и лейтенант Бенеш. Гитлеровцы, пытаясь сбросить советских воинов в Днепр, беспрерывно атаковали. Бои на плацдарме не прекращались ни днем, ни ночью.

В донесении командира полка подполковника Печенюка об этих боях говорится:

«Лейтенант Бенеш со своим взводом, выдвинувшись непосредственно в боевые порядки пехоты, открыл ураганный огонь по противнику, только ,23 сентября его взвод уничтожил 5 станковых пулеметов, подавил огонь двух дзотов, истребил до 70 солдат и офицеров. За день бойцы отбили 11 атак... Взвод Бенеша перебрасывался с одного участка на другой. Будучи в окружении, лейтенант Бенеш принял неравный бой, разорвал вражеское кольцо, уничтожив при этом до 50 солдат. Затем, увлекшись преследованием, ворвался в немецкую оборону, захватил батарею с большим количеством боепри-

пасов и еще целый день продолжал отбивать вражеские атаки...»

За этот подвиг Николаю Алексеевичу Бенешу Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза.

При освобождении Правобережной Украины он командовал минометной ротой. Под Брусиловом тяжело ранило. Свою часть догнал через три месяца в предгорьях Карпат.

- Молодец, Николай, вовремя прибыл! — радостно встретил своего друга командир батальона майор Ханеев.— Пока лечился, тебе присвоили звание капитана. Так что в роту явись по всей форме.

А через несколько дней началось наступление. Под Львовом противник оказывал особенно упорное сопротивление. 27 июля он предпринял сильную контратаку.

Капитан Бенеш стоял под старым вязом и. наблюдая за полем боя в бинокль, корректировал огонь минометов.

Видимо, его заметили. Вблизи рвались снаряды. Капитан, сохраняя хладнокровие, передавал команды. Но вдруг схватился за грудь и медленно опустился на дно окопа... Когда подбежали товарищи, Бенеш был уже мертв. Его похоронили в поселке Шпильчены Бобровского района Львовской области. Матери героя майор Ханеев писал:

«...Мы потеряли своего боевого друга, Николай был жизнерадостным, душевным товарищем, способным командиром. Я считал его за брата. И к Вам отношусь, как к матери. Все мы вместе с Вами разделяем наше общее горе.

Клянемся Вам, что мы беспощадно будем мстить фашистским гадам за смерть нашего дорогого товарища».

Вскоре после войны останки героя перенесли в город Бобрка и захоронили на центральной площади, которой присвоили его имя. На могиле поставили памятник. Помнят о Бенеше и на родине — в селе Красном Венгеровского района Новосибирской области.

Трое суток разведчики, уставшие и голодные, в изодранном обмундировании, шныряли по тылам противника. Они многое увидели, хорошо изучили систему вражеской обороны, оставалось только захватить контрольного пленного — и можно возвращаться домой. Но с захватом пленного возникли непредвиденные трудности.

Командир дивизии, провожая их в опасный путь, наказывал:

— Приведите «языка». И обязательно офицера.

А офицеры, как на грех, не попадались. Командир разведгруппы гвардии старший сержант Анатолий Борискин, человек недюжинной силы, в прошлом учитель и спортсмен, обычно невозмутимый, расчетливый и осторожный, переживал тревогу. Для чего командиру дивизии нужен хорошо осведомленный «язык», он отлично понимал. Гитлеровцы производят перегруппировку, подтягивают к Днепру свежие части, и, чтобы получить подробные сведения об их силах и намерениях, нужен был офицер. Но где его взять?

Борискин решил подождать до полуночи. Если удачи не будет — пробираться в Куцеволовку и брать «языка» в штабе. Это, конечно, сложно и опасно, но иного выхода он не видел.

Быстро сгущались вечерние сумерки. Было тихо, безветренно. Над Днепром тревожно вспыхивали ракеты. Где-то далеко в стороне приглушенно урчали моторы.

Борискин Анатолий Васильевич

Время тянулось медленно. Разведчики угрюмо молчали.

— Слышите? — вдруг встрепенулся гвардии сержант Егор Чесноков.

Борискин и третий разведчик — гвардии рядовой Павел Кузуб насторожились.

— Машина! — свистящим шепотом произнес Чесноков и вопросительно посмотрел на командира.

Борискин, повернув голову в сторону, откуда доносился шум машины, обдумывал план действий.

— Ну, товарищ старший сержант? — торопил его Чесноков.

— Не горячись, Егор.

С Чесноковым, коммунистом, он участвовал во всех операциях, крепко дружил.

- А если офицера в машине не будет? — спросил Борискин.— Шуму наделаем. А толку?

— Надо рискнуть, больше выжидать нельзя,— сказал Чесноков.

- Посмотрим,— отозвался Борискин.— Если легковая — будем нападать. Грузовую не трогать! Пошли.

Обычно главную роль при захвате «языка» он брал на себя. Задача подчиненных заключалась в том, чтобы при необходимости оказать помощь.

Залегли у обочины дороги. Уже отчетливо просматривался большой темный силуэт приближавшейся машины.

- Грузовик,— разочарованно проворчал Борискин но, приглядевшись, обрадованно воскликнул: — Никак штабной автобус?

— Точно! — подтвердил Чесноков.

— Егор, твоя задача — остановить,— распорядился Борискин.

Чесноков подался вперед, выдернул чеку из запала «лимонки» и, выбрав момент, когда до автобуса оставалось не более пятнадцати метров, бросил... Раздался взрыв. Автобус круто свернул в сторону, съехал в кювет.

Борискин выскочил на дорогу и метнул гранату в окно автобуса, послышались крики, стоны.

Метнул еще гранату, но умышленно не выдернул из запала чеку. Этот прием он применял не раз и был уверен, что гитлеровцы не окажут сопротивления. Расчет

простой: оставшиеся в живых будут ждать взрыва гранаты. Тут не до сопротивления. Действительно, гитлеровцы в ожидании взрыва вповалку лежали на полу автобуса. Их было не менее десятка. Борискин вытащил забившегося под переднее сиденье насмерть перепуганного обер-лейтенанта (как выяснилось позже, это был начальник секретной части дивизии) и передал Чеснокову и Кузубу. А сам, еще раз окинув взглядом автобус, обнаружил там же под сиденьем большой желтый портфель, прихватил его с собой и поспешил за товарищами. Вся операция заняла не больше трех-четырех минут.

Разведчики были уже далеко в лесу, когда со стороны Куцеволовки послышались выстрелы, в темное небо взметнулись десятки ракет, зарокотали моторы.

Пленного с кляпом во рту и связанными за спиной руками вели Чесноков и Кузуб. Борискин шел за ними, часто останавливался, прислушивался, нет ли погони.

До Днепра добрались в полночь. Разыскали спрятанную в кустах лодку, положили в нее пленного и, налегая на весла, поплыли к своим.

На берегу их встретил начальник разведки дивизии гвардии майор Назаров.

— А мы уже думали: пропали,— обрадованно говорил он, обнимая разведчиков.— Идите и отдыхайте. Когда понадобитесь — позову.

В жарко натопленной хате разведчиков встретили старшина Михаил Панарин и старший сержант Виктор Леонов.

— Вы уже здесь? Давно вернулись? — крепко пожимая руки товарищам, взволнованно говорил Борискин.— Пленного взяли?

— Вчера вернулись, с «языком»,— степенно отвечал Панарин.— Все обошлось... Наверно, завтра или послезавтра начнем форсирование...

Продолжая обмениваться впечатлениями, разведчики сели за стол.

Панарин и Леонов — оба из взвода Борискина, сибиряки, выполняли подобное же задание, только действовали они правее группы Борискина.

На следующий день войска 37-й армии, куда входила и 110-я гвардейская стрелковая дивизия, на широком фронте начали форсирование Днепра.

Разведчики снова действовали впереди.

За десять дней непрерывных боев дивизия не только прочно закрепилась на правом берегу, но и значительно продвинулась в глубь вражеской обороны.

Особенно упорно враг оборонял Куцеволовку. Высота 177,0 в районе этого населенного пункта несколько раз переходила из рук в руки.

Вечером 8 октября гитлеровцы бросили в атаку свежие силы и вновь овладели ею. Эта злополучная высота занимала господствующее положение, и пока она была в руках гитлеровцев, дивизия не могла развивать наступление. Штурмовавшие ее стрелковые подразделения несли большие потери.

Командир дивизии гвардии полковник Огородов вызвал Борискина.

- Требуется ваша помощь, товарищ Борискин. Надо обойти и захватить высоту одновременной атакой с тыла и фронта. Начало штурма в двадцать три часа. Командиру стрелкового батальона, который будет атаковать высоту с фронта, задача поставлена. Он еще здесь, в штабе, о взаимодействии договоритесь лично с ним. Вопросы есть?

- Все ясно.

Командир дивизии внимательно посмотрел на разведчика, хотел что-то сказать, потом, видимо, раздумал и отрывисто бросил:

- Действуйте, товарищ гвардии старший сержант. Желаю удачи!

За пятнадцать минут до начала штурма по высоте был открыт сильный огонь. За это время стрелковый батальон вышел на рубеж атаки. Когда в темное небо взвилась красная ракета — сигнал начала штурма, на западных скатах высоты загремели автоматные очереди — это начали действовать разведчики.

Батальон поднялся в атаку. Гитлеровцы, встревоженные стрельбой в своем тылу, некоторое время молчали, потом над высотой во всех направлениях взметнулись десятки осветительных ракет, тотчас же, захлебываясь, ударили пулеметы, застрочили автоматы.

Цепи атакующих дрогнули. Появилось много убитых и раненых.

Видя, что атака главных сил может захлебнуться, Борискин приказал Леонову:

— Виктор, командуй здесь, а мы с Панариным проберемся к батальону: надо узнать, в чем там дело.

Где ползком, где короткими перебежками разведчики добрались до залегших стрелков. В левофланговой роте не оказалось ни одного офицера. Все погибли.

В это время снова послышалась стрельба на западных скатах высоты.

- Наши разведчики штурмуют, а вы здесь лежите! — крикнул Борискин.— Вперед, за мной!

Он поднялся и, чуть пригнувшись, устремился к вершине. Правее, на ходу стреляя, бежал Михаил Панарин. Рядом с ним — командир батальона. Борискин узнал его по голосу, а через секунду в бледном свете падающей ракеты увидел его впереди своих бойцов с поднятым над головой пистолетом.

Весь батальон поднялся в атаку.

Гитлеровцы непрерывно стреляли. Особенно беспокоил Борискина огонь пулемета, бившего с фланга вдоль цепей атакующих. Упал, сраженный пулей, командир батальона. Наверное, бойцы снова бы залегли, но слева раздались один за другим два взрыва гранат, и пулемет, причинивший столько вреда наступавшим, вдруг замолчал.

Гвардии старший сержант Борискин почувствовал, что наступил переломный момент, и изо всей мочи крикнул:

— Батальон, за мной!

Коротким стремительным броском бойцы преодолели последние двадцать-тридцать метров, отделявшие от противника, и ворвались в первую траншею.

Гитлеровцы начали отходить. На западных склонах высоты гремели разрывы гранат, неистово трещали автоматы.

«Мои орлы дают жару»,— с гордостью подумал Борискин о своих боевых товарищах-разведчиках.

Высота была очищена от противника. ,

Борискин лично уничтожил 15 гитлеровцев и вывел из строя станковый пулемет, захватив в плен двух связистов с радиостанцией. Но радость победы была омрачена гибелью товарища, молодого разведчика Павла Кузуба. Как выяснилось потом, это он заставил замолчать вражеский пулемет, бивший по флангу батальона, закрыв амбразуру дзота своим телом.

Утром разведчика похоронили. Гвардии старший сержант Борискин на доске от снарядного ящика сделал надпись: «Гвардии рядовой Павел Степанович Кузуб, 1924 г. рождения, из станицы Петровской Краснодарского края, член ВЛКСМ, геройски погиб 9 октября 1943 года».

Разведчики прибили доску с надписью к столбику и молча постояли над свежим холмиком земли, так же молча спустились с высоты и пошли дальше, на запад.

За подвиг при форсировании Днепра, за смелые действия в тылу противника и захват «языков», за отвагу, мужество и самоотверженность при штурме высоты 177,0 гвардии старшему сержанту Борискину Анатолию Васильевичу, гвардии старшине Панарину Михаилу Петровичу, гвардии старшему сержанту Леонову Виктору Петровичу, гвардии сержанту Чеснокову Егору Александровичу, гвардии рядовому Кузубу Павлу Степановичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Из них только двое остались в живых: Анатолий Борискин и Егор Чесноков. В конце декабря 1943 года при освобождении Правобережной Украины погиб Панарин, а через год, в декабре 1944 года — Леонов.

Анатолий Васильевич Борискин в конце войны, в 1944 году, был направлен на учебу в военное училище. Но учился недолго — сказалось ранение, пришлось из армии уволиться.

Приехал в родную Сибирь, где вырос и был призван в армию. Сейчас работает заместителем директора заготконторы Куйбышевского райпотребсоюза.

Борисов Николай Денисович

В первых числах апреля 1945 года войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, преследуя отходящего противника, вышли к столице Австрии — Вене. Гитлеровское командование превратило город в крупный узел сопротивления и призвало свои войска оборонять его до последней возможности.

«Вена должна стать неприступной крепостью!» — заклинал своих солдат Гитлер, все еще надеясь сговориться с англо-американскими империалистами и с их помощью предотвратить неминуемый крах фашистского рейха или хотя *бы* спасти армию от русского плева.

5 апреля советские войска начали штурм Вены. Гитлеровцы оказали ожесточенное сопротивление. Красавицу Вену с ее многочисленными историческими памятниками, зелеными парками, ажурными мостами и театрами потрясали сильные взрывы, обжигали пожары. Город, будто тяжело больной в горячечном бреду, стонал и вздрагивал.

Фашисты, теснимые с трех сторон, чувствуя близость своего позорного конца, в бессильной злобе взрывали заводы, мосты, жгли жилые кварталы, продовольственные склады и хранилища.

11 апреля советские войска овладели центральными кварталами города, вышли к Дунайскому каналу и успешно преодолели его. Но фашисты не складывали оружия, намереваясь отвести главные силы на левый берег Дуная, в венские пригороды Кайзермюлан и Флориде-

дорф. Единственный путь отхода — через Рейхсбрюккен — Имперский мост.

Советское командование знало намерение гитлеровцев взорвать этот мост, чтобы преградить путь нашим войскам или замедлить их продвижение. Перед командиром 2-й гвардейской механизированной бригады гвардии подполковником Ивановым была поставлена задача: захватить мост. Выполнение задачи он поручил командиру взвода гвардии старшему сержанту Андрею Кульневу, опытному разведчику, коммунисту, уроженцу города Семилуки Воронежской области.

- Подберите ребят из своего взвода и с наступлением темноты в путь! Основная ваша задача — разминировать мост, предотвратить взрыв. Через час будут два минера: Максим Ластовский и Андрей Золкин. Оба — надежны, проверены...

Из своего взвода Кульнев отобрал троих: коммуниста гвардии старшину Федора Минина, спокойного и рассудительного полтавчанина, и комсомольцев — гвардии рядовых Григория Москальчука, уроженца Житомирской области, и сибиряка Борисова Николая Денисовича.

В ночь на 13 апреля разведчики отправились в опасный путь. Маршрут был разработан заранее. Вдоль Форгартенштрассе пробирались короткими перебежками, прижимаясь к стенам домов. Гитлеровцы изредка постреливали, освещали улицу ракетами. По развороченной мостовой переползли на противоположную сторону улицы и проскользнули в переулок. Здесь было немного спокойнее: этот район фашисты считали своим тылом.

Передохнули, сориентировались.

В полночь вышли на набережную Дуная и залегли. Перед ними, преграждая путь к реке, жарко пылали оклады. На противоположном берегу, разбрасывая во все стороны фейерверки, горел пиротехнический завод. В неверном колеблющемся свете пожаров просматривалась черная громада Имперского моста. Чтобы добраться до него, надо было еще преодолеть широкую полосу огня.

Прикрывая глаза от летящих искр и отворачивая лица от знойного жара, разведчики один за другим, где ползком, где короткими перебежками, пробирались впе-

ред. Гудел огонь, с треском рушились горящие балки. Этому бушующему морю огня, казалось, не будет конца. Уже нечем было дышать, начала тлеть одежда...

Наконец пахнуло прохладой. В отешете пожара разведчики увидели маслянисто-черную гладь Дуная и совсем рядом — мост. Подползли к воде, утолили жажду, осмотрелись.

По мосту у берега прохаживался часовой. Перед мостом какие-то оборонительные сооружения (как (потом выяснилось, подступы к мосту охраняли три танка, бронетранспортеры и автоматчики).

— Часового надо снимать,— вполголоса произнес Кульнев,— иначе ничего не выйдет.

— Разрешите мне,— вызвался Борисов.

— Только без шума,— после недолгой паузы согласился командир.— Москальчук, идите с Борисовым.

Борисов приготовил нож и пополз к мосту. Москальчук — за ним. Остальные с напряжением стали наблюдать за часовым.

Где-то грохотали раскаты взрывов, гулко били пулеметы, но разведчики не прислушивались. Зато улавливали каждый звук на мосту. Кульневу показалось, что позади часового промелькнула какая-то тень. Донесся едва слышный вскрик, и снова все стихло. Часового на мосту уже не было.

Борисов появился неожиданно.

— Все в порядке,— доложил он.

Разведчики тотчас же отправились к мосту. Кульнев на ходу распределил обязанности и уточнил задачу.

— Минин, Борисов, Золкин! Вы осматриваете левую сторону моста. А Ластовский и Москальчук — со мной: проверим правую сторону.

Борисов вывел товарищей к мосту. Они поднялись по береговой опоре до продольной балки нижнего пояса фермы и, цепляясь за металлические переплетения, осторожно, один *за* другим, стали пробираться к противоположному концу моста.

Когда достигли примерно середины моста, между балками обнаружили ящики со взрывчаткой. В этот момент на мост вступили вражеские танки. Разведчики замерли. За танками прошла колонна пехоты. Потом опять танки...

«Сейчас пройдут войска, кто-то повернет рукоятку

взрывной машинки и...» Эта мысль торопила Борисова. И, наверное, не только его, она руководила поступками всех разведчиков.

— Вот они,— едва не крикнул Борисов, обнаружив спускающиеся вдоль балки электрические провода.

— Режь! — сказал Минин.

А над головой грохотали танки. Минин, Борисов и Золкин, когда все провода были перерезаны, уже не таясь, начали рубить ножами крепежную проволоку и сбрасывать в воду ящики со взрывчаткой.

Перебрались к следующей опоре. И опять вниз полетели ящики. Достигнув опоры у противоположного берега, разведчики повернули обратно и, лишь когда снова оказались на твердой земле, облегченно вздохнули.

Начинало светать. Разведчики лежали на мокром песке и не отрывали глаз от моста. По северному берегу ударила артиллерия, а через несколько минут на мост вступили «тридцатьчетверки».

Мост стоял. Продолжал стоять и тогда, когда танки вышли на противоположный берег Дуная.

Мост стоит и поныне. По нему движется транспорт, ежедневно проходят сотни тысяч венцев. Они знают, что красавец мост спасла Советская Армия, как и всю Вену, но вряд ли им известно, что происходило здесь в ночь с 12 на 13 апреля 1945 года. Знают ли они о том, что если бы не был предотвращен взрыв моста, в этом районе города боевые действия наверняка бы затянулись? А это могло стоить немалой крови и для венцев. И уж, конечно, были бы разрушены многие здания, в которых они сейчас живут, которыми любуются и гордятся.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июня 1945 года Николаю Денисовичу Борисову и пяти его боевым товарищам присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны вся шестерка отважных советских воинов вернулась к мирному труду.

Николай Денисович Борисов, родом из села Михайловки Болотнинского района Новосибирской области, приехал в родную Сибирь. Сейчас живет в городе Топки под Кемеровом, работает на железнодорожном транспорте.

Волков Андрей Алексеевич

Андрей Алексеевич Волков, уроженец деревни Мининo Татарского района Новосибирской области, закончил до призыва в армию школу автомехаников и работал шофером. Поэтому, наверное, призывная комиссия и направила его на курсы командного состава бронетанковых войск. Окончив их, Андрей Волков в звании младшего лейтенанта запаса возвратился в родной Татарск и до самого начала войны работал шофером-механиком межрайонной базы облпотребсоюза.

А в конце июня 1941 года он уже был в действующей армии на Западном фронте. Первое боевое крещение получил в июле под Ельней. Войска 24-й армии в те дни громили вражескую группировку, прикрывавшую ельнинский выступ. Потом обстановка резко ухудшилась. В октябре противник, обойдя танковыми клиньями оборонявшиеся советские войска, прорвался к Москве. Развернулись тяжелые бои на подступах к столице, которые продолжались до декабря. В этих боях враг был измотан и обескровлен. 5 декабря Советская Армия перешла в контрнаступление и погнала гитлеровцев на запад.

Лейтенант Волков в те дни служил в 35-й механизированной бригаде, командовал отдельной разведывательной ротой. Однажды, совершенно случайно, возле штаба он встретил своего родного брата Сашу. Тот, оказывается, служил танкистом, механиком-водителем.

Андрей добился, чтобы брата зачислили в его роту. И с того дня они отправлялись в бой в одном танке. Стар-

ший занимал место командира в башне, младший — за рычагами управления.

Осенью 1942 года во время боев под городом Белым разведывательная рота под командованием лейтенанта Волкова уничтожила три тайка противника и в полном составе пленила штаб вражеского батальона. Командующий войсками 41-й армии наградил Волкова медалью «За отвагу».

В этом районе шли ожесточенные бои с переменным успехом. При очередном контрударе немцам удалось отрезать роту Волкова от основных сил и окружить. Пока было горючее, рота продвигалась на восток на танках; потом, когда горючее кончилось, пришлось идти пешком. Почти десять дней, по лесам и болотам, голодные и измученные, танкисты пробивались к своим. При переходе линии фронта многие из них погибли. Упал, сраженный вражеской пулей, и брат командира — Александр. Танкистов отправили в глубокий тыл. Два месяца отдыхали, получали новую материальную часть, занимались боевой учебой.

После переформировки лейтенант Волков в составе 104-го танкового полка, где он был командиром роты, снова прибыл на фронт. В боях под Вязьмой он лично уничтожил вражеский танк, самоходную артиллерийскую установку и раздавил гусеницами три минометных батареи. В этих боях был ранен. Командир 3-го гвардейского кавалерийского корпуса вручил ему орден Отечественной войны I степени.

После недолгого пребывания в госпитале Волков возвратился в свой полк. Лейтенанта Волкова приняли в ряды Коммунистической партии...

В июне 1944 года начались активные боевые действия. После прорыва вражеской обороны под Оршей советские войска устремились на запад. 104-й танковый полк, входивший в состав конно-механизированной группы генерала Н. С. Осликовского, шел в авангарде наступающих войск. 27 июня взяли Оршу, 9 июля — Лиду, 16 июля — Гродно. Рота Волкова в этих боях уничтожила десятки вражеских танков и самоходок, истребила сотни гитлеровцев.

Командир 104-го танкового полка гвардии майор Стоянов об этих боях докладывал в штаб дивизии:

«...28 июня 1944 года в районе села Гуты Минской

области при атаке высоты 134,6 прямым попаданием вражеского снаряда танк командира роты был подожжен. Лейтенант Волков вместе с членами экипажа погасил пламя и, презирая смерть, продолжал вести бой. Он лично уничтожил две противотанковые пушки, два тягача, один миномет и до 30 гитлеровцев.

30 июня в районе села Ляховка рота лейтенанта Волкова в составе четырех танков проникла глубоко в тыл противника и внезапно обрушилась на вражескую автоколонну. Огнем и гусеницами танкисты уничтожили десятки автомашин и сотни гитлеровцев.

6 июля в бою за населенный пункт Лоск танковая рота лейтенанта Волкова, скрытно приблизившись к расположению противника, внезапно атаковала его во фланг и тыл. В этом бою лейтенант Волков лично уничтожил восемь пулеметов, одно орудие, расстрелял из пулемета и раздавил гусеницами около 60 гитлеровцев...

За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом мужество и геройство лейтенант Волков Андрей Алексеевич вполне достоин присвоения ему звания Героя Советского Союза».

4 ноября 1944 года, когда советские войска уже вели бои в Восточной Пруссии, отбивая ожесточенную контратаку противника в районе Гольдапа, старший лейтенант Волков был тяжело ранен. Товарищи вытащили его из горящего танка в бессознательном состоянии и в тот же день доставили в госпиталь, располагавшийся в Сувалках. Двадцать одни сутки врачи самоотверженно боролись за его жизнь и победили.

Весть о присвоении звания Героя Советского Союза застала Волкова в госпитале. Лечащий врач И. Н. Григорьев во время обхода достал из кармана газету от 24 марта 1945 года и сказал:

- Поздравляю, танкист. Радуюсь за тебя. Радуюсь за то, что ты не только смело, не жалея себя, громил врагов, но и упорно боролся за жизнь и победил смерть.

В 1946 году, выписавшись из госпиталя, Андрей Алексеевич Волков приехал в родную Сибирь. Татарский горком партии направил его на учебу в областную партийную школу.

После длительного перерыва учиться было нелегко. Но Волков одолел и этот рубеж. В течение пяти лет ра-

ботал заместителем председателя Мошковского райисполкома. Потом снова учеба — в межобластной торгово-кооперативной школе, которую окончил с успехом. Сейчас Андрей Алексеевич Волков живет и работает в городе Карасуке.

Волков Иван Архипович

Апрель 1942 года на севере Ленинградской области был не по-весеннему студеным. С Онежского озера дул пронизывающий ветер. В районе Ур-озера и Шалаш-озера, где проходила линия фронта, еще лежал глубокий снег.

Противник, прочно засевший в железобетонных дотах, вел редкий беспокоящий артиллерийский огонь. После каждого выстрела тревожно вздрагивали сосны, по лесу разносилось гулкое эхо,

Больше месяца на фронте стояло затишье. Только по ночам действовали разведчики. В маскировочных халатах они тенями пробирались в тыл врага, устраивали засады на лесных дорогах, иногда приводили «языков». Каждый день выходили на «охоту» снайперы. Изредка, словно только для того, чтобы напомнить о себе, вели огонь артиллеристы.

— Не война, а курорт,— шутили между собой бойцы.

У одинокого дзота, расположенного на переднем крае и прикрытого мелким ельничком, собрались командиры рот 1-го батальона 536-го стрелкового полка. Командир батальона старший лейтенант Волков Иван Архипович отдавал боевой приказ. Батальону предстояло захватить высоту «Фигурную», господствовавшую над окружающей местностью, чтобы и на этом направлении можно было развить наступление.

Комбат говорил вполголоса. Он смотрел то на карту,

то на местность и до мельчайших деталей разъяснял задачи каждому подразделению. Командиры рот и приданных подразделений слушали молча. Каждый понимал: бой будет тяжелым.

— Все ясно? — Комбат обвел командиров пристальным взглядом.— Расходитесь по подразделениям, готовьте людей.

Комиссара он оставил, взял под руку.

— Надо поговорить с каждым коммунистом, напомнить о личном примере в бою. Тебе советую с началом наступления быть в первой роте. Я буду во второй...

На следующий день, рано утром, после артиллерийской и авиационной подготовки, 536-й стрелковый полк перешел в наступление. Батальон старшего лейтенанта Волкова успешно прорвал передний край обороны противника и окружил высоту. Казалось, победа обеспечена. Но произошло непредвиденное. Противник открыл по наступающим сильный огонь из пяти сильно укрепленных и тщательно замаскированных дзотов. Батальон залег. Самое обидное было то, что артиллеристы не могли поддержать пехоту. Она залегла так близко от дзотов, что вести огонь было опасно.

Наступили критические секунды.

Комбату было ясно: поднять людей, когда над головой свистит лавина пуль, очень трудно. Но и оставаться перед дзотами, на виду у противника, тоже нельзя.

«Надо во что бы то ни стало поднять батальон,— думал он,— поднять любой ценой».

Перевалившись на бок, зарядил две противотанковые гранаты и, не спуская глаз с ближнего дзота, пополз вперед. Когда до дзота осталось метров 60—80, Иван Архипович бросился вперед. Через несколько секунд он метнул гранаты и заставил замолчать дзот. С возгласом «за Родину!» побежал к дзоту. За ним с криком «ура» устремились бойцы. Батальон, воодушевленный успехом, продолжал наступление, разгромил вражеский штаб, захватил пленных. Ближайшая задача была выполнена.

Старший лейтенант Волков доносил командиру полка:

— Высота «Фигурная» занята. Гарнизон высоты полностью разгромлен. Захвачен интендантский склад с вещевым имуществом, автомашины, значительное количество станковых и ручных пулеметов, ценные

штабные документы. Батальон продолжает наступление.

Вражеское командование, пытаясь восстановить утерянные позиции, бросило против батальона Волкова свои ближайшие резервы.

Отбив контратаку, батальон снова пошел вперед и к исходу 12 апреля продвинулся глубоко в тыл противника. Бой не затихал и ночью. К утру 13 апреля осталось пятнадцать бойцов. Заняли круговую оборону. В течение суток героически отбивали атаки наседавшего противника. Почти все бойцы были ранены. Однако никто не думал отступать. Иван Архипович управлял боем, сам вел огонь из станкового пулемета, в минуты затишья перевязывал раненых.

Во второй половине дня 14 апреля, когда уже отчетливо слышались звуки боя подходивших главных сил полка, при отражении очередной атаки Иван Архипович был сражен вражеской пулей. Он умер без крика. Его видели стоящим в окопе. Руки все еще сжимали рукоятки станкового пулемета. И до самого подхода главных сил бойцы были уверены, что их комбат на боевом посту, у своего пулемета. Это придавало им силы, вселяло уверенность, хотя сердце командира уже не билось.

15 апреля 1942 года командир 114-й стрелковой дивизии полковник Панилович после осмотра поля боя докладывал в штаб армии:

«Старший лейтенант Волков, участвуя в боях с 11 по 14 апреля, проявил исключительное мужество. Он лично из пулемета истребил свыше 60 вражеских солдат и офицеров, а батальон под его командованием уничтожил около 600 гитлеровцев. Командир батальона Волков И. А. погиб как герой».

За мужество и отвагу, проявленные в боях, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1943 года старшему лейтенанту Волкову Ивану Архиповичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В селе Казаткуль Татарского района Новосибирской области, где в 1914 году родился Иван Архипович, свято чтут память земляка-героя. Одним из первых на селе он вступил в комсомол, был активным членом комсомольской ячейки. За принципиальность, честность и доброту к людям односельчане избрали его председателем Казаткульского сельсовета. А было ему всего 19 лет,

Ё Казаткульской восьмилетней Школе создан уголок Героя. Оборудован специальный стенд с материалами о его жизни и героическом подвиге. Любовно собраны письма, вырезки из фронтовых газет и другие документы. На видном месте большой портрет Ивана Волкова. Добрые умные глаза смотрят на ребят, за счастлиаую жизнь которых он отдал свою жизнь.

Выглазов Григорий Исаевич

Григорий Исаевич Выглазов среди своих товарищей по Отдельному парашютному батальону ничем особенным не выделялся. Уравновешенный, неразговорчивый, он к любому заданию относился одинаково серьезно, делал все основательно и не делил приказов на важные и второстепенные.

Еще во время тренировочных прыжков товарищи поняли, что за внешней неторопливостью Выглазова скрываются ловкость, расчет и самообладание — важные качества для парашютиста. Очень скоро его назначили командиром отделения, присвоили звание ефрейтора.

- Слушай, Гриша, ты вообще когда-нибудь волнуешься, нервы у тебя есть? — допытывался Виктор Пахомов, горячий, темпераментный москвич, после того, как Выглазов во время тренировочных прыжков спас ему жизнь.

Ефрейтор чуть заметно улыбался:

- А чего зря волноваться? Все обошлось, и ладно.

— Вот человек,— смеялся Пахомов.— Железо! Ты знаешь, мне тебя поцеловать хочется.

— Ну вот еще — не хватало...— смутился Выглазов и отошел в сторону.

До службы в армии он работал в колхозе в селе Шайдурово Сузунского района Новосибирской области. Родился в 1919 году. Все свободное от школы время проводил в лесу, пристрастился к охоте. Сначала уходил на

промысел с отцом, а когда отца не стало, со старшими братьями, а потом и вовсе один. Видимо, это и наложило отпечаток на его характер, приучило к молчаливости, сдержанности.

В 1939 «году его призвали в армию.

До 1942 года в боях участвовать не пришлось. Командование берегло парашютистов для более трудных дел. Когда же сложилось тяжелое положение в Крыму, дошла очередь и до них.

Утром 8 мая 1942 года после мощного авиационного удара гитлеровские войска перешли в наступление на Керченском полуострове, нанося главный удар вдоль побережья Черного моря на Феодосию.

Советские войска, занимавшие здесь боевые участки, не подготовленные к обороне, не смогли одержать натиска врага и начали отходить к Турецкому валу. Отходили по открытой каменистой местности, при полном господстве вражеской авиации. Не сумев закрепиться на линии Турецкого вала, стали отступать к Керчи.

К исходу 14 мая гитлеровцам удалось прорваться к южной и западной окраинам города.

Советское командование предпринимало все возможные в тех условиях меры, чтобы задержать врата и эвакуировать войска Крымского фронта через Керченский пролив на Таманский полуостров. С 15 по 20 мая арьергардные части и подразделения в районе Керчи вели ожесточенные бои с превосходящими силами, обеспечивая отход войск к переправам и посадку их на транспортные суда.

Кто был в те дни в районе Керчи, помнит, что творилось тогда на этом небольшом клочке выжженной каменистой земли. Тысячи раненых, поддерживая друг друга, брели к -переправам. Керчь — в огне, сухая степь — в огне. В воздухе сотни вражеских самолетов...

И вот в этой сложной драматической обстановке Отдельному парашютному батальону при разведывательном отделе штаба Северо-Кавказского фронта было поручено прибыть в район Керчи и любой ценой задержать противника, рвущегося к переправам, обеспечить эвакуацию войск Крымского фронта.

Парашютисты понимали важность задачи: если сдержат врага,— будут спасены десятки тысяч жизней. Пред-

ставляли они и свою участь: отходя последними под огнем врага, не многие останутся в живых.

Но долг есть долг, приказ есть приказ. О себе парашютисты не думали. 15 мая, находясь в обороне в районе завода имени Войкова, они отбили несколько атак противника. Встретив упорное сопротивление, гитлеровцы, видно, решили обойти «упрямый» район и начали перегруппировку сил. Надо было разведать, что замышляет враг, определить направление нового удара. Выполнить эту задачу командир роты поручил ефрейтору Выглазову.

— Бери трех бойцов из своего отделения и действуй! — приказал он.

Объяснить все детали задания не было ни времени, ни возможности. Да и необходимости.

Под ожесточенным минометным и пулеметным огнем Выглазов пополз первым. За ним, не отставая ни на шаг, следовали товарищи.

Добравшись до каменной ограды, они через брешь, пробитую снарядом, проникли на территорию завода, выбрались на противоположную сторону и, выяснив направление движения, силы и состав противника, возвратились тем же путем.

Командир роты тотчас же направил на угрожаемое направление взвод парашютистов с противотанковыми ружьями и гранатами. До позднего вечера рота сдерживала передовые подразделения противника, маневру его противопоставляя свой маневр, превосходству в живой силе и технике — мужество и стойкость бойцов.

Ночью на помощь парашютному батальону подошло несколько стрелковых подразделений из состава 51-й армии. Но за ночь и противник подтянул свежие силы.

На рассвете 16 мая Выглазов снова получил приказание уточнить намерения гитлеровцев, узнать, какие силы сосредоточили они для наступления.

На этот раз ефрейтор взял с собой в разведку керченского парнишку Андрея, армянина по национальности, знавшего город как свои пять пальцев.

Они благополучно вышли к району, где готовились к наступлению основные силы гитлеровцев.

- Дядя Гриша, отсюда на Войков им не по пути,— подсказал Андрей.— Они пройдут по дороге мимо элеватора к переправам на Енакеле и Опасную.

Подсчитав ориентировочно силы и состав группировки противника, Выглазов со своим добровольным помощником возвратился в батальон. Сведения, доставленные ими, позволили командованию нанести внезапный удар по врагу. На какое-то время противник был вынужден отложить наступление и временно перейти к обороне.

Однако в полдень враг снова полез вперед, намереваясь перерезать пути отхода на переправы Енакеле и Опасная.

В это время в район обороны арьергардных частей прибыл командующий 51-й армией. Генерал приказал атаковать противника и отбросить его с занимаемых позиций.

Удар парашютистов был настолько сильным, что враг попятился. Выглазов в это время уже командовал взводом. В азарте боя он не сразу заметил выдвигавшихся из балки восемь вражеских танков, которые намеревались нанести внезапный удар по флангу батальона.

— Выглазов! — неистово закричал командир роты.— Танки!

Ефрейтор остановил свой взвод у каменного забора. Достав из сумки бутылки с горючей жидкостью «КС», стал ждать приближения танков. Когда до переднего танка осталось метров двадцать, бросил бутылку. Она разбилась на моторной части. Танк сразу же вспыхнул. Выскакивающих гитлеровцев товарищи добивали из автоматов. Два других танка, следовавших за первым, остановились и стали в упор стрелять по каменному забору, за которым спрятались парашютисты.

Выглазов, выбрав удобный момент, выскочил из укрытия и, прижимаясь к земле, пополз. С затаенным дыханием следили солдаты за своим командиром, готовые немедленно броситься ему на выручку. Выглазову удалось приблизиться почти вплотную к танкам. Бросив одну за другой обе бутылки, он поджег и тот и другой танк. Остальные пять круто развернулись и отошли.

Свой взвод Выглазов повел к главным силам батальона, где шла рукопашная схватка. В этом коротком и близком бою он в упор расстрелял из автомата восемь гитлеровцев и уничтожил гранатой еще двенадцать. Но погиб и сам.

Отдельный парашютный батальон, хотя и не остановил гитлеровцев, до свою задачу в основном выполнил.

Благодаря мужеству и стойкости парашютистов, враг был на некоторое время задержан. Это дало возможность многим тысячам воинов, больным и раненым добраться до переправ и, погрузившись на транспорты, переправиться на Таманский полуостров.

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 22 февраля 1943 г. Григорию Исаевичу Выглазову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Жители села Шайдурово присвоили имя своего Героя-земляка восьмилетней школе, а в районном поселке Сузун названа его именем одна из улиц.

К концу Великой Отечественной войны командира огневого взвода старшего сержанта Данилова Леонида Парфеновича в 9-й механизированной бригаде с почтением называли «тигробоем». На его счету было около десятка уничтоженных и подбитых танков, в том числе четыре «тигра».

Со своими товарищами-артиллеристами он громил гитлеровцев на Днепре, Березине, Вилии, Западной Двине, участвовал в освобождении Минска, Молодечно, Вильнюса, Шауляя, Елгавы. Грудь его украшали Золотая Звезда Героя Советского Союза, ордена Ленина, Отечественной войны II степени, Славы III степени и многие медали. О боевых подвигах сержанта и его отважных артиллеристов сообщалось в газетах, рассказывалось в специальных листовках. О Данилове в бригаде ходили легенды. Широкоплечий, плотный, с густым русым чубом на крупной голове, всегда жизнерадостный, приветливый, скромный, подчас застенчивый, он всем своим видом как бы говорил: «Ну к чему столько шума? Даже неудобно».

Родился он в 1922 году в деревне Черемшанка Мошковского района Новосибирской области. С 14 лет начал самостоятельную жизнь, работал счетоводом в колхозе. В 1939 году добровольно вступил в Красную Армию, стал комсомольцем. Начал войну на границе 22 июня 1941 года...

Данилов Леонид Парфенович

В 9-ю механизированную бригаду сержант Данилов пришел в мае 1943 года после госпиталя. Артиллеристы дивизиона, «уда его назначили командиром орудия, стояли на отдыхе. Все они уже имели боевые награды. Поэтому своего нового командира, не имевшего даже медали, встретили сдержанно.

— Типичный тыловик,— говорили о нем,— подай заправочку, чистый подворотничок... Хватим мы горя с таким начальником!

Сержант слышал разговоры, но вроде бы не обращал внимания. Строго требовал с подчиненных, настойчиво учил артиллерийскому делу.

Очень скоро артиллеристы изменили мнение о командире. Немалую роль сыграла... баня. Сержант Данилов привел своих пушкарей помыться. Разделись, сдали обмундирование в дезкамеру, а сами, как говорится, остались в чем мать родила. С удивлением солдаты увидели на теле командира восемь багровых шрамов.

— Где это вас так разукрасили, товарищ сержант? — спросил один из бойцов.

— Вот эта метка...— сержант показал на широкий шрам на правом бедре,— память о самом начале войны, вот эта — о боях под Москвой...

Семь раз Данилов был ранен, из них пять — тяжело.

Артиллеристы говорили потом:

- У нашего командира медали не на гимнастерке, а на живом теле.

Случается же так: человек с первого дня в боях, а ни одной медали не получил: то ранение, то окружение, то переформировка...

К началу Курской битвы расчет сержанта Данилова стал одним из лучших в дивизионе.

В конце сентября передовой отряд 9-й механизированной бригады, наступавший в составе 3-го гвардейского Сталинградского механизированного корпуса, в районе города Канева вышел к Днепру. Танкисты и артиллеристы, среди которых находился и расчет сержанта Данилова, ворвались на переправу, но захватить ее не успели. Гитлеровцы подорвали ее с правого берега.

Началась подготовка к форсированию.

Данилов со своим расчетом соорудил плот для пушки и вместе с передовыми подразделениями автоматчиков под покровом ночи высадился на правый берег. Бойцы

заняли круговую оборону, тщательно замаскировали орудие. С утра до роты гитлеровцев пошло в атаку, намереваясь сбросить советских воинов в Днепр.

Артиллеристы, экономя снаряды, отбивали противника только ружейным и автоматным огнем. Атаки продолжались до самого вечера. Потом противник подтянул танки. Вот тут-то и пригодилась пушка. Сержант Данилов сам встал к прицелу. Снарядов удалось переправить немного, и каждый из них должен быть послан в цель. Вражеские танкисты, уверенные в том, что у русских артиллерии нет, действовали нахально. Танки шли плотной линией.

Автоматчики с надеждой оглядывались на застывшего у пушки Данилова, но на всякий случай сами готовили противотанковые гранаты. Когда танки были совсем близко и на их башнях уже отчетливо виднелись черно-желтые кресты, Данилов сам себе скомандовал:

— Огонь!

Первый же снаряд снес башню с ближнего танка. Но радоваться было некогда. Главное — сохранить высокий темп огня и меткость. Номера расчета едва поспевали подносить из ровиков снаряды. На поле уже пылало четыре танка. Гитлеровцы обнаружили пушку и открыли по ней беспорядочный огонь. Вокруг рвались снаряды. Сержант, не обращая внимания, с завидным хладнокровием, как когда-то на полигоне при стрельбе по мишеням, продолжал вести огонь. Один осколок ударил в левую руку. Рядом упал подносчик. Данилов выхватил из его слабеющих рук снаряд, зарядил пушку и снова выстрелил. Вражеские танки не выдержали уничтожающего огня и повернули обратно. Данилов зарядил последний снаряд, и к этому времени подоспела подмога.

С криком «ура» советские воины пошли в наступление. Сержант в изнеможении опустился на землю, обхватив здоровой рукой ствол пушки.

В этом бою он уничтожил семь танков.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1943 года за этот бой Леониду Парфеновичу Данилову было присвоено звание Героя Советского Союза.

С тех пор в дивизионе и стали называть его «тигробоем». Артиллеристы шутили: «Вот вам и Данилов: не было ни медали, да вдруг сразу Золотая Звезда!»

Командир дивизиона гвардии старший лейтенант Шмаков просил командира бригады:

— Назначьте Данилова командиром батареи. Он же прирожденный артиллерист!

— Согласен,— отвечал полковник.— Но ведь он — сержант, а на батарее должен быть офицер. Давайте пошлем его учиться.

От учебы Данилов наотрез отказался.

- Пока хоть один фашист ходит по нашей земле, никуда из дивизиона не уйду!

И все-таки Шмаков добился, чтобы Данилова назначили на офицерскую должность. С июля 1944 года он стал командиром огневого взвода.

Уже после войны Шмаков возобновил разговор об офицерской школе. Данилов согласился, но не прошел в училище по здоровью — из-за тяжелых ранений.

Леонид Парфенович демобилизовался, возвратился в родную Сибирь, женился. В 1957 году стал коммунистом. Вел большую общественную работу, избирался депутатом Умревинского сельского Совета. А совсем недавно открылись старые раны, и он скоропостижно скончался.

Его жена — Мария Васильевна Данилова, учительница из села Ташара, рассказывает:

— Он дружил со школьниками, был почетным пионером и очень гордился этим. Рассказывал ребятам о войне, о героизме наших солдат. Все мы учились у него мужеству, требовательности к себе и доброте к людям.

Домбровский Иван Александрович

Судьба Героя Советского Союза Ивана Александровича Домбровского схожа с судьбами многих его сверстников-комсомольцев 30-х годов.

Родился 27 июня 1917 года на станции Чик Новосибирской области в семье рабочего. В 1932 году после окончания 8 классов средней школы (поступил работать на завод «Сибметаллстрой». Одновременно посещал школу фабрично-заводского обучения.

Потом, уже квалифицированным слесарем, без отрыва от производства окончил аэроклуб, приобрел еще одну специальность — летчика-планериста. Решил стать военным летчиком.

К началу Великой Отечественной войны Домбровский был уже хорошо подготовленным воздушным бойцом.

В первые же дни военных действий фронтовая газета в заметке «Смелый налет на вражеский аэродром» сообщала:

«Рано утром летчики тт. Заболотский, Домбровский и Солдатенков вылетели в район Н. на штурмовку вражеского аэродрома. При подходе к цели они обнаружили колонну автомашин с горючим. На бреющем полете отважные соколы уничтожили несколько десятков автомашин и бензовозов. Потом нанесли удар по аэродрому. Из шестнадцати «хейнкелей-111», находившихся на летном толе, уничтожили десять. Во время второй атаки самолет Домбровского был подбит. Сам летчик получил ранение в голову и руку, но, несмотря на это, продолжал

вести бой. При повторном заходе для удара группа была атакована десятью истребителями противника. Советские летчики смело вступили в неравную схватку с врагом. В бою был сильно поврежден самолет ведущего. Летчик Домбровский отважно защищал командира и спас его от гибели.

Все три самолета, выполнив задание, благополучно возвратились на свой аэродром. Домбровский, посадив машину, тотчас же потерял сознание. В его самолете техники обнаружили около двух десятков пробоин...»

После недолгого лечения Иван Домбровский снова взял в руки штурвал самолета и поднялся в воздух для выполнения боевого задания.

До середины лета 1943 года Иван Александрович сражался с немецко-фашистскими захватчиками в Прибалтике, на Западном, Калининском, Брянском и Воронежском фронтах. Стал коммунистом. К началу Курской битвы он был уже известным летчиком, командиром эскадрильи, награжденным за боевые подвиги орденом Красной Звезды и двумя орденами Красного Знамени. Трижды ранен.

Эскадрилью гвардии капитана Домбровского хорошо знали на Воронежском фронте. О неутомимой боевой работе ее писали в газетах, с теплотой и благодарностью отзывались о летчиках танкисты, пехотинцы и артиллеристы.

- Домбровский опять повел свои крылатые «Катюши». Сейчас дадут фашистам прикурить! — говорили солдаты в окопах, наблюдая за проносившейся на бреющем полете девяткой штурмовиков. Всякий раз, пролетая над своими войсками, ведущий приветственно покачивал крыльями самолета.

Штурмовики широко использовали реактивные снаряды «Катюш» для ударов по вражеским войскам. Видимо поэтому гитлеровцы называли их «черной смертью». По нескольку раз в день, в любую погоду Домбровский водил свою эскадрилью на штурмовку наступающих вражеских войск. А потом, когда противник был обескровлен, советские войска сами перешли в наступление. Работы у штурмовиков стало еще больше.

Участники боев под Сумами, наверное, помнят июльские наступательные бои. Наши наземные войска встретили упорное сопротивление противника. Эскадрилья

гвардии капитана Домбровекого получила задачу: нанести удар по вражеской обороне.

Когда штурмовики пробились к цели, внизу, развернувшись по всему полю, шли в атаку наши танки. По ним вела интенсивный огонь вражеская артиллерия. «Илы» с бреющего полета всей мощью своего огня обрушились на орудия противника и заставили их замолчать. Танкисты в знак признательности выпустили несколько сигнальных ракет: спасибо за хорошую работу! Домбровский по старой привычке покачал в ответ крыльями.

Потом были напряженные бои на Днепре в районе Ржищева. В составе войск 2-го Украинского фронта эскадрилья Домбровекого громила врага в районе города Яссы. В составе 3-го Украинского фронта принимала участие в боях за освобождение столицы Югославии — Белграда. В числе наиболее отличившихся 35 советских летчиков гвардии капитан Домбровский был награжден югославским орденом Партизанской Звезды II степени.

Всего за войну Иван Александрович совершил 148 успешных боевых вылетов. На его боевом счету сотни уничтоженных гитлеровцев, десятки автомашин, повозок, несколько самолетов, танков, орудий.

Командир 167-го гвардейского штурмового авиационного полка гвардии майор И. П. Василин, характеризуя боевую деятельность Домбровекого, писал: «Боевая работа товарища Домбровекого наполнена многочисленными фактами геройства, отваги и мужества. При выполнении боевых заданий ему неоднократно приходилось вести воздушные бои с истребителями противника. Но благодаря своему мужеству и мастерству он всегда выходил победителем...»

Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин, прочитав реляцию на гвардии капитана Домбровекого, сделал заключение: «Товарищ Домбровский достоин высшей правительственной награды — звания Героя Советского Союза».

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР Ивану Александровичу Домбровскому было присвоено звание Героя Советского Союза.

После Великой Отечественной войны коммунист Домбровский продолжал службу в Военно-Воздушных Силах. В 1957 году по состоянию здоровья в звании полковника уволился в запас.

В настоящее время Иван Александрович живет в Харькове, бывает у воинов гарнизона, на фабриках и заводах, выступает с докладами и лекциями перед молодежью. Он избирался депутатом Коминтерновского райсовета, руководил Харьковской областной автошколой ДОСААФ, награжден нагрудным значком «За активную работу».

— Очень отрадно,— говорит Иван Александрович,— что город моей юности — **Новосибирск,** где я бегал малышом, учился и получил трудовую путевку в жизнь, и Харьков, где сейчас живу, соревнуются. По силе возможности стараюсь внести свою лепту в содружество двух городов.

Евстигнеев Иван Степанович

Чем ближе Советская Армия подходила к Берлину, тем яростнее сопротивлялись гитлеровцы. Особенно ожесточенные бои развернулись на реке Одер. Противник, не считаясь с потерями, бросал в бой все новые и новые силы, стремясь сбросить советские войска с плацдарма. Бои не прекращались ни днем, ни ночью. Бойцам 118-го гвардейского стрелкового полка 77-й гвардейской стрелковой дивизии за сутки приходилось отбивать по 6—8 контратак.

Командир полка Герой Советского Союза гвардии полковник Иван Степанович Евстигнеев валился с ног от бессонницы и большого напряжения. Лучшей наградой за все испытания был бы отдых.

Солдаты тоже были утомлены. Но видя своего командира, неожиданно появляющегося на самых опасных участках, они делали, казалось бы, невозможное. Полк не только отстоял плацдарм в районе железнодорожного моста у города Франкфурта-на-Одере, но вскоре и сам перешел в наступление.

В начале марта полку была поставлена задача захватить сильный опорный пункт врага — город Клеосин. Его обороняло несколько сот отборных фашистских головорезов. Они укрылись за трехметровыми крепостными стенами и намеревались драться до последнего солдата.

Рассматривая в бинокль Клеосин, Евстигнеев говорил стоявшему рядом начальнику политотдела дивизии:

- Трудный орешек поручили нам, Александр Федо-

рович. С ходу такой не разгрызешь. Видимо, придется брать штурмом!

- Пожалуй, иного выхода нет,— отвечал гвардии полковник Меденикова.

В полку развернулась подготовка к штурму. Проводились партийные и комсомольские собрания, (комплектовались штурмовые группы... Рослую фигуру командира полка в эти дни видели то в одной роте, то в другой. Обычно молчаливый, суровый с виду, он подолгу беседовал -с солдатами.

Иван Степанович прошел большой и сложный боевой путь и тем не менее волновался перед штурмом.

В Великую Отечественную войну он вступил командиром мотострелкового батальона. Боевое крещение получил в июльских боях в районе города Ямполь на Днестре, был тяжело ранен. Затем воевал под Москвой начальником штаба стрелкового полка 342-й дивизии, начальником оперативного отделения дивизии и командиром полка. Стал коммунистом, гвардейцем.

29-й гвардейский полк, которым теперь командовал гвардии полковник И. С. Евстигнеев, освобождал города Болхов и Орел. А 2 августа 1943 года советские войска на плечах отходящего противника на широком фронте вышли к Днепру. Гвардейский стрелковый полк вместе с другими соединениями форсировал Днепр севернее города Любеч. Переправившись на западный берег на подручных средствах, полк Евстигнеева захватил небольшой плацдарм. Узкая прибрежная полоса земли стала ареной ожесточенных схваток. Гвардейцы часто бросались врукопашную. Не хватало боеприпасов, не было связи с восточным берегом, недоставало продуктов питания, но бойцы стояли твердо. Они отразили десять атак противника и удержали плацдарм. Отсюда затем перешла в наступление вся дивизия.

За эти бои Ивану Степановичу Евстигнееву Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза.

С апреля 1944 года гвардии полковник Евстигнеев — слушатель военной академии имени М. В. Фрунзе. По учиться пришлось недолго. В октябре 1944 года он снова на фронте. В свой полк возвратиться не удалось. Принял другое подразделение, которое вело бои за плацдарм на реке Висле...

— Вы не беспокойтесь, товарищ гвардии полковник,— говорили бойцы,— не такие рубежи брали. Возьмем и Клессин!

Штурм начался 22 марта 1945 года после мощной артиллерийской подготовки. К вечеру Клессин уже полностью был очищен.

На центральной улице, вдоль фасада четырехэтажного дома, двухметровыми белыми буквами было написано по-немецки: «Победа или Сибирь». Увидев надпись, Иван Степанович захохотал:

— Вот дикари!

Подбежал разведчик и доложил, что на окраине, в большом каменном доме творится что-то неладное: слышен детский плач и женские крики.

Вместе с разведчиками Евстигнеев вошел в дом. На втором этаже, в большой квадратной комнате, на полу, сидели три женщины и пятеро или шестеро светлоголовых ребятишек. Увидев русского полковника, дети заверещали. Иван Степанович подошел поближе и, пораженный, остановился. Перед женщинами и детьми стоял большой эмалированный таз, в который из вскрытых вен медленно стекала кровь.

— Врача! — крикнул Иван Степанович. Поднял с пола двух ребят и зажал им вены. Так же поступили разведчики. Прибыл врач, оказал первую помощь. Детей и женщин накормили, успокоили.

- Нам говорили, что русские убивают всех немцев,— всхлипывая рассказывали женщины,— нас обманули. Мы никогда не забудем вас...

Через час полк двинулся дальше, в Берлин.

За боевые подвиги, кроме Золотой Звезды Героя Советского Союза, Иван Степанович награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, двумя орденами Красной Звезды, тремя польскими орденами и шестью медалями.

В 1958 году заместитель командира дивизии, уроженец села Убинского Новосибирской области, Иван Степанович Евстигнеев уволился в запас. Живет в Тамбове.

Окрашивает знамена, с которыми

в битву шли,

Солдатская капля крови—

спасительница земли.

Петрусь Бровка

АГАФОНОВ
Яков
Григорьевич

АКСЕНОВ
Александр
Михайлович

АНИСИЧКИН
Федор
Иванович

БЕЛЬСКИЙ
Алексей
Ильич

БЕНЕШ
Николай
Алексеевич

БОРИСКИН
Анатолий
Васильевич

АРГУНОВ
Николай
Филиппович

БАРИНОВ
Иван
Михайлович

БОРИСОВ
Николай
Денисович

ВОЛКОВ
Андрей
Алексеевич

ВЫГЛАЗОВ
Григорий
Исаевич

ДАНИЛОВ
Леонид
Парфенович

ДОМБРОВСКИИ
Иван
Александрович

ЕВСТИГНЕЕВ
Иван
Степанович

Ершов Алексей Иванович

Когда началась Великая Отечественная война, Алексею Ершову едва исполнилось 16 лет. (Родился в апреле 1925 года в селе Апалиха Купинского района Новосибирской области). Он с отличием закончил семилетку и вступил в комсомол.

Мать настаивала, чтобы сын продолжал учебу. Алексей запротестовал. Широкоплечий, рослый, он выглядел старше своих лет и надеялся попасть на фронт. Но военком наотрез отказал:

— Рано, парень. Приходи через два года!

— Но ведь за это время война кончится!

Алексей поступил в мастерскую Новой машинно-тракторной станции учеником слесаря. Очень скоро присвоили ему рабочий разряд. Фамилия его появилась на Доске почета.

А в январе 1943 тода пришла повестка из военкомата. В действующую армию Алексей, к его великому огорчению, попал не сразу: несколько месяцев учили военному делу в запасном полку. И только в начале сентября 1943 года он был направлен на Центральный фронт, в 75-ю гвардейскую стрелковую дивизию, а оттуда — в 212-й гвардейский стрелковый полк.

Дивизии предстояло преодолеть Днепр и захватить плацдарм севернее Киева, в районе села Ясногородки. 22 сентября, в два часа ночи, командир полка получил приказ приступить к форсированию. Все уже было заранее спланировано, распределены задачи, подготовлены

переправочные средства. Каждый знал, что и как нужно делать.

Первым начал форсирование 2-й батальон под командованием старшего лейтенанта Гаврилина. В батальоне головной шла рота старшего лейтенанта Кондакова. Рядовой Алексей Ершов был в составе этой роты.

На рыбачьих лодках и плотах подразделения полка отчалили от берега, борясь с сильным течением. Когда достигли середины реки, возникло непредвиденное осложнение: справа послышался приближающийся стук машины, потом показался и темный силуэт парохода.

«На нас ползет»,— подумал командир роты, напряженно ища выход из опасного положения.

От местных жителей было известно, что под фашистским флагом часто курсирует буксирный пароход «Николаев». С какой целью используют его сейчас, никто не знал: то ли для перевозки грузов, то ли как плавучую огневую позицию. Во всяком случае, приближение парохода не предвещало ничего хорошего.

Старший лейтенант Кондаков приказал продолжать движение к западному берегу. Если же пароход войдет в соприкосновение с лодками и плотами — обрушить на него огонь всех видов оружия, забросать гранатами и при удачной ситуации даже захватить.

Пароход медленно приближался. Гитлеровцы, как видно, не заметили ни плотов, ни лодок. И вот, когда судно, разводя крутые волны, поравнялось, со всех сторон обрушился шквал огня. На палубу полетели гранаты.

Гитлеровцы, ошеломленные, повернули судно к своему берегу, чтобы укрыться. Это им удалось. Выставив на левый борт все свои огневые средства, они открыли в сторону противоположного берега сильный огонь.

В горячке боя командир роты не заметил, как три лодки, на которых переправлялся взвод младшего лейтенанта Ярина, проскользнули за кормой парохода и достигли берега. Гвардейцы благополучно высадились, а потом ударили по пароходу с тыла. Рота Кондакова вслед за разрывами гранат ворвалась на судно и бросилась врукопашную.

Алексей Ершов, появляясь в самых опасных местах, стрелял, прикладом уничтожал гитлеровцев.

Судно было немедленно использовано для переброски на плацдарм остальных подразделений полка. В ночной

Схватке Ершов был ранен. Командир хотел отправить его на восточный берег, но когда тот заверил, что чувствует себя хорошо, махнул рукой.

На рассвете рота Кондакова начала бой за расширение плацдарма. Ершов снова отличился.

Командир полка, представляя его к награде, писал: «Участвуя в бою за деревню Ясногородка, гвардии рядовой Ершов показал исключительное мужество, героизм и отвагу. Он лично уничтожил до 20 немецких солдат и офицеров».

17 октября 1943 года Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР гвардии рядовому Ершову А. И. было присвоено звание Героя Советского Союза.

- Хорошо начинаешь, сибиряк! — сказал командир полка.

Алексей, когда хвалили, густо краснел — даже не верилось, что он, восемнадцатилетний парень,— Герой Советского Союза.

11 января 1944 года во время неудачной разведки боем в районе деревни Корени Домоновического (ныне Светлогорского) района Гомельской области под сильным огнем противника гвардейцы залегли в снегу на открытом поле. Лежал, прижимаясь к земле, и Алексей. И вдруг бойцы увидели, как он поднялся, махнул рукой и крикнул:

— За Родину, вперед! — И, не оглядываясь, побежал к деревне.

Увлеченные его примером, гвардейцы выбили врага из населенного пункта. А сам Ершов погиб. Его похоронили в деревне Корени. На могиле поставили фанерный обелиск с пятиконечной звездой. 9 мая 1965 года был поставлен памятник. У его подножья всегда живые цветы.

В Кореневской восьмилетней школе создан уголок славы, посвященный Алеше Ершову.

Забобонов Иван Семенович

4 декабря 1944 года части 99-й стрелковой Житомирской Краснознаменной дивизии 2-го Украинского фронта вышли к Дунаю южнее Будапешта в районе острова Чепель.

Командир 2-го батальона 1-го стрелкового полка старший лейтенант Иван Семенович Забобонов стоял на берегу и пристально следил за огненным шквалом на левом фланге дивизии, где передовой отряд пытался с ходу форсировать реку. Ночную темь рассекали реактивные снаряды, беспорядочно прошивали строчки трассирующих пуль, и вспыхивали, феерически рассыпаясь, ракеты. Бой то нарастал, то вдруг затихал, чтобы через минуту вновь разразиться с еще большей силой.

Забобонов прикидывал в уме возможные варианты действий, если форсировать Дунай придется его батальону. «Главное — внезапность,— рассуждал он.— Переправляться там, где противник меньше всего ожидает. Лучше всего это сделать в районе господского дома...»

Подошел замполит капитан Серых.

— Что нового, Иван Семенович? — спросил он.

- Вон, смотри, что творится,— кивнул комбат в сторону левого фланга.— Может и до нас дойти черед. Как с лодками?

— Все в порядке! На всех хватит,— ответил капитан.

- Да-а, вот тебе и голубой Дунай,— вздохнул Забобонов.

Заметив, как к дому, в котором размещался штаб

батальона, подъехала легковая автомашина, Забобонов остановился:

— Комдив! Чувствую: отдохнуть сегодня не придется...

И он не ошибся.

Командир дивизии генерал-майор Сараев уже был за столом, на котором лежала развернутая карта. Рядом, озабоченно хмурясь, сидел командир полка полковник Владимиров.

Забобонов доложил о боевой готовности батальона.

Комдив жестом пригласил комбата к столу.

— Здесь с форсированием ничего не вышло,— указал он на район возле левой границы дивизии.— Будем форсировать на правом. Сколько нужно времени на подготовку?

— Разрешите, товарищ генерал...— начал Забобонов.— Мы с замполитом только что были на реке и прикинули, что лучшего места для форсирования, чем в районе господского дома, нет. Место неудобное, зато полная внезапность. Уверен: успех будет обеспечен.

Генерал склонился к карте, потом повернулся к командиру полка.

— Пожалуй, он дело говорит. Как считаете?

Полковник улыбнулся.

— Коль Забобонов так решил, ему и карты в руки.

Комдив встал.

- Итак,— тоном приказа произнес он,— ровно в полночь начинаете форсирование. Все огневые средства будут нацелены на поддержку вашего батальона. Желаю удачи!

Ровно в полночь батальон сосредоточился в прибрежном кустарнике. Очень «стати повалил густой мокрый снег. За два шага ничего не было видно. И тишина стояла. Лишь изредка откуда-то с левого фланга доносились глухие одиночные выстрелы.

По сигналу Забобонова спустили на воду лодки, бесшумно погребли к противоположному берегу... Гитлеровцы, видимо, ни о чем не догадывались — были спокойны. Они обнаружили десант только у самого западного берега. Ночную тишину тотчас же разорвал неистовый лай крупнокалиберных пулеметов, автоматная трескотня, захлебывающийся вой снарядов и мин. Над Дунаем заколыхалось багровое зарево, заполненное крупными, беспорядочно кружащимися хлопьями снега.

Первыми на западный берег выскочили сержант Иван Ткаченко и рядовой Василий Мелехин. За ними спешили другие бойцы... У самого берега завязалась рукопашная схватка.

Забобонов, видя, что люди могут увлечься боем, приказал одному взводу выдвинуться к шоссе, оседлать его и не допустить подхода вражеских резервов. Командиру 2-й роты старшему лейтенанту Милову Забобонов на ходу приказал:

— Немедленно со своей ротой выдвигайся к господскому дому и во что бы то ни стало захвати его!

Сам Забобонов остался на берегу, чтобы руководить боем,— хотел расширить плацдарм. Он внимательно следил и за тем, что творилось на шоссе и в районе господского дома. Со стороны шоссе доносился **напористый** треск советских автоматов, слышались разрывы гранат. Уже пылали вражеские автомашины... А у господского дома наступление, по всем признакам, застопорилось. Отчетливо слышался бой немецких пулеметов, жидкие автоматные очереди. Через несколько минут оттуда прибежал связной, доложил, что рота залегла. Командир роты тяжело ранен.

— Кто командует ротой?

— Пока никто,— ответил связной.

— Иван Семенович,— отозвался замполит, вынырнувший откуда-то из темноты.— Разрешите мне командовать?

Забобонов секунду помедлил. Видимо, он сам хотел возглавить вторую роту, но потом согласился с замполитом.

— Иди, Семен, и помни: если мы не захватим господский дом, нас раздавят.

Вскоре оттуда донеслось дружное «Ура», загремели разрывы гранат. Прислушиваясь к звукам боя, Забобонов определил, что вражеские пулеметы умолкают один за другим. Через час с группой бойцов он направился к господскому дому, который уже был полностью очищен от гитлеровцев.

— Спасибо, Семен Прокофьевич,— горячо проговорил комбат.— Чего же ты не докладываешь? Хотя бы связного прислал.

— Да, понимаешь, тут с венграми завозился,— виновато проговорил Серых.— Местные жители. Гитлеровцы

загнали их в подвал и несколько суток держали без воды и пищи. А у них много женщин, детей, стариков... Есть даже больные.

— Чем же мы сможем помочь? Вот подойдут тылы, тогда и накормим.

— А чего ждать? — вмешался сержант Ткаченко.— Разрешите мне, я мигом доставлю продукты. На всех хватит!

— Откуда они у тебя? — спросил Забобонов.

— Так мы же разгромили автоколонну. Там в одной машине полно консервов.

— Действуй,— согласился комбат.

Через полчаса сержант Ткаченко притащил в подвал мешок с консервами и выдал каждому венгру по банке.

— Спасибо, русский товарищ,— благодарили его венгры.— Большой спасибо!

...Медленно наступал холодный рассвет.

Предвидя, что противник во что бы то ни стало будет стараться сбросить батальон в Дунай, Забобонов организовал круговую оборону. Едва забрезжил рассвет, в атаку пошли двенадцать фашистских танков и до полка пехоты.

— Беречь боеприпасы,— предупредил Забобонов.

Он находился на наблюдательном пункте, оборудованном в господском доме, чтобы просматривать всю оборону и руководить отражением атаки.

В тяжелом положении оказался пулеметный расчет сержанта Ткаченко, который врагам удалось окружить. Пулемет разбило. Осколком мины ранило пулеметчиков. Комбат видел, как Ткаченко тяжело приподнялся и с гранатой в руке, волоча ногу, пополз за бугорок, к вражескому пулемету, изрыгающему огонь. Когда до пулемета осталось метров пятнадцать, приподнялся и бросил гранату. Взметнулось пламя. Пулемет замолчал. Ткаченко, сделав последнее усилие, свалился в окоп, отодвинул в сторону трупы гитлеровцев и, повернув пулемет в сторону противника, открыл огонь. Его ранило вторично. Но на помощь опешили товарищи. Лейтенант Храпов, спустившись в окоп, бережно снял руки сержанта с пулемета и занял его место.

Наступил самый критический момент боя. Вражеские танки на южном фасе прорвали оборону. Головная машина уже подходила к высотке — последнему опорному

пункту на пути IK господскому дому. Еще минута, другая, и подразделения батальона будут разобщены.

Тогда поднялся комсорг батальона младший лейтенант Кутуев и с противотанковой гранатой в руке бросился иод танк.

Высотку удалось отстоять.

Всего за этот день было отбито двенадцать атак противника. На поле боя осталось около двухсот трупов вражеских солдат и офицеров и три сгоревших танка. Поредели ряды и советских воинов.

«Неужели опять полезут?» — думал комбат, бросая нетерпеливые взгляды на восток, откуда вот-вот должно подойти подкрепление.

В самом деле, на западный берег уже переправлялись остальные подразделения пол'ка, встала на прямую наводку артиллерия, а потом прибыл и командир полка.

Впоследствии за этот подвиг пятнадцати воинам 2-го батальона, в их числе гвардии старшему лейтенанту Забобонову Ивану Семеновичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Отправив на восточный берег раненых, батальон в тот же день, после недолгого отдыха, снова устремился вперед и одним из первых завязал бои на окраине Будапешта.

К началу боя за Будапешт в батальоне насчитывалось вместе с ранеными лишь двадцать девять человек. Ставя задачу бойцам на прорыв вражеской обороны, Забобонов сказал:

— Нас мало. Значит, каждый должен драться за десятерых!

В ночь под новый год двадцать девять человек пошли на штурм вражеской обороны. Используя темноту, они внезапно ворвались в первую траншею и, прокладывая себе путь гранатами, вошли в Будапешт. Здесь, между домами, едва не наткнулись на двенадцать зенитных орудий, которые стояли на прямой наводке. Фашистские зенитчики, видимо, не знали, что оборона прорвана, и вели себя беспечно: забившись в теплые блиндажи, оборудованные возле пушек, встречали Новый год.

Забобонов распределил задачи. На каждую пушку назначил по два солдата. После того как бесшумно разделались с часовыми, по сигналу комбата в блиндажи

полетели гранаты. Выскакивающих из блиндажей гитлеровцев расстреливали в упор, били прикладами.

За каких-нибудь полчаса все было кончено. Убитых не считали. Захваченных пятнадцать пленных тут же отправили в полк.

Трофейные орудия повернули в сторону города и открыли из них ураганный огонь, благо боеприпасов, выложенных на землю возле каждой пушки, было сколько угодно.

А утром гитлеровцы перешли в контратаку. Двадцать девять человек били по ним из всех трофейных орудий и пулеметов. В отражении шести атак участвовал пулеметчик, Герой Советского Союза Зигуненко. Дважды раненный, он не ушел с поля боя и, окруженный врагами, дрался до последнего дыхания. С таким же упорством отбивался от наседавших врагов командир отделения сержант Поляков, который один остался с ручным пулеметом, был трижды ранен, но не отступил ни на шаг.

Когда все атаки были отбиты, гвардии старший лейтенант Забобонов поднял оставшихся в живых гвардейцев и с криком «ура» повел их на штурм трехэтажного здания, стоявшего на перекрестке двух улиц.

С третьего этажа ударил пулемет.

Комбат на секунду остановился, с недоумением посмотрел вокруг и ничком упал на мокрую мостовую.

Кто-то неистово закричал:

— Комбата убило!

Атака прекратилась. Гвардейцы подняли своего командира и отнесли в укрытие.

Капитан Серых, возвращавшийся в это время из полка, где просил подмогу, увидел сгрудившихся возле каменного забора бойцов и почувствовал, как немеют ноли. Бойцы молча расступились.

— Нашего комбата...— не договорил кто-то.

Замполит склонился к неестественно вытянувшемуся телу Забобонова, приложил ухо к его груди. Сердце не билось.

— Несите в санбат! Я догоню,— распорядился он.

А сам вместе со взводом солдат, присланных из полка на подмогу батальону, пошел на штурм трехэтажного дома, из окна которого был убит командир батальона.

Гвардейцы захватили дом. Организовав оборону, капитан Серых поспешил в медсанбат.

Забобонов уже лежал в гробу. Рядом с «им стоял гроб с телом зверски убитого парламентера 3-го Украинского фронта капитана Остапенко И. С. Их хоронили в один день.

Благодарный венгерский народ в честь павших советских воинов воздвиг в самом красивом месте Будапешта — на горе Геллерт величественный монумент и назвал его памятником Вечной Славы.

Под ним вечным сном спит и коммунист Иван Забобонов, уроженец села Шелковниково Болотнинского района Новосибирской области. Всей своей жизнью и своим подвигом он заслужил вечную славу и всенародную память.

В начале июля 1941 года войска Юго-Западного фронта заняли оборону по старой границе. Танковый полк, в котором служил сержант Иванов, прикрывал боевой участок в районе Шепетовки. Отбивая атаки превосходящих сил противника, танкисты стояли насмерть.

В этих боях полк потерял почти все танки. Вражеским снарядом была подожжена и боевая машина, на которой сержант Иванов был механиком-водителем. Только одному ему удалось выбраться из горящего танка. Все его товарищи по экипажу погибли.

Иванова схватили гитлеровцы.

- Коммунист, танковый комиссар? — спрашивал его гитлеровский офицер, тыча в лицо комсомольским билетом.

Алексей с вызовом посмотрел в холодные глаза офицера и устало ответил:

- Чего пристал? Не видишь, что ли?

Алексея вытолкнули из хаты и, подгоняя пинками, привели в каменный амбар, где уже содержалось под усиленной охраной человек тридцать советских бойцов. Когда стемнело, всех их повели в сторону леса.

Рядом с Алексеем, опираясь на палку, тяжело шагал высокий майор-пехотинец с грязной повязкой на голове. Заметив на рукаве его гимнастерки звезду, Алексей понял: комиссар.

- Куда они ведут нас? — тихо спросил он.

Иванов Алексей Григорьевич

Батальонный комиссар сжал его локоть и так же тихо ответил:

- Крепись, танкист. Коммунисты должны умирать достойно...

- Расстреляют? — не сразу поняв соседа, переспросил Алексей.

Батальонный комиссар крепче сжал его локоть и после недолгой паузы едва слышно произнес:

- Надо бежать! Когда войдем в лес, я крикну: «Полундра». По моему сигналу — всем врассыпную! Понял? Передай товарищу!

Алексей догадывался, что таким способом не многим удастся спастись, но иного выхода не было.

Вошли в лес. Батальонный комиссар, видимо, подбирая подходящее место, медлил. Когда лесная дорога сузилась так, что гитлеровцы были вынуждены идти совсем рядом с пленными, над колонной раздалось тревожное: «Полундра!» На какой-то миг от этого слова оцепенели и пленные и гитлеровцы. Батальонный комиссар крикнул:

— Беги, ребята!

Пленные бросились в стороны. Затрещали автоматные очереди. Раздались крики, стоны. Алексей, раздирая в кровь лицо и руки, изо всех сил бежал от дороги до тех пор, пока не свалился от усталости на землю.

Кому удалось спастись, где он находится, что делать дальше, он не знал. Немного передохнув, снова пустился бежать, все дальше и дальше удаляясь от дороги.

Больше недели скитался по лесу, далеко обходя населенные пункты, человеческие голоса и шум машин. Питался ягодами, грибами. Упрямо шагал на восток.

Все время мучительно хотелось есть. Чувство голода пересилило страх и осторожность. Глухая лесная тропинка вывела его на широкую солнечную поляну. На выгоревшей траве лежали убитые красноармейцы. То ли их расстреляли здесь, то ли они полегли под пулеметным огнем во время атаки. Рядом с ними валялись противогазы, вещевые мешки. Наверное, Алексей не стал бы задерживаться на этом поле, если бы не увидел разорванный вещевой мешок, из которого вывалились два сухаря. Алексей собрал сухари, подошел ко второму убитому. В противогазной сумке нашел пачку горохового концентрата.

Тяжело вздохнув, он торопливо зашагал в Лес, но едва достиг опушки, как навстречу, с автоматами наизготовку, вышли два немца.

— Русь золдат, ком плен! — крикнул один из них.

На этот раз его заперли в каком-то темном длинном бараке, где уже томилось около сотни грязных и оборванных узников. На следующий день всех арестованных построили в колонну и этапом повели в сторону Шепетовки.

Алексею удалось и на этот раз бежать...

В изодранном пиджаке, в каком-то невероятного фасона картузе и разбитых ботинках, которые удалось найти в разрушенном доме лесника, Алексей шел от деревни к деревне. Гитлеровцы попадались редко — только в крупных селах, которые Алексей на всякий случай обходил стороной.

Как-то на опушке рощи он встретил двух женщин и узнал, что фашисты продвинулись далеко. Страшная ненависть обуревала Алексея. Из глубины памяти поднимались слова, которые учили в школе:

«Нет, никогда коммунары не будут рабами».

Он родился в 1924 году, в большом селе Ново-Александровке Усть-Таркского района Новосибирской области. Здесь учился в школе, стал пионером, потом комсомольцем, перед самой войной овладел профессией тракториста. В жизнь входил уверенно и смело. Все казалось простым и доступным.

Алексей вспоминал свою довоенную жизнь, сравнивал ее с тем, что увидел и испытал за два месяца на оккупированной врагом Украине, и, сам того не замечая, упрямо твердил:

- Надо бороться... До конца! Лучше умереть, чем жить под сапогом фашистов!..

В сумерки Алексей подошел к Днепру.

— Эй, парень, подожди! — окликнул его вооруженный мужчина, выходя из-за кустов. За ним вышли еще двое вооруженных.

Алексей остановился.

— Кто такой? — грубо спросил незнакомец, подходя вплотную.— Из какого лагеря бежал?

Алексей не сразу понял, что перед ним предатели-полицаи, а когда понял, было уже поздно. Его бросили на землю, скрутили руки и зверски избили.

Через день Алексей очутился в острожской пересыльной тюрьме. Усомнившись в людях, он держался обособленно, ни с кем не разговаривал.

— Не хмурься, хлопчик. Верь людям — легче будет,— говорил сосед по камере, изможденный старик-украинец со скорбно обвисшими седыми усами.

— Я тоже так думал, пока меня не схватили полицаи.

— Так то ж не люди, а предатели,— убеждал его старик.

В одну из октябрьских ночей Алексей выломал оконную решетку и бежал из тюрьмы.

— Если все обойдется благополучно,— наставлял его старик в последние минуты перед побегом,— зайдешь в село Стрыганы. Там живет учитель Антон Захарович Одуха. Обратишься к нему. Он поможет.

Через два дня Алексей встретился с Одухой, откровенно рассказал о всех своих мытарствах. Алексей познакомился еще с несколькими товарищами, которые так же, как и он, приходили к Одухе. Решили создавать партизанский отряд.

В канун праздника 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции состоялось первое собрание будущего партизанского отряда. Всего собрались двенадцать человек. Выбрали командира — Антона Захаровича Одуху, наметили план действий.

Стрыгановская школа стала штабом подпольщиков. Здесь хранилось оружие, боеприпасы. Здесь командир и Алексей Иванов, единственный военный в отряде, начали свои первые опыты по изготовлению мин и взрывателей.

В середине мая 1942 года подпольщики совершили свой первый диверсионный акт — взорвали железнодорожный мост между станцией Кривин и разъездом Бадуевка.

Эту операцию долго и тщательно готовили. Руководить подрывной группой Антон Захарович Одуха поручил Алексею Иванову. Партизаны внимательно изучили режим охраны моста, график движения поездов, пути подхода и отхода, продумали все детали. Взрывчатку и самодельный взрыватель установили ночью, а на рассвете, когда по мосту проходил воинский эшелон, Алексей, выбрав момент, с силой потянул веревку, соединенную со взрывателем.

Мина сработала. Взметнулось пламя. Грохнул взрыв.

Тяжелые вагоны, наскакивая один на другой, покатились по крутому откосу. Свыше семисот гитлеровцев погибло в результате этой диверсии.

Немецко-фашистское командование всполошилось. Были подняты на ноги все местные гарнизоны. Партизанам пришлось уйти в лес.

В июне все подпольные группы Славутского района Каменец-Подольской области объединились в сводный партизанский отряд. Возглавил его Антон Захарович Одуха. Алексей Григорьевич Иванов стал его ближайшим помощником по подрывному делу. Командир поручал ему самые трудные диверсии.

Группа Иванова жгла вражеские склады, громила полицейские участки, уничтожала предателей, разрушала железнодорожные пути. По всей округе гремела слава о народных мстителях.

В канун 1943 года командир отряда, встретив Иванова, спросил:

- Как Новый год встречаете?

— Готовим .фрицам подарки,— ответил Иванов.— Думаем устроить фейерверк на станции Кривин. Там как раз воинский эшелон стоит...

Командир одобрил план.

В новогоднюю ночь группа Иванова атаковала станцию, подожгла станционные постройки, взорвала эшелон, разрушила стрелки и благополучно скрылась.

В течение всего года на железной дороге между Шепетовкой и Ровно гремели взрывы, летели под откос вражеские эшелоны. Только Алексей Иванов со своей группой уничтожил на этом участке восемь вражеских эшелонов. Особенно активизировали свою деятельность партизаны при подходе Советской Армии к Днепру и во время форсирования его.

А когда начались бои за Правобережную Украину, партизаны, в том числе и соединение А. 3. Одухи, получили задачу: занять город Острог Ровенской области.

В ночь на 13 января партизаны вышли на исходные рубежи. Алексей Иванов командовал ротой. Ему было поручено оседлать шоссе севернее города и не дать уйти ни одному гитлеровцу. На рассвете начался штурм. Гитлеровцы, застигнутые врасплох, бросились бежать из города в сторону Здолбунова по шоссе, на котором устроила засаду рота Иванова,

Партизаны встретили захватчиков огнем в упор. Это было такое побоище, какого Алексею еще не приходилось видеть. Только немногим фашистам удалось по лесам и болотам уйти из Острога. Над городом гордо реяло красное знамя. Более двадцати дней, вплоть до прихода Советской Армии, партизаны удерживали город.

Неподалеку от тюрьмы, в которой Алексей сидел в октябре 1941 года, он увидел воинов Советской Армии. Увидел и не узнал: новая форма, погоны, автоматы.

- Братцы, да погодите же, дайте хоть посмотреть на вас! — говорил Алексей, не скрывая слез радости.

Он думал, что на этом партизанская жизнь закончилась, и он теперь опять воин Советской Армии. Командование решило иначе.

Соединению партизанских отрядов, которым командовал А. 3. Одуха, было приказано перейти линию фронта и действовать в тылу гитлеровцев на территории западных областей Украины.

В начале апреля 1944 года партизаны снова оказались в тылу противника и развернули активные боевые действия в районе Ковель — Владимир-Волынский. 15 апреля между реками Буг и Турья гитлеровцам удалось окружить партизан. Фашисты бросили против них около 30 танков, 50 самолетов, обрушили огонь десятков артиллерийских и минометных батарей.

Партизаны заняли круговую оборону. Алексей Иванов со своей ротой сдерживал натиск танков. Кроме гранат и мин никаких других противотанковых средств у партизан не было.

Алексей Иванов в этих тяжелых боях лично уничтожил три танка. А 24 апреля его сразила вражеская пуля. Партизаны, похоронили своего командира в глухом заболоченном лесу, отряд оторвался от преследователей и вышел из окружения.

В последующих боях они еще много раз наводили ужас на гитлеровских захватчиков, жестоко мстили им за смерть товарища.

17 августа 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР многим партизанам из соединения А. 3. Одухи было присвоено звание Героя Советского Союза. Удостоился этого отличия и сибиряк Алексей Григорьевич Иванов.

Николай Афанасьевич Климовский прошел нелегкий жизненный путь. Он родился в 1910 году в старинном сибирском селе Рассказово. Мать умерла при родах. Воспитывался у деда. Семья было большая, жили бедно. Когда подошли года, товарищи пошли учиться, а он нанялся на работу к местному кулаку.

Одним из первых в селе стал комсомольцем, принимал активное участие в коллективизации. Руководил в колхозе полеводческой бригадой.

По существу, только в армии Николай Афанасьевич получил возможность по-настоящему учиться. Еще до начала Великой Отечественной войны он прошел все ступени от солдата до офицера. Брал больше упорством, трудолюбием, страстно хотелось наверстать упущенное.

В действующую армию Климовский попал в июле 1942 года и сразу — под Сталинград. Потом воевал на Курской дуге, форсировал Днепр, участвовал в Ясско-Кишиневской операции.

В начале сентября 1944 года 7-й гвардейский воздушно-десантный артиллерийский полк 9-й гвардейской Краснознаменной Полтавской воздушно-десантной дивизии, которым командовал гвардии майор Климовский, был из-под Ясс переброшен на Сандомирский плацдарм. Отсюда в начале 1945 года началось знаменитое наступление, в результате которого советские войска вышли на реку Одер.

Климовский Николай Афанасьевич

Гвардии майор Климовский к этому времени был опытным артиллеристом-противотанкистом. На его счету десятки уничтоженных танков, сотни разбитых пулеметов, орудий...

В первых числах февраля 1945 года артиллерийский полк вместе со стрелковыми подразделениями с ходу форсировал Одер и захватил небольшой плацдарм на западном берегу реки между Бреслау и Олау.

Стояло яркое солнечное утро. Артиллеристы занимали огневые позиции, рыли окопы. Климовский в плащ-накидке с автоматом, сопровождаемый ординарцем, обошел огневые позиции, благо все они располагались на небольшом «пятачке», и возвратился на свой наблюдательный пункт, оборудованный позади орудия сержанта Шабанова.

— Как дела? — спросил по телефону командующий артиллерией дивизии гвардии подполковник Валуев.

— Пока спокойно! — ответил Климовский.— Ждем.

— Смотрите, Николай Афанасьевич. Вся надежда на вас,— предупредил командующий.

— Не беспокойтесь!

В утренней тишине послышался нарастающий рокот танковых двигателей. Развернувшись в линию, вражеские танки приближались к плацдарму. За ними густыми цепями бежали пехотинцы.

Климовский с биноклем в руках стоял на наблюдательном пункте. Рядом, держа в руке телефонную трубку и не спуская глаз с командира, сидел телефонист, готовый немедленно передать команду.

Расстояние между огневыми позициями и танками быстро сокращалось, а командир полка медлил. У кого-то из батарейцев не хватило выдержки.

— Почему нет команды? — спросил в трубке встревоженный голос.

Климовский, не отрывая глаз от бинокля, протянул руку, взял из рук телефониста трубку и властно сказал:

— Ждать!

Лицо его чуть побледнело. Те пять-шесть минут выдержки, в течение которых вражеские танки лавиной надвигались на огневые позиции, стоили немалых усилий.

Молчание защитников плацдарма показалось гитле-

ровцам странным. Они начали нервничать, стреляли наугад. Движение танков замедлилось.

И в этот момент Климовский скомандовал:

— Огонь!

Ударили одновременно все орудия. Сразу же загорелось несколько танков. Гитлеровцы поняли ошибку, но, не видя спасения, очертя голову ринулись вперед. Два танка прорвались на огневые позиции четвертой батареи. Рядом с орудием Шабанова разорвался снаряд. Весь расчет был выведен из строя.

Климовский видел, как Шабанов, оставшись один, продолжал вести бой: подносил снаряды, заряжал, наводил, стрелял. Рядом разорвался еще один снаряд. Сержант, раненный в обе руки, закусил шнур зубами, выстрелил и упал на станину.

Командир полка бросился к орудию, зарядил и почти в упор ударил по надвигающемуся танку. Второй танк повернул в сторону...

Восемь танков и самоходных орудий горели на поле боя. Сотни вражеских трупов лежали на подступах к плацдарму. В течение дня полк отбил несколько танковых атак противника. Потом вместе с переправившейся пехотой артиллеристы снова перешли в наступление и после долгих и упорных боев вступили в город Дрезден. Здесь и застала их весть о Победе.

Командующий артиллерией, представляя Климовского к награде, писал:

«При форсировании реки Одер гвардии майор Климовский, неоднократно подвергаясь смертельной опасности, лично управлял огнем орудий прямой наводки, проявил высокую стойкость, мужество и геройство».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 года Николаю Афанасьевичу Климовскому было присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1958 году в звании гвардии полковника Николай Афанасьевич по состоянию здоровья уволился в запас и возвратился в родную Сибирь. Через год трудящиеся города Карасука избрали его председателем городского Совета. На этом посту он трудится по настоящее время.

Кожемякин Петр Павлович

Но мосту через Неман у деревни Бережаны под Гродно бесконечным потоком шли войска. Вблизи моста, в прибрежном кустарнике расположились саперы 87-го отдельного корпусного инженерно-саперного батальона 36-го стрелкового корпуса. На кустах ракитника сушились портянки, гимнастерки. Рядом лежал инструмент: топоры, пилы. Чуть в стороне бездымным пламенем горел костер. Над ним висело закопченное ведро. В неподвижном горячем воздухе остро пахло смолистыми щепками, гнилыми водорослями и ухой.

Солдаты, развалившись на теплой земле, лениво переговаривались между собой или, закинув руки за голову, бездумно смотрели в безоблачное голубое небо. Они свое дело сделали, мост построили вовремя и теперь имели полное право немного отдохнуть.

Командир взвода старшина Петр Павлович Кожемякин в это время прохаживался с топором по мосту, укреплял перила, что-то подбивал, подправлял. Это был его мост, построенный его взводом, он очень гордился им и хотел, чтобы все было в ажуре.

На войне у каждого свой счет. Летчик-истребитель считает сбитые вражеские самолеты, артиллерист — число подожженных танков, автоматчик — отправленных на тот свет гитлеровцев, разведчик — захваченных «языков», а сапер-мостовик ведет счет переправам, которые ему пришлось наводить через реки.

На счету Кожемякина много переправ: и паромных,

и мостовых, через большие реки и через малые. Он начал их строить еще в боях под Москвой, в конце 1941 года, за что был награжден медалью «За отвагу». Тогда же, в самое тяжелое для Родины время, стал коммунистом. Потом, когда немцев отогнали от столицы, приходилось заниматься и другой работой: сооружать блиндажи и землянки, минировать и разминировать дороги. Но главное в его фронтовой жизни — все же мосты.

Всякие бывали случаи. Во время наступления под Оршей отделению старшего сержанта Кожемякина предстояло проникнуть в глубокий тыл противника, захватить совместно с разведчиками мост и удерживать его до подхода главных сил.

Ночью саперы с разведчиками перешли линию фронта, совершили 40-километровый марш по тылам врага и вышли в назначенный район. На рассвете вплавь переправились на западный берег реки и, перебив охрану, захватили мост, уже подготовленный гитлеровцами к взрыву. Четыре часа продержались разведчики и саперы, отбивая атаки противника, но мост сохранили.

За эту операцию Кожемякина наградили орденом Красной Звезды.

При подходе к реке Березине старший сержант Кожемякин уже командовал взводом. В ночь на 1 июля 1944 года в районе деревни Новоселки саперы подошли к реке, спустили на воду понтоны, соорудили из них паром и до самого рассвета переправляли войска. Трудной была эта ночь. Гитлеровцы непрерывно обстреливали переправу из артиллерии и минометов. Правда, били вслепую. Но снаряды и мины рвались совсем рядом, вода у бортов поднималась стеной, а саперы, мокрые до нитки, с кровяными мозолями на руках, продолжали свое нелегкое дело. До рассвета они успели переправить около пятисот человек и больше ста повозок с боеприпасами.

Кожемякина наградили орденом Отечественной войны II степени.

А через две недели строили мост через протоку между озерами в районе местечка Рыбница. Пехоты впереди почему-то не было. Гитлеровцы обнаружили саперов и пошли в атаку. Их было около роты, а саперов только двадцать два, вместе с Кожемякиным. Но не отдавать же врагу почти законченный мост! Саперы, отложив то-

поры и пилы, вступили в неравный бой. Ё течение двух часов отбивали атаки, пока не подошла подмога.

Но все это ни в какое сравнение не шло с тем, что пришлось испытать на Немане. А, как известно, чем труднее победа, тем дороже. Поэтому старшина так ревниво и относился к своему новому детищу — мосту и придирчиво следил за порядком. Ему казалось, что шоферы ведут машины слишком неаккуратно, того и гляди собьют перила...

— Куда ты прижимаешься, черт усатый?! Держи по середке! — кричал он водителю, вскочив на подножку грузовика.

Шофер выровнял автомашину, но, когда мост остался позади, съязвил:

— Все воюете, товарищ старшина? Верхом на топоре? Скучная работа...

Старшина от обиды скрипнул зубами, спрыгнул с подножки, погрозил кулаком: «Побывал бы ты, усатый таракан, вчера на моем месте...»

А вчера, 16 июля 1944 года, здесь действительно было очень жарко. Когда саперы подошли к Неману, на противоположном берегу с трудом удерживали небольшой плацдарм только переправившиеся вплавь автоматчики.

Командир корпуса, ставя задачу саперам, предупредил:

— Теперь все зависит от вас. Не построите мост до рассвета — погибнут люди!

Кожемякин и сам понимал, что без артиллерии и танков автоматчики долго не продержатся. Но это ведь Неман! Ширина больше ста метров!

Командир батальона гвардии майор Ивин распределил обязанности между взводами. Кожемякин получил задачу построить прибрежную часть моста длиною 30 метров.

Сразу же приступили к работе, а вернее — к штурму. На берегу готовили опоры и на руках подносили к реке. Старшина и с ним еще несколько бойцов, по грудь в воде, принимали опоры и устанавливали на дно Немана. У самого берега, где грунт был твердым, ставили рамные, потом пришлось делать ряжевые опоры и заполнять их камнями, чтобы не снесло.

Противник, видимо, догадывался о строящейся пере-

праве, нервничал. Над рекой то и дело вспыхивали ракеты, и тотчас же начинался артиллерийско-минометный обстрел. Снаряды рвались на восточном берегу, в реке. Близкими взрывами срывало опоры. Саперы ловили их и снова устанавливали и закрепляли. Перед самым рассветом налетела авиация. Кожемякин и его голые солдаты о себе не думали. Главное — удержать опоры. И они удержали. Потом налетела вторая партия самолетов... третья... четвертая.

Растревоженные взрывами, ревущие воды Немана обрушивались на солдат, выворачивали опоры. Творилось невообразимое. Такого Кожемякин еще не видал.

Шесть часов он и его солдаты, презирая опасность, самоотверженно работали в воде и к намеченному сроку приказ командира выполнили. Но едва доложили о том, что мост готов, как снова налетели вражеские бомбардировщики, и он был разбит.

Саперы так и не успели одеться. Пришлось все начинать сначала: лезть в воду, заменять разбитые опоры, укладывать настил. Это был нечеловеческий труд. Старшина Кожемякин видел своих обессилевших бойцов и, хотя сам едва держался на ногах, брал самую трудную, самую опасную работу. Следуя его примеру, работали и солдаты.

Гитлеровские летчики, конечно, зафиксировали прямое попадание бомбы и доложили своему командованию, что мост разбит. Так оно и было на самом деле. Враги не учли одного — мужества и героизма наших воинов. Через три часа разрушенный мост был полностью восстановлен...

- Товарищ старшина, уха готова. Садитесь! — звали солдаты.

Кожемякин молча присел к костру. Так же молча съел котелок ухи и только после этого проговорил:

— Хорошая уха! Давно такой не пробовал. Спасибо!

Старшина вытер ложку, засунул ее за голенище и, отойдя в сторону, прилег на травку. Солдаты говорили о доме, о родных.

«Сашке моему уже девять, Витьке — семь, а Галинке — четыре,— подсчитывал старшина.— Трудно Евдокии с ними».

Сам Кожемякин остался без отца и матери, когда

ему было пять лет. Он родился в 1917 году в деревне Изосимово Каргатского района Новосибирской области. Воспитывался у тетки в селе Дуброво Чулымского района. Здесь же пошел в школу. Учился лишь один год — с восьми лет начал работать в колхозе. Кем только не был! Кажется, освоил все крестьянские специальности. Правда, грамотности не хватало, но выручала природная смекалка. Перед войной он уже был признанный, уважаемый плотник. Поэтому и в армии зачислили в саперы.

...На следующий день саперы опять шли на запад. Впереди еще немало было рек, через которые предстояло строить переправы.

24 марта 1945 года Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР за мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими , захватчиками, Петру Павловичу Кожемякину было присвоено звание Героя Советского Союза.

В сентябре 1945 года Петр Павлович приехал домой, в родную Сибирь.

— Ну, как воевал? — спрашивали его земляки при встрече.

— Да так, все больше верхом на топоре! — отвечал Кожемякин посмеиваясь.

Земляки избрали его председателем колхоза «14-я годовщина Октября». Восемь лет работал бессменно. А потом здоровье стало подводить — устроился сигналистом на Чулымскую дистанцию пути Западно-Сибирской железной дороги.

Во второй половине июля 1941 года немецко-фашистские войска, рвавшиеся к Москве, в результате ожесточенных боев были остановлены под Смоленском. Линия фронта стабилизировалась на рубеже Ярцево — Ельня и далее по реке Десне.

Днем по всему фронту продолжались бои местного значения, а с наступлением темноты огонь затихал.

Гитлеровцы, привыкшие к легким победам на Западе, пытались отдыхать в ночное время и в России. Но чувствовали себя неспокойно — местность перед своим передним краем беспрерывно освещали ракетами, периодически, будто подбадривая себя, вели огонь из пулеметов.

Над городом Ярцевом алело зарево большого пожара. Зарева поменьше стояли над деревнями. От горящих домов, опаленной сухой земли, созревающих хлебов несло гарью. В темном небе на большой высоте надсадно гудели вражеские бомбардировщики, летевшие вдоль Минского шоссе на Москву...

В такие ночи командир 3-го батальона 586-го полка 107-й Барнаульской стрелковой дивизии капитан Козин Нестер Дмитриевич особенно остро испытывал чувство ненависти к захватчикам и неудовлетворенность собой.

«Не они нам, а мы им должны диктовать свою волю,— думал он.— Если они темноты боятся, то ночью их надо и бить, да так, чтобы земля горела под их ногами!»

Козин Нестер Дмитриевич

Однажды вечером из деревни Басманово в расположение штаба полка прибежала девушка — дочь местного агронома. Она сообщила страшную весть: к деревне гитлеровцы согнали большую группу московских пионеров и всех до одного расстреляли. Двести детских трупов осталось в поле. Фашисты после расправы с детьми ворвались в село, закрыли все выходы из него и начали грабить жителей, забивать скот. А потом устроили облаву на девушек...

Взволнованный командир полка тотчас же вызвал Козина.

- Немедленно поднимай батальон и иди в Басманово! — приказал он.— Чтобы ни один гад не ушел!

Через сорок минут, когда стемнело совсем, батальон Козина подошел к деревне.

Гитлеровцы вели себя беспечно. С центральной улицы доносились пьяные голоса, женский плач и одиночные выстрелы.

Козин решил захватить сначала вражеские бронемашины, прикрывавшие въезд в село. Это было сделано без единого выстрела. Пьяных гитлеровцев бойцы прикончили ножами. Потом окружили дома, в которых веселились фашисты, и по сигналу Козина открыли огонь по окнам. Удар был так ошеломителен, что эсэсовцев охватила паника. Тех, что выскакивали из домов, расстреливали в упор, били прикладами, кололи штыками, других, что остались в домах и пытались отстреливаться, уничтожали гранатами. За каких-нибудь полчаса с вражеским батальоном было покончено.

После этого боя капитан Козин почти каждую ночь совершал смелые вылазки, и все они, как правило, проходили успешно. Сотни гитлеровцев истребил батальон Козина и почти не имел потерь. 3-й батальон стали называть не иначе, как «истребительный». А за его командиром закрепилась слава мастера ночных ударов. Нестера Дмитриевича приняли в члены Коммунистической партии.

Здесь же, на Ельнинском направлении, он блестяще провел еще одну операцию.

Перед фронтом 586-го полка оборонялся усиленный батальон гитлеровцев. Командир этого батальона капитан Фауст, видимо, много наслышавшийся о ночных атаках русских, нервничал. 15 или 16 августа командир

полка И. Некрасов через местных жителей получил от него такую записку.

«Полковник Некрасов! Давайте договоримся ночью не воевать. Жду Вашего ответа. Капитан Фауст».

В тот же день полковник Некрасов пригласил капитана Козина, показал ему записку и приказал ночной атакой уничтожить вражеский батальон. Козин тщательно разработал план ночного боя и блестяще осуществил его. Батальон противника был наголову разгромлен, а его командир капитан Фауст и около сорока его подчиненных взяты в плен.

Полковник Некрасов сам допрашивал гитлеровского офицера.

- Ну вот, господин капитан, это мой ответ на вашу записку,— сказал он.

— Вы, русские, воюете не по правилам,— недовольно пробормотал Фауст.

Полковник Некрасов резко встал.

- Не по правилам? — спросил он, прищуриваясь.— А убивать детей, насиловать женщин, грабить население — по правилам?

Когда пленного увели, Некрасов подошел к Козину и крепко пожал ему руку.

- Спасибо, Нестер Дмитриевич, за службу. Неплохо мы с вами воевали, хорошо сработались, но приходятся расставаться,— с грустной ноткой произнес он.— Вы назначены командиром полка в 100-ю стрелковую дивизию. Сдайте дела своему заместителю и как можно быстрее отправляйтесь к новому месту службы. Там вас ждут.

24 августа Козин прибыл на место нового назначения.

- Не хотелось расставаться со своими сибиряками? — пристально вглядываясь в лицо капитана, спросил командир дивизии генерал-майор Руссиянов.— Но ничего, у нас тоже народ хороший. Скучать не придется. Готовьте полк к наступлению!

Войскам 24-й армии была поставлена задача разгромить ельнинскую группировку противника. 100-й ордена Ленина стрелковой дивизии в этой операции отводилась решающая роль.

85-й стрелковый полк, командиром которого назначили капитана Козина, должен был овладеть ключевой позицией в обороне противника — деревней Гурьево.

Наступление началось 30 августа. Полк Козина после упорных боев занял деревню и, развивая успех, устремился к шоссе Ельня—Смоленск...

Разгром ельнинской группировки врага имел не только большое военное, но и, главным образом, морально-политическое значение. Впервые гитлеровским войскам был нанесен такой удар, который заставил их в панике бежать. За этот бой 100-й стрелковой дивизии, одной из первых в Советской Армии, было вручено гвардейское знамя. Она стала называться 1-й гвардейской ордена Ленина стрелковой дивизией.

Однако в октябре 1941 года обстановка на фронте резко ухудшилась. Немецко-фашистские войска прорвали оборону на флангах и вышли на ближние подступы к Москве.

Началась историческая битва за Москву.

5 декабря 1941 года советские войска перешли в контрнаступление. В числе соединений, погнавших хваленую гитлеровскую армию на запад, была и 1-я гвардейская. Полк Козина освобождал одно село за другим. Впереди шел 1-й батальон под командованием капитана А. Кринецкого, за ним — главные силы.

Ночью передовой отряд подошел к селу Апухтино — сильному опорному пункту противника.

Козин, уже майор, как всегда, принял дерзкое решение — обойти село с флангов, закрыть все выходы из него и внезапной ночной атакой уничтожить вражеский гарнизон. Все происходило примерно так же, как при налете на деревню Басманово, только увеличились масштабы. Гитлеровцы, полуодетые, выскакивали из домов. Их тут же уничтожали. Село было захвачено. Все бойцы и командиры сражались геройски.

С утра противник перешел в контратаку со стороны села Давыдовка, видимо, намереваясь снова взять Апухтино. Но на его пути уже стоял, предусмотрительно выдвинутый командиром полка заслон — 2-й батальон с полковой батареей.

Свой командный пункт майор Козин поместил в крайнем домике села. Он зорко следил за развитием событий и, умело маневрируя огнем и резервами, диктовал свою волю противнику.

К исходу 10 декабря полк, развивая успех, вышел к большому населенному пункту (это были три соединив-

шиеся села: Черново-Пятницкое, Никитинское и Никольское), но взять его с ходу не удалось. Козин предложил командиру дивизии свой план: полк дождется темноты и вместе с соседним полком окружит населенный пункт и ночной атакой овладеет им.

Генерал Руссиянов одобрил план. Ровно в полночь после залпа дивизиона «Катюш» гвардейцы со всех сторон атаковали противника и разгромили его.

За этой победой следовали новые.

Дивизионная газета «В бой за Родину» выходила в те дни с аншлагами: «Слава чудо-богатырям, гвардейцам-козинцам!» «Воины! Бейте гитлеровцев так, как бьют их гвардейцы подразделения т. Козина!»

За мужество, героизм и высокое командирское мастерство, проявленные в тяжелых боях 1941 года, Нестер Дмитриевич Козин был награжден орденом Ленина.

В апреле 1942 года гвардии подполковник Козин был назначен командиром 8-й мотострелковой дивизии войск НКВД. За героические бои на реке Дон в районе Клетская и разгром вражеского корпуса дивизия была преобразована в гвардейскую и стала называться 52-й гвардейской.

Командующий армией, представляя полковника Козина к ордену Красного Знамени, писал:

«Благодаря высокой дисциплинированности, инициативе и личной храбрости товарища Козина, дивизия, руководимая им, всегда точно и в срок выполняла боевые приказы Военного Совета армии».

19 января 1943 года Нестеру Дмитриевичу Козину было присвоено звание генерал-майора, а в июне Военный Совет фронта направил его на учебу в Высшую военную академию Генерального штаба.

Вся предшествующая жизнь генерала Козина сложилась так, что учиться ему пришлось очень мало. Родился в 1902 году в деревне Ново-Покровская Татарского района Новосибирской области. С ранних лет начал работать, сначала в хозяйстве отца, а потом чернорабочим на железнодорожной станции Татарская. Грамоте выучился самостоятельно.

В 1927 году призвали в армию. Окончил полковую школу и сдал экстерном экзамены за 8 классов средней школы. Как наиболее способного младшего командира его направили учиться в Омское пехотное училище им.

М. В. Фрунзе. После окончания его Козин служил в Белорусском и Сибирском военных округах.

Самой суровой школой была война. Он многому научился, но сам чувствовал нехватку образования. И потому, как ни жаль было расставаться с гвардейцами, поехал учиться.

Почти год Нестер Дмитриевич осваивал военную науку. То, до чего когда-то доходил смекалкой, природным умом, теперь приобрело научно обоснованный смысл. На свою богатую боевую практику он смотрел уже совсем другими глазами.

После окончания академии генерал Козин некоторое время командовал 13-й гвардейской воздушно-десантной дивизией, потом 89-й стрелковой. Все это время упорно просил командование направить его в родную 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

8 августа 1944 года его просьбу удовлетворили.

О боевых делах 52-й дивизии не раз сообщалось в приказах Верховного Главнокомандования.

«Сегодня, 13 октября 1944 года,— читал диктор,— войска 3-го Прибалтийского фронта при прямом содействии войск 2-го Прибалтийского фронта штурмом овладели столицей Советской Латвии городом Рига — важной военно-морской базой и мощным узлом обороны немцев в Прибалтике.

В боях за овладение городом Рига отличились войска... генерал-майора Козина...»

2 мая 1945 года радио сообщало:

«Сегодня войска 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова, при содействии войск 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Конева, после упорных уличных боев завершили разгром берлинской группировки немецких войск и полностью овладели столицей Германии городом Берлин — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии.

Берлинский гарнизон, оборонявший город, во главе с начальником обороны Берлина генералом от артиллерии Вейдлингом и его штабом, сегодня, в 15 часов, прекратил сопротивление, сложил оружие и сдался в плен...

В боях за овладение Берлином отличились войска... генерал-майора Козина...

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу И независимость нашей Родины!

Смерть фашистским захватчикам!»

А через день командир 12-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор Филатов по свежим следам боев за Берлин писал в наградном листе:

«Части 52-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием гвардии генерал-майора Козина Нестера Дмитриевича в период с 1 по 8 марта 1945 года участвовали в прорыве сильно укрепленной обороны противника в немецкой Померании. За восемь дней боев части дивизии прошли свыше 150 километров, форсировали 6 рек, захватили 6 городов и свыше 80 населенных пунктов, нанесли противнику большие потери в живой силе и технике, первыми вышли к реке Одер и 14 апреля захватили плацдарм на западном берегу. 19 апреля 52-я гвардейская дивизия, развивая успех 23-й и 33-й дивизий, с ожесточенными боями преодолела три сильно укрепленных рубежа обороны противника, перерезала пять шоссейных дорог и первой ворвалась в пределы Берлина.

В этих боях гвардии генерал-майор Козин Н. Д. показал личную храбрость, образцы организации взаимодействия родов войск и управления частями дивизии на поле боя.

В уличных боях части дивизии в период с 22 апреля по 2 мая 1945 года, преодолевая сильное огневое сопротивление, в исключительно тяжелых условиях прошли свыше 20 километров, заняли 120 кварталов и улиц и форсировали реку Шпрее...

За отличную организацию боя и взаимодействия родов войск при взятии Берлина и личную храбрость командир 52-й гвардейской стрелковой Рижско-Берлинской орденов Ленина, Суворова и Кутузова дивизии гвардии генерал-майор Козин Н. Д. достоин высшей правительственной награды — присвоения звания Героя Советского Союза».

Президиум Верховного Совета Союза ССР Указом от 29 мая 1945 года Козину Нестеру Дмитриевичу присвоил это высокое звание.

Отвечая на поздравления боевых товарищей, Нестер Дмитриевич, обычно скупой на слова, взволнованно говорил:

- Клянусь родной партии и родному народу, что все свои силы, всю энергию, а если потребуется, то и жизнь, я отдам служению Родине!

После войны Нестер Дмитриевич служил на различных командных должностях в Группе Советских войск в Германии, на Дальнем Востоке, в Москве. В 1954 году оставил военную службу по болезни и поселился в Барнауле.

ртиллеристы, как всегда, устраивались основательно: орудия установили за каменными укрытиями, тщательно замаскировали, прочный подвал полуразрушенного дома приспособили для отдыха.

Едва они закончили эту работу, как пришел командир батареи капитан Костин, взглянул на уставших товарищей, и, по достоинству оценив их старания, сказал:

- Молодцы, ребята! Хорошо потрудились! — Немного помолчав, добавил: — Был сейчас у командира бригады. Думали, какой батарее первой открывать огонь по Берлину.

Артиллеристы придвинулись к командиру. Каждый хотел, чтобы честь эта была предоставлена их батарее.

- Ну, и что же, товарищ капитан? — не выдержал наводчик второго орудия.

Костин выжидательно молчал.

- Вы бы попросили полковника. Он же знает, как мы стреляем,—наперебой заговорили артиллеристы.

Капитан поднял руку.

- Тихо, товарищи. Я так и сказал комбригу.

Костин был в батарее не только старшим по званию, но и по возрасту. Ему исполнилось тридцать четыре, в то время как самому старшему из подчиненных едва перевалило за двадцать пять. До службы в армии он закончил институт народного хозяйства в Новосибирске, почти пять лет руководил отделом подготовки и распределения кадров облторга. Умел подойти к людям, убедить

Костин Алексей Сергеевич

и незаметно, без всякого нажима, направить на доброе дело.

- Прежде чем открыть огонь по Берлину, надо выйти на автостраду. Иначе наши гаубицы не достанут до цели.

- Так в чем же дело?! Мы готовы, товарищ капитан! — вразнобой отвечали артиллеристы.

- Ну, коль так, то слушайте задачу! — Развернув карту, он показал маршрут движения и новое место огневых позиций за автострадой.

На батарее закипела работа: пополнялись боезапасы к гаубицам, заправлялись тягачи, готовились ручные гранаты, продовольствие. Когда стемнело, артиллеристы двинулись в большой и опасный путь.

К полуночи они уже были у автострады в районе северо-западнее города Бломберга. Гитлеровцы не подавали никаких признаков жизни. Костин с разведчиками и радистами был впереди колонны. «Или разбежались, или что-нибудь коварное замышляют»,— прислушиваясь к доносившейся со всех сторон редкой ружейно-пулеметной стрельбе, размышлял он.

И словно в подтверждение этой мысли, справа донесся нарастающий шум чужих моторов. А за автостраду успели перевалить только две гаубицы.

Капитан лихорадочно искал выхода из создавшегося положения и не находил. Вражеские танки были совсем близко, когда он, наконец, принял решение. «Слушайте задачу: всем орудиям развернуться лицом к автостраде, ничем не обнаруживая себя...— передавал «капитан по радиостанции.— Пропустить первые танки, а потом внезапно ударить: гаубицам, которые ушли за автостраду,— по хвосту колонны, остальным — по голове».

Артиллеристы приготовились к бою.

Когда колонна оказалась между гаубицами, Костин подал сигнал. Почти одновременно прогремели четыре выстрела. И сразу же вспыхнули два танка. Вражеская колонна смешалась. Гитлеровцы, не понимая, откуда бьют, заметались. Танки стали пятиться, разворачиваться, а артиллеристы методично расстреливали их, не давая врагу опомниться.

Через несколько минут все стихло. Танки, успевшие уйти из-под огня, тарахтели где-то справа. От пожара на автостраде было светло, как днем.

«Ну, теперь не полезут»,— решил капитан и приказал продолжать движение.

Перед рассветом батарея заняла огневые позиции в назначенном районе. На всякий случай артиллеристы оборудовали район для круговой обороны. Это было 20 апреля 1945 года.

Костин связался со штабом бригады, доложил о результатах ночного боя. Полковник Сазонов, командир бригады, поблагодарил за успешные и смелые действия и разрешил открыть огонь по Берлину.

Первый залп по Берлину!

Как ни устали артиллеристы, но, понимая значимость этой исторической минуты, выглядели веселыми и бодрыми.

Ровно в 6-00 4-я батарея 1-го дивизиона 86-й тяжелой гаубичной артиллерийской Краснознаменной бригады 5-й артиллерийской дивизии Прорыва резерва Главного Командования открыла огонь по железнодорожной станции Берлина Хайнерсдорфу.

«Вот она, победа, конец войны»,— думал капитан Костин. Тяжелые дни под Понырями на Курской дуге, где он со своими артиллеристами в упор расстреливал фашистские танки, форсирование Днепра, отчаянные схватки на плацдарме — все это, казалось, было так давно...

Советские войска шли на последний штурм. 86-я артиллерийская бригада поддерживала передовые части 79-го стрелкового корпуса, наступавшего на Берлин с северо-востока.

В конце апреля стрелковые подразделения форсировали обводный канал и вышли на реку Шпрее. Начался бой за рейхстаг.

Капитан Костин, назначенный командованием начальником разведки дивизиона, находился на наблюдательном пункте, оборудованном на чердаке швейцарского посольства. Это совсем рядом с рейхстагом. Отсюда хорошо просматривались все подступы к рейхстагу, был виден каждый камень на его ступенях, каждое окно. Гитлеровцы превратили рейхстаг в крепость и, судя по всему, готовились оборонять его до последнего солдата.

30 апреля стрелковые подразделения подошли к противотанковому рву перед рейхстагом, но под губительным огнем залегли. Все это произошло на глазах капита-

на Костина. Он передавал на огневые позиции координаты целей. Тяжелые гаубичные снаряды с воем проносились над головой, прошивали купол рейхстага, рвались на ступенях... Дым и пыль окутали рейхстаг, внутри его бушевал огонь, а гитлеровцы с неистовостью обреченных продолжали сопротивляться.

Артиллеристы били по амбразурам окон, по каждой обнаруженной огневой точке, и враг не выдержал... Под прикрытием артиллерийского огня в рейхстаг ворвалась пехота.

В 22 часа 50 минут над развороченным куполом рейхстага взвилось Знамя Победы. А ранним утром на площади перед рейхстагом творилось что-то невообразимое. Советские воины целовались, обнимались, палили из автоматов, карабинов и пистолетов, выражая свою радость и гордость за завоеванную победу.

Кто-то от избытка чувств сделал надпись на закопченной колонне рейхстага. Его примеру последовали другие, я каждый, кто приходил сюда, оставлял о себе память. Костин написал: «Ура! Мы в Берлине! Слава советскому народу-победителю». И расписался.

За мужество и отвагу, проявленные при штурме Берлина, капитану Костину Алексею Сергеевичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны он еще долго служил в артиллерии, стал заместителем командира полка, а в 1956 году уволился в запас и возвратился к своей мирной довоенной профессии.

Сейчас он директор одного из лучших магазинов в Калинине. Ведет большую общественную работу.

Котов Георгий Карпович

В армию Георгий Карпович Котов призывался из села Березовки Болотнинского района Новосибирской области. Великую Отечественную войну начал полковым инженером. К тому времени он уже окончил военное училище и высшие офицерские курсы. Воевал под Ярцевом, потом под Дорогобужем, Ржевом и Нелидовом. Познал горечь отступления. Взрывал мосты, минировал дороги, ставил заграждения.

В ноябре 1941 года Г. К. Котов был тяжело ранен и контужен. После излечения воевал на Калининском и Ленинградском фронтах. Разминировывал минные поля, строил переправы...

В ноябре 1944 года батальон Котова перебросили под Варшаву на Магнушевский плацдарм в состав 1-го Белорусского фронта и подчинили 61-й армии. А 14 января 1945 года началась знаменитая Висло-Одерская операция.

Передний край сильно укрепленной обороны противника проходил по западному берегу реки Пилица. Командующий войсками армии генерал-полковник П. А. Белов приказал Котову проделать со своим подразделением проходы в минных полях противника, а затем, действуя в качестве штурмового отряда, прорвать оборону и захватить опорный пункт Пшилет.

Майор отчетливо представлял всю важность и трудность задачи. Враг сидел за сильными укреплениями, простреливал каждый сантиметр земли. Танки ничем по-

мочь не могли — не было переправ. Артиллерия будет поддерживать, но вести огонь может только с закрытых позиций. Иначе говоря, надежда лишь на себя, на свой батальон.

Майор вызвал командиров рот и взводов, объяснил задачу, распределил обязанности и строго предупредил:

- Назад и на соседей не оглядываться! Я буду со второй ротой.

На следующий день, рано утром, после мощного артиллерийского налета, штурмовики по льду перешли Пилицу и бросились на вражеские укрепления. Как ни старались артиллеристы, многие огневые точки врага оказались неподавленными. Они-то и открыли огонь. Но штурмовики продолжали шаг за шагом продвигаться вперед.

- Ранен командир первой роты,— доложили Котову.— Убит командир 1-го взвода 3-й роты...

Майор выслушивал с тяжелым сердцем и хладнокровно отдавал короткие распоряжения. Вскоре проходы были готовы. По ним саперы и пехотинцы устремились к первой траншее. Грохот разрывов, пулеметная и автоматная трескотня, свистящий вой изрыгающих пламя огнеметов — все смешалось в клокочущем реве.

Три дня и три ночи продолжался жестокий бой. В результате вражеская оборона была прорвана, и по пути, проложенному штурмовиками, пошли танки.

За этот бой батальон был награжден орденом Красного Знамени и весь личный состав — орденами и медалями. В наградной реляции на командира батальона было записано:

«Майор Котов, возглавляя штурмовой отряд, состоящий из роты стрелков и роты сапер-штурмовиков, первым ворвался во вражескую траншею и, увлекая за собой пехоту, разгромил сильно укрепленный опорный пункт. В ночь на 6.1.45 г. в районе Магерова Воля штурмовики 2-й роты под руководством майора Котова отбили две контратаки противника, пытавшегося прорваться на командный пункт 89-го стрелкового корпуса. За героический штурм опорного пункта Пшилет на западном берегу реки Пилица, за умелое руководство подразделениями и проявленную при этом личную храбрость и мужество майор Котов достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

Командующий войсками 61-й армии генерал-полковник Белов на наградном листе добавил:

«Я лично ставил ему задачу на штурм. Задача выполнена. Достоин присвоения звания Героя Советского Союза!»

Так еще один сибиряк стал Героем.

После освобождения Варшавы советские войска устремились в Германию. Штурмовики майора Котова вышибали гитлеровцев из Шнейдемюля, из Альтдамма и многих других населенных пунктов.

Свой боевой путь Котов закончил на Эльбе.

Георгий Карпович продолжает службу в Вооруженных силах, свои знания и опыт передает молодым воинам. Труд его отмечен многими наградами командующего войсками военного округа и Министра обороны. Но самой большой наградой за свой труд полковник Котов считает мир на земле, главной гарантией которого является могущество Советского Союза.

В центре города Речица Гомельской области, в городском парке, на живописном берегу Днепра воздвигнут необычный памятник — танк, поднятый на высокий гранитный постамент. Его грозное орудие направлено на запад, туда, откуда пришла война. Величием и силой веет от памятника. В этом районе в сентябре — декабре 1943 года происходила грандиозная битва за Днепр между войсками Центрального фронта и немецкими захватчиками.

Рядом с танком 29 обелисков. На одном из них надпись: «Гвардии капитан Красиков Александр Васильевич, начальник штаба 62-го гв. кавполка. Героически погиб 8.12.1943 года».

В тот день начальник штаба не знал, что он уже не капитан, а майор. Шли тяжелые кровопролитные бои. Войска 7-го гвардейского кавалерийского корпуса в могучем порыве крушили вражескую оборону. «Только вперед, только на запад!» Этот девиз был в сердце каждого: от солдата до генерала.

Начальник штаба Красиков находился в боевых порядках и личным примером воодушевлял бойцов. Несколько раз он подымал залегшие цепи в атаку. Его видели то на переправе, то в танковом эскадроне, то у артиллеристов. Широкая улыбка, твердый уверенный голос капитана, спокойная распорядительность — все говорило о том, что наступление развивается успешно: еще усилие, и враг будет сломлен.

Красиков Александр Васильевич

Увидев полкового почтальона, **Александр** Васильевич воскликнул:

— Вот хорошо, что попался «а глаза! Подожди минутку, я черкну пару слов своим.

Спустившись в землянку, он вырвал из блокнота лист бумаги и стал писать.

«Дорогая сестренка! Идут жестокие бои, пишу в землянке. Все дрожит от взрывов снарядов. Если погибну, •прошу тебя об одном — не оставь Бориса, помоги Ире воспитать его верным сыном нашей Родины. Пока все. Противник контратакует. Твой брат Саша!»

А через час он погиб. Командир полка гвардии майор Маркорян, знавший своего начальника штаба больше других, стоя у могилы, не стесняясь слез, повторял:

- Какого человека потеряли! Какого человека...

Такое уважение, такую память о себе Александр Васильевич Красиков заслужил всей своей жизнью.

Он родился в 1907 году в селе Красный Яр Ордынского района Новосибирской области. С малых лет узнал нужду и горе. Когда ему было 15 лет, умер отец, оставив девятерых ребят. Основная тяжесть забот о младших сестрах и братьях легла на Сашины плечи. Около пяти лет пришлось батрачить на местного кулака.

Свободно вздохнула семья только при Советской власти. В 1927 году Саша, комсомолец, ушел с братьями на лесоразработки, руководил бригадой.

Слава о бригаде братьев Красиковых скоро облетела всю округу.

Потом Александр помогал коммунистам организовывать в родном селе колхоз. По заданию партийной ячейки принимал участие в борьбе с кулацкими бандами.

В октябре 1929 года все село с большой теплотой проводило Александра Красикова в армию. Службу начал в 53-м Даурском кавалерийском пограничном отряде. Напряженная учеба, тревожная жизнь на границе еще больше закалили характер. За четыре года службы из рядового бойца он стал начальником погранзаставы. Вступил в Коммунистическую партию.

Великая Отечественная война застала старшего лейтенанта Красикова в должности помощника начальника оперативного отделения 250-й стрелковой дивизии. В этой же дивизии он стал начальником штаба полка, а в конце сентября 1941 года был направлен на учебу в Военную

академию имени М. В. Фрунзе. После учебы Александр Васильевич снова прибыл на фронт.

Осенью 1943 года началась битва за Днепр. Гвардии капитан Красиков, уже начальником штаба 62-го гвардейского кавалерийского полка 16-й гвардейской кавалерийской дивизии, получил задачу: форсировать реку Снов и овладеть селом Клочково на подступах к городу Чернигову. Красиков тщательно спланировал и организовал выполнение этой задачи. Сам возглавил головной отряд, который без потерь переправился через Снов и занял юго-восточную окраину села. Потом на назначенные рубежи подошли остальные подразделения полка и враг попал в окружение. В этом бою противник оставил на поле 140 человек убитыми, около 200 человек пленными и много боевой техники.

Через день, 21 сентября, гвардии капитан Красиков снова отличился в бою за сильно укрепленный опорный пункт, созданный фашистами в совхозе имени 1 Мая, последний барьер на подступах к Чернигову. Благодаря распорядительности начальника штаба, его личной храбрости и твердому руководству подразделениями, все контратаки противника были отбиты и опорный пункт разгромлен.

За эти бои дивизия получила почетное наименование «Черниговская». Александр Васильевич Красиков награжден орденом Красного Знамени.

После освобождения Чернигова советские войска устремились к Днепру. На этой мощной водной преграде фашисты рассчитывали остановить победоносное наступление Советской Армии и поправить свое пошатнувшееся положение. Фашистская пропаганда кричала на весь мир, что немцы заковали Днепр в железо и бетон и создали неприступный «Восточный вал».

К исходу 26 сентября на берег Днепра вышел и 62-й гвардейский кавалерийский полк. Ему была поставлена задача в ночь с 27 на 28 сентября любыми средствами переправиться через реку, овладеть населенным пунктом Нивки и захватить плацдарм, обеспечить переправу главных сил корпуса.

Ночь и день, не смыкая глаз, начальник штаба и его подчиненные планировали предстоящий бой.

— Теперь можете отдохнуть,— разрешил командир полка.

— Какой тут отдых,— устало улыбался Красиков.— Вот форсируем Днепр, захватим плацдарм — тогда и отдохнем.

В полночь, под покровом темноты и тумана, от левого берега благополучно отчалили разведчики, потом подразделения первого эшелона, штаб.

Форсирование Днепра советскими войсками на этом участке явилось для немцев неожиданным. Придя в себя, они открыли ураганный огонь. Темное осеннее небо осветилось сотнями ракет. Тысячи разрывов снарядов и мин подымали вверх глыбы воды. А начальник штаба полка капитан Красиков уже был на западном берегу Днепра и руководил боевыми действиями высадившихся войск.

Командир полка, представляя своего начальника штаба к присвоению звания Героя Советского Союза за этот подвиг, писал в наградном листе:

«Гвардии капитан Красиков тщательно разработал план использования подручных средств, умело организовал и обеспечил форсирование Днепра, Несмотря на сильный артиллерийский и пулеметный огонь противника, подразделения полка, под покровом ночи и тумана, без потерь форсировали реку и вступили в бой с численно превосходящим противником.

Гвардии капитан Красиков личным примером храбрости и отваги воодушевлял офицеров и бойцов на боевые подвиги. Противник, цепляясь за каждый кустик и канавки, ожесточенно сопротивлялся, но, не выдержав натиска гвардейцев, вынужден был оставить село Нивки и отступить на запад, теряя живую силу и технику».

За мужество, отвагу и храбрость, проявленные в боях с немецкими захватчиками, за исключительные организаторские способности в руководстве боем яри форсировании Днепра и создание плацдарма на его правом берегу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 года гвардии майору Красикову Александру Васильевичу присвоено звание Героя Советского Союза.

Эта радостная весть так и не успела дойти до Александра Васильевича. Он погиб в бою у Речицы.

Шли тяжелые бои в предгорьях Кавказа.

Войска 56-й армии, отражая многочисленные атаки противника, прочно удерживали занимаемый рубеж. Одно из ответственных направлений прикрывала 30-я стрелковая дивизия. 8-я рота 256-го стрелкового полка этой дивизии обороняла Безымянную высоту...

Ночь с 10 на 11 ноября 1942 года была на исходе. По времени пора наступить рассвету. Но туман, пришедший с моря, и низкие тучи плотно закрывали небо. На Безымянной было тихо и сумрачно. Лишь одиночные выстрелы напоминали бойцам о том, что возможны всякие неожиданности и надо быть начеку.

В одном из дзотов, напряженно прислушиваясь к каждому шороху и внимательно вглядываясь в серую мглу, затаились боевые друзья — сибиряк Герасим Кучерявый и волжанин Николай Ветчинин.

— Вот, вроде и давно здесь, а никак не могу привыкнуть к этим горам, ущельям и бешеным речкам,— оказал Кучерявый.

- Да, не волжские или сибирские просторы,— поддержал Ветчинин.— Кавказ...

— Тише, кто-то идет,— перебил Кучерявый.

Действительно, откуда-то оправа доносился приглушенный звук шагов.

Кучерявый, выйдя из дзота, отрывисто окликнул:

- Стой, кто идет?!

Оказалось: командир взвода и связной.

Кучерявый Герасим Евсеевич

— Ну, как у вас тут дела, «робинзоны»? — спросил Лейтенант.

— На «шипке» все спокойно,— в тон ему ответил Кучерявый.

- Есть данные, что противник сосредоточил крупные силы. Наверное, будет пытаться овладеть высотой. Она у него как кость в горле. Смотрите в оба!

Через несколько минут тишину гор разорвал грохот артиллерийской канонады. Загудело глухое эхо по ущельям. Высота окуталась дымом. По склонам загромыхали камни. Запахло гарью.

Герасим Кучерявый бросился к амбразуре и, напрягая воспаленные от бессонницы глаза, увидел выползавших из траншей гитлеровцев. Их серо-зеленые фигуры, то падая, то поднимаясь, карабкались по склону. К разрыву снарядов и мин прибавился вражеский огонь из винтовок и автоматов. Справа и слева, почти одновременно, заговорили наши станковые пулеметы.

- Это Ломадзе и Еремин угощают непрошеных гостей,— определил он.

— Пора и нам ударить,— предложил Ветчинин.

Кучерявый промолчал. Он уже наметил свой рубеж, на котором хотел встретить «гостей». Установил прицел, с ожесточением смотрел в амбразуру.

Оставалось метров 100—150. Были слышны вражеские команды. И только в тот момент, когда гитлеровцы подошли к намеченному рубежу, озабоченно сказал:

- Вот теперь ударим, чтоб не повадно было! Чтобы они подавились нашей землей! — И нажал на гашетку.

Кучерявый стрелял то длинными, то короткими очередями. Патроны расходовал экономно, почти каждую пулю посылал в цель. Ветчинин, помогая обслуживать пулемет, хорошо видел в амбразуру, как падали серо-зеленые фигуры, как начали пятиться фашисты, а потом, оставляя убитых и раненых, побежали назад.

В это время оправа послышалось «Ура!»

— Лейтенант Синельников контратакует,— объяснял Ветчинин.

Так была отбита первая атака.

Кучерявый оторвался от пулемета. Из кожуха валил пар. Ветчинин поднес холодной воды, залил пулемет и, глядя на возбужденное лицо друга, широко улыбнулся.

- Теперь не полезут.

- Плохо ты их знаешь,— охладил Кучерявый.— Немного очухаются и снова будут атаковать.

Ровно через час, после кратковременной, но мощной артподготовки, гитлеровцы возобновили атаку. Она снова была отбита. Затишье продолжалось несколько часов. Затем фашисты, отказавшись от лобовых атак, пошли в обход и окружили высоту.

Во время четвертой атаки фашистским артиллеристам удалось разрушить дзот. Кучерявого и Ветчинина засыпало землей и сильно оглушило взрывной волной. Оба они были тяжело контужены. Но поля боя не покинули. Выбравшись из-под обломков, с трудом вытащили пулемет и установили его на запасной позиции. Рядом заняли оборону еще несколько бойцов. Была отбита и четвертая атака.

Бой продолжался до позднего вечера. К исходу дня в живых остались только двое: Кучерявый и Ветчинин. При отражении следующей атаки погиб Ветчинин.

А гитлеровцы снова ползли на высоту. Отбиваться нечем: кончились патроны, осталась только одна противотанковая граната. Гитлеровцы, видно, поняли это, решили взять советского солдата живым.

— Русь, сдавайся!

Кучерявый не отвечал. Он стоял, прислонившись к стене, и жадно курил, держа в левой руке гранату. К нему, держа наизготовку автоматы, приближались четыре фашиста. Когда гитлеровцы были рядом, Кучерявый не торопясь выбрался из окопа, подошел почти вплотную к ним и с возгласом «За Родину!» бросил перед собой гранату. Гитлеровцы и сам он взлетели на воздух.

«Пусть знают фашистские разбойники,— писала в те дни дивизионная газета,— что советскую землю им не завоевать, что народ, солдаты которого, как наш Герасим Кучерявый, не задумываясь умирают за Родину, непобедим».

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 31 марта 1943 года Кучерявому Г. Е. посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Родился Герасим Евсеевич 3 марта 1906 года в деревне Николаевка Татарского района Новосибирской области в семье крестьянина-бедняка. Рано лишившись матери, он, старший из шести братьев и сестер, стал

помогать отцу. Тринадцатилетним пареньком пошел подсобным рабочим на маслозавод. Вступил в комсомол. Затем долгое время работал счетоводом в родном селе. Переехал на Кубань и в станице Платнировской работал бухгалтером на элеваторе.

С началом Великой Отечественной войны был призван в армию. В пулеметном взводе не было ему равных в меткости, в умении разгадывать тактические приемы врага.

Ландик Иван Иванович

етчик-истребитель Иван Иванович Ландик начал боевой путь в июне 1943 года на Брянском фронте в 937-м авиационном полку. За год он вырос от рядового летчика до командира эскадрильи. За это время в воздушных схватках сбил восемь вражеских самолетов. Причем каждый воздушный бой проводил своеобразно, никогда не повторяясь в тактических приемах. Неистощимый на выдумку, смелый, расчетливый и до дерзости напористый, он, как правило, первым стремительно атаковывал врага, навязывал ему свою волю и побеждал. Высокая боевая активность и блестящее владение самолетом за короткое время принесли ему славу талантливого летчика-истребителя, подлинного советского аса.

...*Это* было в конце июля "1944 года. Шли тяжелые бои в Прибалтике. С полевого аэродрома поднялась группа «Ла-5» под командованием капитана Ландика и взяла курс на запад. Над линией фронта в районе населенного пункта Пренай группа встретила восемнадцать «юнкерсов» под прикрытием четырех «мессеров» и двух «фоккеров».

Шесть против двадцати четырех!

Капитан Ландик смело ринулся в бой. Вклинившись в строй вражеских бомбардировщиков, он разорвал его и, искусно маневрируя, поджег одного «юнкерса». Его товарищи свалили три самолета. На выручку бомбардировщикам подходили «мессеры». Капитан Ландик, как всегда, самую трудную задачу взял на себя. Заме-

тив, что одному «Лавочкину» угрожает опасность, он бросил свой самолет навстречу «мессеру» и поджег его.

Противник не выдержал стремительного натиска советских истребителей, сбросил как попало бомбы и удалился.

В этом бою группа Ландика уничтожила шесть вражеских самолетов, из них два — сам капитан.

Через два дня, прикрывая наземные войска в районе населенного пункта Алитус, четыре «Ла-5» под командованием Ландика вступили в бой с двадцатью двумя самолетами противника.

Одного «юнкерса» сбил капитан, три самолета его товарищи.

Однажды в кабине самолета разорвался снаряд. Ландик был ранен в лицо, но не вышел из боя; выполнив задание, привел группу на аэродром в полном составе.

- Отправляйся в госпиталь! — сказал командир эскадрильи, с тревогой вглядываясь в окровавленное лицо капитана.

— Не время сейчас ходить по госпиталям,— ответил Ландик.— Вот закончится операция, тогда схожу.

А так как боевые операции продолжались одна за другой, он так и не побывал в госпитале.

Несмотря на внешнюю сдержанность, даже суровость, Ландик был отзывчивым и добрым товарищем. Летчики любили его, шли к нему за советом и помощью, а многие из них были обязаны ему своей жизнью.

Как-то лейтенанта Юрия Фролова зажали в воздушном бою два вражеских истребителя.

Капитан сразу же оценил тяжелое положение товарища и поспешил на выручку — меткой очередью сбил одного «мессера». Сделав резкий поворот, атаковал второго, выпустил по нему длинную очередь и отвалил в сторону.

— Добивай! — приказал он.

Фролов нагнал подбитый самолет и почти в упор расстрелял его.

«Иван Иванович Ландик,— вспоминал позже лейтенант Фролов,— не гнался за личным счетом обитых самолетов, за личной славой, а прежде всего заботился о товарищах, думал об общем деле».

Ландик находил любую возможность, чтобы передать

свое мастерство товарищам, хотя по возрасту все летчики эскадрильи были почти одногодками, а в сравнении с некоторыми он был даже моложе.

Иван Иванович родился в 1919 году в Омске, в семье рабочего. Окончив восемь классов, поступил по настоянию родителей в финансовый техникум, но, проучившись два года, понял: специальность бухгалтера не для него. После крупного разговора с родителями бросил учебу и стал работать на кирпичном заводе. Потом семья переехала в Карасукский район Новосибирской области. Здесь Иван Ландик устроился десятником по строительству и ремонту межколхозных дорог. Осенью 1940 года был призван в армию. Он попросился в авиацию, о которой мечтал с детства.

...Незадолго до Берлинской операции капитана Ландика назначили командиром эскадрильи 482-го истребительного авиационного Ковенского ордена Александра Невского полка. Два ордена Красного Знамени и орден Отечественной войны II степени свидетельствовали о прежних боевых заслугах командира.

В новом коллективе приняли хорошо. Летчики знали о его боевых подвигах, читали о них в армейской газете.

17 апреля 1945 года капитан Ландик во главе четверки «Лавочкиных» вылетел на прикрытие наземных войск в районе города Шпремберга. Увидев в воздухе десять «фоккеров», он повел своих истребителей в атаку, несмотря на численный перевес врага. С первого же захода сбил одного «фоккера». Остальные вражеские самолеты, не приняв боя, удалились. В этот день, уже при другом вылете, капитан сбил еще одного «фоккера».

Потом эскадрилья прикрывала наземные войска и переправы через реку Шпрее на участке Котбус — Шпремберг. В воздушном бою летчики сбили два самолета противника. Одного из них уничтожил капитан Ландик.

Газета «Правда» в те дни писала: «Наши войска штурмуют в Берлине квартал за кварталом. Авиация неутомимо, днем и ночью помогает наземным частям громить гитлеровцев... Три победы одержал за два дня прославленный летчик, командир эскадрильи капитан Ландик...»

Во всем чувствовалась близость победы. Советская авиация господствовала в воздухе; наземные войска,

ломая сопротивление противника, шаг за шагом приближались к рейхстагу. На покоренной земле буйно цвели сады. Казалось, весна и победа идут рука об руку с советскими солдатами...

18 апреля капитан Ландик вылетел на очередное задание. Под крылом самолета проносились небольшие зеленые рощи, казавшиеся тихими и безлюдными. И вдруг одна из рощ ощетинилась плотным зенитно-артиллерийским огнем. Рядом разорвался один снаряд, второй, третий... Самолет резко тряхнуло.

«Самое страшное,— говорил Ландик когда-то,— быть подбитым над вражеской территорией. Тогда лучше смерть!»

И вот то, чего он боялся, случилось.

— Надо дотянуть... Во что бы то ни стало — дотянуть,— твердил он и упрямо вел горящий самолет к линии фронта.

На помощь подоспели товарищи. Под их прикрытием Ландик попытался обить пламя, яо безуспешно. И снова упрямо потянул израненный «ястребок» к линии фронта. А пламя становилось все больше. До линии фронта уже рукой подать. Но находиться в горящем самолете стало невозможно. Капитан положил «ястребок» на спину и... вывалился из кабины. В то же мгновение самолет взорвался. Это случилось на высоте 1000 метров, командир даже не успел раскрыть парашюта.

Летчики, сопровождавшие командира до самого последнего момента, рассказывают, что они подавали Ландику знаки немедленно прыгать, но он упрямо крутил головой и показывал рукой на восток — мол, как-нибудь дотяну. Он не был ранен. Лицо его, как всегда, было спокойным и сосредоточенным. Герой упал на окраине населенного пункта Компендорф, уже занятого нашими войсками.

Командир 282-го истребительного полка майор Диденко через неделю, составляя наградную реляцию на погибшего командира эскадрильи, писал:

«За образцовое выполнение заданий командования в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом геройство и мужество, за успешное проведение 160 боевых вылетов, за уничтожение 16-ти вражеских самолетов, а также нанесение противнику большого урона в живой силе и технике капитан Ландик

Иван Иванович достоин присвоения звания Героя Советского Союза (посмертно)».

Высокое звание ему было присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1945 года.

В районном центре Карасук Новосибирской области именем Ивана Ландика названа улица. Его имя носят средняя школа и пионерская дружина.

Чтут память Героя и жители далекого немецкого села Компендорф в Германской Демократической Республике.

Капитан И. И. Ландик и еще тринадцать летчиков, захороненных в братской могиле, имена которых пока не установлены, отдали свои жизни не только за счастье своего, советского народа, но и за счастье трудового народа Германии. На могиле героев всегда живые цветы.

После разгрома гитлеровцев на Курской дуге Советская Армия неудержимо устремилась к. Днепру. В этой могучей лавине наступала и 161-я стрелковая дивизия. Успешно преследуя разбитые части немецко-фашистских войск, 22 сентября 1943 года она вышла к Днепру, юго-западнее Переяславля. 2-й батальон 569-го стрелкового толка, накануне назначенный в передовой отряд, подошел к реке первым.

Командир батальона старший лейтенант Иван Васильевич Лапин, плотный, немногословный сибиряк, щурясь от бивших в глаза лучей заходящего солнца, смотрел на противоположный берег.

Противник изредка постреливал. Откуда-то слева доносились глухие раскаты взрывов. А здесь было тихо, спокойно. Вспомнилась комбату родная река Иня, где прошло детство, рыбалки, вечерние костры, конские табуны на скошенных лугах... Село Козинцы, где остановился штаб полка, чем-то напоминало его родное село Чемское...

Иван Васильевич глубоко вдохнул пахнущий гнилыми водорослями прохладный воздух, отгоняя не к месту нахлынувшие воспоминания, и снова стал изучать противоположный берег.

— Ты чего-нибудь заметил? — спросил он ординарца.

- Никак нет, товарищ старший лейтенант. Никакого движения.

Лапин Иван Васильевич

- Ну что ж, ясно, что ничего не ясно,— скаламбурил комбат.— Пойдем докладывать обстановку.

Едва они вышли из прибрежного кустарника, как встретили рядового Алексея Орехова.

- Товарищ комбат, срочно в штаб полка,— тяжело дыша, выпалил Орехов.— Вызывает генерал.

Командир дивизии, генерал-майор Петр Вакулович Тертышный с группой офицеров стоял на песчаном откосе и в бинокль рассматривал противоположный берег Днепра.

Старший лейтенант доложил о прибытии.

- Здравствуй, орел, здравствуй! — добродушно произнес генерал, затем, взяв под руку офицера и ведя по тропинке, вьющейся между сосен, добавил: — Мне командир полка уже доложил о действиях твоего батальона. Молодец, благодарю.— Немного помолчав, спросил: — На берегу был?

- Так точно, товарищ генерал,— ответил Лапин.

- Ну, как он, наш Днепр-то? — И, не дав Лапину ответить, продолжал: — Чего только не повидал он на своем веку, наш седой Днепр. Я ведь вырос в этих местах. Совсем близко отсюда мое родное село Степанки. Рукой подать...

Генерал замолчал. Потом без всякого перехода, посмотрев в глаза Лапину, спросил:

- Как думаешь насчет переправы? Первым пойдешь?

- Сочту за честь, если доверите! — ответил Лапин.

- Ну вот и договорились. Еще раз благодарю за службу. Я не сомневался, что ты именно так и ответишь. Подробную задачу получишь от командира полка. Готовься сам, готовь людей. Рано утром еще раз загляну, проверю...

Крепко пожав комбату руку, генерал повернул к своей машине и уехал на наблюдательный пункт.

На заре 23 сентября комдив, как и обещал, снова прибыл в батальон Лапина.

Генерал подробно расспрашивал его о каждой детали предстоящего боя и, убедившись, что комбат четко представляет себе каждый свой шаг, предусмотрел все возможные неожиданности, с какой-то особой теплотой в голосе произнес:

- Добро. Все, как по нотам. Занимайся своими делами, а я еще поговорю с твоими орлами.

Сев на пенек, генерал подозвал солдат и, чертя прутиком по песку, рисовал план предстоящего боя, задавал вопросы, шутил.

— Ну что ж, хлопцы,— сказал он, поднимаясь.— Вижу: не подкачаете. Желаю вам удачи. До встречи на том берегу!

Форсирование началось на рассвете 23 сентября. Когда плоты и лодки с десантом уже были на середине реки, в воздухе послышался гул вражеских самолетов, потом нарастающий визг падающих бомб. К счастью, ни одна из них не причинила вреда. Гитлеровцы в тумане не видели целей и сбросили бомбы наугад.

А берег все приближался. Комбат поднял над головой автомат и первым выпрыгнул из лодки на песчаную отмель. За ним последовали рядовой Орехов и командир взвода младший лейтенант Лобанов. Через каких-нибудь две-три минуты весь десант был в сборе и вслед за старшим лейтенантом Лапиным устремился вперед.

Плацдарм был занят без потерь. Но комбат понимал, что главные трудности впереди. Надо во что бы то ни стало удержаться на захваченном рубеже, поэтому он приказал занять круговую оборону и хорошо окопаться.

Едва рассвело, как опомнившийся противник после сильного огневого налета перешел в наступление, но был отбит с большими потерями и стал отходить на село Зарубинцы.

Старший лейтенант Лапин решил воспользоваться моментом. На плечах отступающего врага батальон захватил село Зарубинцы и занял оборону по его западной окраине. Батальон успешно отбивал одну атаку за другой, а в это время по пути, проложенному им, подходили остальные подразделения полка, переправлялась артиллерия, минометы. Враг тоже подтягивал силы и, не считаясь с потерями, бросал их в бой. Каждый воин батальона, беря пример со своего командира, дрался геройски. Об этих боях командир полка впоследствии, представляя старшего лейтенанта Лапина к правительственной награде, писал:

«В борьбе за плацдарм на правом берегу Днепра, в районе Зарубинцы — Трактомировка — Великий Букрин командир 2-го батальона старший лейтенант Лапин Иван Васильевич проявил геройство, бесстрашие, стойкость и решительность. Под сильным воздействием авиации и об-

стрелом артиллерии противника 2-й батальон первым форсировал реку Днепр и завязал бой с противником, тесня его от берегов, захватывая плацдарм для дальнейших действий полка и всего соединения.

Показывая образцы геройства, стойкости -и отваги, личный состав батальона во главе со старшим лейтенантом Лапиным отразил несколько ожесточенных контратак противника и нанес фашистским захватчикам большие потери.

При отражении одной из контратак противника в районе населенного пункта Великий Букрин старший лейтенант Лапин был ранен, но остался в строю и продолжал командовать батальоном до полного выполнения задачи...»

Населенный пункт Великий Букрин пять раз переходил из рук в руки и все же противник был вынужден отступить, оставив на поле боя много убитых и раненых.

За этот бой Ивану Васильевичу Лапину Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 23 октября 1943 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Начались бои по освобождению правобережной Украины. Дивизия успешно наступала на Житомир. Старший лейтенант Лапин со своим батальоном по-прежнему был впереди. Уже у самого города его снова ранило. На этот раз тяжело. Его вынесли с поля боя в бессознательном состоянии и отправили в госпиталь. А на следующий день в полк прибыл командир дивизии. Ему доложили о Лапине.

— Выживет? — спросил генерал.

— Вряд ли. Ранение очень тяжелое,— доложил полковой врач.

— Жаль. Хороший командир,— вздохнул генерал.— А я ведь хотел ему лично вручить орден Красного Знамени.

Но Иван Васильевич, несмотря на все предсказания, выжил. Вот только правую руку спасти не удалось — пришлось ампутировать. Читая в газетах об успешном продвижении на запад, он с горечью говорил:

— Хорошо воюют ребята. А я, видно, отвоевался...

Приехал Иван Васильевич в город Тогучин Новосибирской области. Немного осмотрелся, отдохнул и пошел работать.

...В начале 1965 года в архивных документах обнаружено, что 20 ноября 1943 года приказом командующего войсками 40-й армии Иван Васильевич Лапин награждался орденом Красного Знамени, который в связи с ранением не получил.

В канун 20-й годовщины Победы над фашистской Германией эту награду от имени Президиума Верховного Совета СССР капитану в отставке И. В. Лапину вручил в до отказа заполненном клубе районный военный комиссар.

Получая орден, Иван Васильевич взволнованно говорил:

— Не нахожу слов, чтобы выразить чувство благодарности родной Партии и Правительству за высокую оценку моих действий на фронте. У нашей Родины еще много врагов. И если будет нужно, мы, фронтовики, еще покажем себя!

Лызин Василий Петрович

До войны Василий Петрович Лызин окончил полковую школу, служил командиром танка, затем командиром взвода, а в боях на реке Халхин-Гол был политруком разведывательного батальона 57-й стрелковой дивизии.

Родился Лызин в селе Шелковниково Болотнинского района Новосибирской области в 1914 году. В войну вступил опытным войсковым политработником, комиссаром отдельного автобатальона. Принимал участие в боях на Западном фронте. За мужество и личную храбрость награжден в 1942 году медалью «За отвагу».

После окончания Харьковского танкового училища капитан Лызин был назначен в августе 1944 года заместителем командира танкового батальона 103-й танковой бригады, входившей в состав 9-го гвардейского танкового корпуса, действовавшего на 1-м Белорусском фронте. За отличие в боях при форсировании реки Висла и освобождении городов Познань и Лодзь получил орден Красного Знамени.

Позже Лызин командовал 1-м танковым батальоном 65-й гвардейской танковой бригады. К тому времени была взломана оборона гитлеровцев по Одеру и Нейсе. Передовые части и, прежде всего, танковые устремились к Берлину.

25 апреля, в 12 часов дня, подразделения 328-й стрелковой дивизии и 65-й танковой бригады, наступавшие западнее Берлина, вышли в район города Кетцин и соединились с частями 6-го гвардейского механизированного

корпуса 1-го Украинского фронта. Берлин оказался в кольце.

В этих боях батальон гвардии майора Лызина огнем и гусеницами прокладывал путь всем танкам бригады. Командир бригады гвардии полковник Потапов, оценивая действия батальона, писал:

«В бою за населенный пункт Генигсдорф гвардии майор Лызин проявил исключительное мужество и умение руководить подразделением. Ведя уничтожающий огонь из пушек и пулеметов, давя гусеницами фаустников и автоматчиков, он первым ворвался на окраину населенного пункта. Встретив сильный огонь самоходных орудий, стоявших в засаде, гвардии майор Лызин смелым маневром зашел им во фланг и меткими выстрелами из пушки уничтожил их. Только в этом бою командир батальона и его экипаж истребили до 200 гитлеровцев и уничтожили шесть вражеских орудий.

Воодушевленные примером своего командира, танкисты батальона смело ринулись на штурм обороны и стремительной атакой овладели населенным пунктом, захватив в нем 150 солдат и офицеров, 10 орудий, 5 автомашин с военным грузом и другое военное имущество.

Всего за период боев с 17 апреля по 4 мая, при незначительных собственных потерях, батальоном уничтожено и захвачено: танков, бронетранспортеров и САУ — 51, орудий и минометов — 36, складов с военным имуществом и боеприпасами — 3. Убито и пленено более 1300 солдат и офицеров противника».

За личный героизм и образцовое управление батальоном в боях за Берлин, Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 31 мая 1945 года Василию Петровичу Лызину присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны он долгое время служил в Вооруженных силах. В 1960 году в звании полковника уволился в запас. Живет в Иркутске и работает в Восточно-Сибирском научно-исследовательском институте геологии, геофизики и минерального сырья.

Марковцев Степан Харитонович

В 1932 году рабфаковец Степан Марковцев, уроженец села Кукушкино Коченевского района Новосибирской области, по зову сердца, как и тысячи его сверстников, пришел в авиацию.

После учебы в Иркутской военной авиационно-технической школе — назначение в полк. Сначала работал техником звена, потом инженером эскадрильи. Чем глубже осваивал технику и приобретал опыт, тем больше влекла Степана профессия летчика. Писал рапорт за рапортом, пока, наконец, просьбу не удовлетворили.

Школу Степан Марковцев закончил в июне 1940 года. И вот он старший летчик скоростного бомбардировщика. Затем командир звена заместитель командира эскадрильи 213-го бомбардировочного полка 23-й смешанной авиационной дивизии.

В этой должности его и застала Великая Отечественная война. Марковцев принимал участие в боях на Западном и Юго-Западном направлениях, бомбил скопления гитлеровских войск под Минском, Бобруйском и Конотопом.

Тяжелое это было время. Много раз летчик возвращался с боевых заданий с изрешеченными крыльями, до» тягивал" до аэродрома, как говорится, на собственных нервах. Однажды под Ромнами его зажали фашистские истребители. На самолете, кажется, не было живого места. У Степана кончились боеприпасы. Он готов был пойти на таран, но гитлеровцы всякий раз уклонялись, вида-

мо, намереваясь посадить самолет на свой аэродром. Собрав всю волю, Марковцев имитировал падение самолета, нечеловеческим усилием выровнял его у самой земли и благополучно посадил. К тому времени он был уже командиром эскадрильи 503-го штурмового авиационного полка.

В январе 1942 года полк принимал активное участие в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой. Под Ржевом, IB воздушном бою Марковцев был вторично ранен. Но и на этот раз ему удалось благополучно приземлиться.

Как-то раз в госпиталь пришел командир дивизии. Тепло поздоровавшись и расспросив, как идет лечение, он достал из кармана газету.

- Читай!

В газете был напечатан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 января 1942 года о награждении особо отличившихся воинов. Среди них капитан Марковцев нашел и свою фамилию. Его наградили орденом Красного Знамени. Здесь же в госпитале комдив и вручил ему награду.

В боях под Сталинградом, будучи подполковником, Марковцев командовал 208-м полком 227-й штурмовой авиационной дивизии.

Летчики уважали командира за личную храбрость, за справедливую требовательность и заботу. После каждого полета (а Марковцев лично водил в бой своих штурмовиков), он делал обстоятельный разбор операций. Такие разборы были подлинной школой боевого мастерства, особенно для молодых летчиков.

Когда победоносно закончилось Сталинградское сражение, полк вывели на отдых. На тыловом аэродроме почти в течение года летчики осваивали новый штурмовик «ИЛ-2».

На новых машинах полк вступил в бой уже в ходе зимнего наступления в Правобережной и Западной Украине.

Командир дивизии полковник Обухов, оценивая деятельность подполковника Марковцева в этот период, писал:

«В сложных метеоусловиях подполковник Марковцев умело организовал боевую работу. Полк производил по 60—70 боевых вылетов в день. Решительным ударом с

воздуха группировка противника была разбита и наземные части с малыми потерями заняли город Станислав.

За образцовое выполнение задания командования полку присвоено наименование «Станиславский», а командир полка награжден орденом Александра Невского...

При наступлении в Карпатах противник сосредоточил большие силы в районе Ужгорода. Этот город был превращен гитлеровцами в сильный укрепленный узел сопротивления. Подполковник Марковцев в трудных метеоусловиях умело организовал боевую работу, полк делал по 70—80 боевых вылетов в день. Противник не выдержал штурмовых ударов и в панике начал отход...»

Приказом командующего войсками фронта подполковник Марковцев был награжден орденом Суворова 3-й степени. Таким же орденом Президиум Верховного Совета СССР Указом от 14 ноября 1944 г. наградил полк, которым командовал Марковцев.

На заключительном этапе войны летчики подполковника Марковцева громили гитлеровцев в Польше и Чехословакии. Особенно запомнились Степану Харитоновичу бои за Моравскую Остраву. На подступах к городу гитлеровцы дрались долго и упорно, используя широкую сеть инженерных сооружений и укрепленные каменные здания в населенных пунктах. Подполковника Марковцева вызвал на свой наблюдательный пункт командующий войсками 1-й гвардейской армии генерал-полковник Гречко А. А.

— Мне охарактеризовали вас как лучшего командира авиационного полка,— сказал генерал, рассматривая Марковцева.— Потому я и вызвал вас. Вам известно, что Моравско-Остравский промышленный район мы должны взять, не причинив ему серьезных разрушений?

— Да, известно,— ответил Марковцев.

— Это, значит, нужна максимальная точность. Вот взгляните.— Генерал подвел Марковцева к карте и остро отточенным карандашом показал несколько синих кружочков, обозначавших вражеские артиллерийские и минометные батареи.

— Эти батареи надо уничтожить или хотя бы подавить, но так, чтобы не причинить вреда жилым зданиям. Вы можете это сделать?

Марковцев еще раз внимательно взглянул на карту,

прикинул в уме возможные варианты действий своих штурмовиков и уверенно ответил:

— Сделаем, товарищ генерал!

— Сможете начать обработку целей через два часа?

— Вполне,— заверил тот.

Марковцев распределил задачи между эскадрильями. Одну группу в составе шести «Илов» он решил вести сам, остальные три возглавили майор Говорухин, капитан Батиньков и старший лейтенант Бурак.

Точно в назначенное время, успешно пробив зону зенитного заградительного огня, штурмовики появились в нужном районе. Марковцев связался по радио с наземной станцией наведения, еще раз уточнил расположение целей и приступил к выполнению боевой задачи. Штурмовики обработали цели: бомбили, стреляли из пулеметов и пускали реактивные снаряды с малой высоты. Они проносились над вражескими позициями, едва не задевая за крыши зданий. Шесть заходов сделали штурмовики для надежности. В результате было уничтожено и подавлено пять артиллерийских и три минометных батареи противника. В районе артиллерийских позиций возникли два сильных взрыва — по-видимому, взлетели на воздух склады боеприпасов.

Как только штурмовики легли на обратный курс, наземные войска пошли в атаку. Они с ходу преодолели районы огневых позиций вражеской артиллерии и, не задерживаясь, устремились дальше, на юг, к дымящемуся городу.

За успешное выполнение задачи генерал-полковник Гречко объявил подполковнику Марковцеву и всем летчикам полка, принимавшим участие в уничтожении вражеских артиллерийских и минометных батарей, благодарность.

Последний боевой вылет Марковцев произвел 9 мая 1945 года по группировке вражеских войск в районе чехословацкого города Оломоуц.

За годы Великой Отечественной войны авиационный полк произвел 3820 боевых вылетов, вывел из строя 356 танков, 665 орудий и минометов, 2128 автомашин и бронетранспортеров; разрушил 7 переправ; взорвал 27 эшелонов с войсками и грузом, 17 складов с боеприпасами, 15 цистерн с горючим; уничтожил тысячи вражеских солдат и офицеров. Подполковник Марковцев совер-

шил 115 боевых вылетов, уничтожил 63 танка, 201 автомашину, 2 железнодорожных эшелона, взорвал два склада с боеприпасами и три — с горючим; в воздушных боях сбил четыре самолета противника.

За смелость, отвагу и умелое руководство полком Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 г. Степану Харитоновичу присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны полковник Марковцев длительное время командовал авиационными соединениями. За безупреч* ную службу в армии награжден медалью «За боевые за» слуги» и орденами Красной Звезды и Красного Знамени. Он имеет награды Чехословацкой Социалистической и Польской Народной Республик.

В 1954 году С. Х. Марковцеву присвоили звание генерал-майора авиации.

А через три года по состоянию здоровья он уволился в запас.

Сейчас проживает в г. Фрунзе.

Добрые семена, брошенные в благодатную почву, дают богатые всходы. Героизм одного солдата поднимает на подвиги десятки и сотни его боевых товарищей...

Неопытным, необстрелянным юношей прибыл на фронт в сентябре 1942 года Федор Иванович Матвеев, уроженец села Карасево Черепановского района Новосибирской области. Его зачислили в 107-й гвардейский стрелковый полк 34-й гвардейской дивизии, которая в то время вела тяжелые кровопролитные бои под Астраханью.

Первым фронтовым учителем Федора стал старшина и парторг роты Петр Алексеевич Черкасов, который участвовал во многих боях и был дважды ранен.

- Свистит пуля — не бойся. Это не твоя. Та, что в тебя нацелена,— ее не услышишь,— объяснял он.— Разорвался снаряд — ложись в воронку и смело веди огонь по противнику — второй снаряд в тебя не попадет. От танка никогда не беги — все равно не убежишь. Спрячься в окоп и жди. Когда танк будет близко — бросай под гусеницу гранату. Не успел или не попал — ложись на дно окопа. Как только танк перевалит через окоп, опять бросай в него гранату или бутылку с горючей жидкостью.

Хоть и нехитрая наука, но давалась она нелегко.

Как-то раз пятнадцать фашистских танков прорвались на позиции, занимаемые батальоном, и стали «утюжить» окопы.

Матвеев Федор Иванович

Федор видел, как перед окопом, который занимал старшина Черкасов, вспыхнул танк. Волчком завертелся на одной гусенице второй танк. В это время рядом с окопом разорвался снаряд. Черкасова тяжело ранило в живот. А к окопу приближался третий танк.

Старшина отстранил санитара, взял правой рукой противотанковую гранату, левой зажал рану и, поднявшись, бросился под танк... Грохнул взрыв... Наступила тишина. Скорее так показалось Федору, потому что бой продолжался. Но за ,эти минуты он стал другим человеком. И не только он. В могучем порыве ненависти солдаты бесстрашно встречали вражеские танки и уничтожали их. Раненые не оставляли занимаемых позиций — сражались до последнего дыхания. Враг был отброшен.

В районе озера Маныч подвиг коммуниста Петра Черкасова повторил комсомолец рядовой Ахмет Алямшин. Во время контратаки гитлеровцев он занял место у противотанкового ружья, расчет которого был убит. Комсомолец подбил два танка, а третий не успел. Схватив связку гранат, он бросился под танк.

Для Федора это была суровая школа мужества. По примеру своих боевых товарищей он уже не кланялся каждой пуле. Вначале казалось, что люди идут на подвиг, не думая о жизни. Потом понял, что это не так.

В боях за Батайск в феврале 1943 года батальон несколько раз поднимался в атаку, но под жесточайшим огнем противника откатывался назад. В один из таких критических моментов командир — гвардии капитан Тарасенко Григорий Алексеевич лично повел бойцов в атаку. Натиск был настолько стремительным, что враг не выдержал и побежал. Батайск был взят. В этом бою гвардии капитан был тяжело ранен. Через два дня он умер. Его предсмертное письмо, адресованное маленькому сыну, читали во всех ротах.

«Мой дорогой сын,— писал гвардии капитан,— когда ты будешь читать это письмо, пройдет много лет, отгремят годы Великой Отечественной войны, и на свободной земле снова зацветет счастливая жизнь... Я, дорогой мой, умираю, уверенный в том, что ты, мой сыночек, будешь жить в хорошее время, будешь учиться в советской школе. А если твоему счастью будут угрожать враги, то ты, так же как и я, грудью встанешь на защиту Отечества...»

В этот день Федор Матвеев написал заявление о приеме в партию. Но отдать заявление парторгу так и не решился. «Разве смогу я поступить так же, как Черкасов, Алямшин, Тарасенко? — думал он.— Надо подождать». Долго носил заявление в кармане. А 17 апреля 1943 года при выполнении боевого задания был ранен и отправлен в госпиталь.

После излечения полгода служил в штабе 55-го корпуса, а когда почувствовал, что здоровье окончательно окрепло, попросился на передний край. В начале 1944 года его направили в 997-й стрелковый полк 163-й стрелковой дивизии.

Как раз началась битва за Крым. После прорыва обороны противника на Сиваше к середине апреля 1944 года дивизия вышла на подступы к Севастополю.

7 мая после мощной артиллерийской подготовки войска перешли в наступление. Штурмовая рота, в которой сержант Федор Матвеев был помощником командира взвода, должна была овладеть сильно укрепленной высотой Сахарная Головка. Взвод Матвеева продвинулся дальше других. Огненный смерч не давал поднять головы. Бойцы (а их во взводе осталось всего четырнадцать) с нетерпением ждали наступления темноты.

Вечером от командира полка поступил приказ: бесшумно проделать проходы в минных полях и проволочных заграждениях, ворваться в первую траншею и любой ценой удержаться в ней!

В 23-00 сержант Матвеев со своими бойцами пополз вперед. После дневного грохота было непривычно тихо. Лишь со стороны Сапун-горы доносились орудийные выстрелы.

В полночь, проделав проходы, разведчики приготовились к броску в траншею. Но там никого не оказалось. В это время один из бойцов заметил на дороге колонну противника, двигающуюся к траншеям от Сапун-горы. Гитлеровцы чувствовали себя настолько самоуверенно, что даже не выслали походного охранения.

Быстро созрел план действий. Как только колонна приблизилась, сержант Матвеев вполголоса скомандовал: огонь! По голове, хвосту и середине колонны ударили пулеметы. На ошеломленных гитлеровцев полетели гранаты. Они метались как в мышеловке. Но выхода не было. Разведчики, увидев, что гитлеровцы бросают

оружие и поднимают руки, прекратили огонь. Бой длился не больше десяти минут. Взвод Матвеева, не понеся никаких потерь, захватил 145 пленных, 8 повозок и 3 автомобиля. Считать убитых не было времени. Подошли главные силы полка. Сдав им пленных, разведчики снова устремились вперед. Они захватили один дот, второй, третий... Сахарная Головка была полностью очищена. На рассвете разведчики, черные от грязи и пороховой гари, в изодранном обмундировании, но довольные вышли к Инкерману. Их взорам открылась долина и зеркальная гладь Северной бухты.

Весь следующий день разведчики, идя впереди полка, выковыривали гитлеровцев из дотов. А на рассвете 9 мая первыми завязали бой на Корабельной стороне Севастополя.

Сержант Федор Матвеев был ранен, но принял командование ротой и оставался в строю до полного освобождения города.

За геройство и умелое командование подразделением Федор Иванович Матвеев Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года был удостоен звания Героя Советского Союза.

После войны Ф. И. Матвеев приехал в родной Черепановский район, работал секретарем райкома комсомола. Его хорошо помнят и в Искитимском районе, где он дважды избирался членом райкома партии.

В 1951 году он был вновь призван в армию и направлен на курсы политического состава. По окончании курсов стал офицером.

Сейчас Матвеев живет и работает в Севастополе — в городе, освобождая который он совершил боевой подвиг.

Герой — это человек, который в решающий момент делает то, что нужно делать в интересах человеческого общества.

Ю. Фучик

ЕРШОВ
Алексей
Иванович

ЗАБОБОНОВ
Иван
Семенович

ИВАНОВ
Алексей
Григорьевич

КОЗИН
Нестер
Дмитриевич

КОСТИН
Алексей
Сергеевич

КОТОВ
Георгий
Карпович

КЛИМОВСКИИ
Николай
Афанасьевич

КОЖЕМЯКИН
Петр
Павлович

КРАСИКОВ
Александр
Васильевич

КУЧЕРЯВЫЙ
Герасим
Евсеевич

ЛАНДИК
Иван
Иванович

ЛАПИН
Иван
Васильевич

ЛЫЗИН
Василий
Петрович

МАРКОВЦЕВ
Степан
Харитонович

МАТВЕЕВ
Федор
Иванович

Осипов Семен Дмитриевич

Крупными хлопьями падал мокрый снег. Ночная тьма казалась густой и вязкой. За два шага ничего не видно.

Командир 3-го мотострелкового батальона Семен Дмитриевич Осипов, проверив, как несут службу дежурные, возвратился в свою землянку.

— Устал, небось? — спросил он ординарца.

- Да нет, товарищ гвардии капитан,— ответил солдат.

— Тогда подежурь, а я отдохну чуток,— привалываясь на нары, сказал комбат.— В случае чего — немедленно буди!

Через секунду он крепко спал...

А в это время командир 20-й гвардейской Краснознаменной механизированной бригады гвардии полковник Бабаджанян сидел за походным столиком в подвале полуразрушенного дома и при свете электрической лампочки, питавшейся от танкового аккумулятора, перелистывал личное дело комбата. В углу возле железной печурки, сидя на скамейке, дремал телефонист. Рядом, поджав ноги, спал ординарец.

После непрерывных боев на фронте наступило временное затишье. Солдаты отсыпались, а командир бригады подводил итоги, писал наградные реляции...

Капитана Осипова полковник запомнил по первой встрече. Его прислали в бригаду в конце 1943 года на должность заместителя командира батальона. Высо-

кий, светловолосый с залихватским чубом, свисающим на правый глаз, он тогда не понравился Бабаджаняну. К тому же чистейший пехотинец — окончил Хабаровское пехотное училище.

- Вы думали, кого посылали? — говорил он начальнику отдела кадров по телефону.— Ведь он же дня не служил в танковых войсках!

С тех пор прошло три месяца. Все это время Бабаджанян внимательно присматривался к Осипову и в конце концов убедился, что его первое впечатление об офицере неверно.

«Родился в 1919 году,— читал он его биографию,— окончил школу ФЗУ при заводе «Труд» в городе Новосибирске, там же работал токарем. В 1939 году Новосибирским горвоенкоматом призван в армию. Член партии с мая 1942 года».

В первом наградном листе сообщалось: «В январе 1942 года при бое за населенный пункт Песковатное лейтенант Осипов, несмотря на сильнейший ружейно-пулеметный и минометный огонь противника, личным примером поднял залегших на открытом поле бойцов в атаку и тем самым обеспечил выполнение боевой задачи».

Во втором наградном листе рукой командира 342-й стрелковой дивизии полковника Попова записано: «В боях за населенные пункты Уланово и Коликово старший лейтенант Осипов 4 раза водил в атаку батальон, личным примером воодушевляя бойцов на ратные подвиги. 5 июля 1942 года при отражении сильнейшей контратаки противника товарищ Осипов в ходе рукопашной схватки лично уничтожил гранатами два вражеских пулемета с расчетами. В этой схватке он был ранен, но не покинул поля боя и продолжал руководить подчиненными до тех пор, пока противник не обратился в бегство».

Взяв чистый бланк наградного листа, командир бригады на минуту задумался, вспоминая только что закончившиеся бои, склонился к столу и стал писать: «В наступательных боях на Казатинском направлении с 24 по 31 декабря 1943 года батальон под командованием гвардии капитана Осипова, действуя десантом на танках, захватил более сотни пленных, два десятка автомашин, двенадцать орудий и другую боевую технику,

истребил свыше пятисот вражеских солдат и офицеров. За проявленное мужество и отвагу, за умелое руководство батальоном представляется к награждению орденом Отечественной войны I степени».

Прошло еще два месяца.

4 марта 1944 года войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление. Началась Проскуровско-Черновицкая операция. Главный удар наносился в общем направлении на Чертков.

1-я танковая армия, в состав которой входила 20-я механизированная бригада гвардии полковника Бабаджаняна, была введена в сражение в полосе 60-й армии. В районе Ходач-Малы бригада встретила упорное сопротивление противника. Гвардии капитан Осипов повел свой батальон в обход населенного пункта и ударом с тыла разгромил вражеский гарнизон, уничтожив при этом до 150 гитлеровцев. 50 вражеских солдат и офицеров сдались в плен. Подсчитывать трофеи было некогда.

По раскисшим дорогам, через заполненные паводковыми водами лощины и буераки, батальон устремился к Днестру.

Перед рассветом 24 марта гвардии капитан Осипов собрал командиров подразделений, поставил каждому боевую задачу.

Днестр в районе населенного пункта Зелещики неширокий и неглубокий, но на его высоком западном берегу укрепился противник и надо было ожидать тяжелого боя.

Небо заволокло тучами, пошел дождь.

— Ну вот и небесная канцелярия с нами заодно! - улыбнулся Осипов.— Не будем терять времени. Все по местам! Ровно в пять первому эшелону отчалить от берега!

Противник, видимо, услышал шум выдвигавшихся к реке подразделений и открыл по восточному берегу сильный артиллерийский и минометный огонь. Потом налетела авиация.

Оставаться в прибрежном кустарнике и ждать назначенного срока было бессмысленно. Командир батальона спустился под обрыв к самой воде. За ним последовали стрелковые подразделения. Артиллеристы выкатили пушки на прямую наводку и открыли ответный огонь.

- Вперед, за мной! — крикнул Осипов и, подняв над головой автомат, бросился в воду. За ним — рядовой Никифоров, лейтенант Можаров.

Бойцы тащили к воде бревна, доски, тут же под обрывом связывали плотики, устанавливали на них пулеметы и, плывя рядом, толкали их к противоположному берегу*.

Гитлеровцы открыли огонь из пулеметов и автоматов. То ли от дождевых капель, то ли от пуль миллионы бурунчиков поднимались над водной гладью. А бойцы плыли и плыли, не обращая на них внимания. Цель была близка.

Командир батальона первым достиг западного берега и по мокрому песку пополз вперед под крутой обрыв. Вскоре возле него в непростреливаемой зоне собрались все роты.

После короткой передышки гвардии капитан Осипов повел батальон на штурм вражеской обороны. Бойцы карабкались по крутому склону, поднимались и падали, но упорно продвигались все выше. Перед тем, как подняться в атаку, бросили по одной гранате, с криком «ура!» ворвались во вражеские траншеи и схватились врукопашную.

Лейтенант Можаров, как и было предусмотрено Осиповым, со своими бойцами выдвинулся вперед и занял оборону, не давая противнику возможности подбрасывать свежие силы.

Когда уже стало совсем светло, противник перешел в контратаку. Ее удалось отбить. Но командир батальона не сомневался, что враг на этом не успокоится. Откуда-то из глубины уже доносился рокот танковых двигателей.

«Без артиллерии нас сомнут»,— тревожился Осипов. Оставив за себя заместителя, он бросился к реке. У артиллеристов что-то не ладилось с переправой пушек.

Переплыл на восточный берег. Командир противотанковой батареи гвардии старший лейтенант Ильченко возился со средствами переправы.

- Брось ты к черту эти плоты,— крикнул Осипов.— По дну тащи!

Артиллеристы сразу же поняли замысел командира батальона. Они столкнули пушки в воду и с помощью веревок и телефонного провода вытянули их на проти-

воположный берег. Потом таким же образом подняли пушки на кручу.

Батальон отбил вторую и третью атаки противника, А вскоре подошли глазные силы бригады и, переправившись через реку, устремились на юг, ликвидируя оборону противника вдоль Днестра.

Командир бригады гвардии полковник Бабаджанян встретил Осипова на перекрестке дорог.

- Все знаю, не докладывай,— остановил он.— Спасибо, Семен Дмитриевич! Передай большое спасибо и всем твоим орлам. Всех отличившихся представь к орденам!

В тот же день командир бригады представил в штаб 1-й гвардейской танковой армии материал о подвиге командира 3-го мотострелкового батальона. А 26 апреля 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР гвардии капитану Осипову Семену Дмитриевичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

При форсировании реки Западный Буг в середине июля 1944 года Осипов был уже майором.

— Как настроение, Семен Дмитриевич? — поинтересовался Бабаджанян.

— Лучше быть не может, товарищ гвардии полковник. Наступаем,— ответил Осипов.

А через час он был тяжело ранен. Его вынесли с поля боя и отправили в госпиталь в город Ровно. Врачи долго боролись за жизнь комбата. Он мужественно перенес мучительные операции. Но остановить распространение газовой гангрены так и не удалось...

Похоронили Семена Дмитриевича Осипова в Ровно на городском кладбище.

«До последней минуты жизни наш командир, а Ваш сын сохранял великое мужество,— сообщали его боевые товарищи в письме к родителям Осипова.— «Только вперед, только на линию огня и только к победе» — вот слова, ставшие его девизом. Эти слова теперь в наших сердцах. И мы пронесем их сквозь любые испытания. Для всех нас Семен Дмитриевич был и на всю жизнь останется примером мужества и героизма».

Панарин Михаил Петрович

В Краснозерском военном комиссариате Новосибирской области хранится копия письма Михаила Ивановича Калинина, направленного в 1945 году родителям М. П. Панарина.

«Уважаемые Петр Иванович и Мария Сергеевна! — писал Всесоюзный староста.— По сообщению военного командования, Ваш сын гвардии старшина Панарин Михаил Петрович в боях за Советскую Родину погиб смертью храбрых.

За героический подвиг, совершенный Вашим сыном в борьбе с немецкими захватчиками при форсировании реки Днепр, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 22 февраля 1944 года присвоил ему высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза.

Посылаю Вам Грамоту Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Вашему сыну звания Героя Советского Союза для хранения как память о сыне герое, подвиг которого никогда не забудется нашим народом».

Ныне именем отважного воина-сибиряка в селе Краснозерском названа главная улица. Жители районного центра Знаменка Кировоградской области, освобождая который в декабре 1943 года гвардии старшина Панарин погиб, тоже свято чтут память Героя. В 1950 году его прах был перенесен на центральную площадь. На могиле установлен обелиск.

Панарин был разведчиком. А в разведку подбира-

лись люди наиболее смелые, находчивые, как правило, хорошие спортсмены и следопыты. Всеми этими качествами гвардии старшина обладал с избытком.

Он родился 7 ноября 1918 года в селе Крым-Сарай Татарской АССР. В 1922 году, когда в Поволжье свирепствовал голод, Панарины уехали в Сибирь. Здесь, хотя и не голодали, жизнь оказалась не легкой. Михаил был пятым в семье ребенком, самым младшим. Может быть, потому и жизнь его складывалась более благоприятно — маленьким в семье уделяли больше внимания. Михаилу удалось окончить шесть классов и курсы машинистов электровозов. А незадолго до призыва в армию, после окончания курсов, он работал некоторое время инспектором райфинотдела.

В 1939 году ушел служить в Тихоокеанский флот. От природы сильный и ловкий, матрос Михаил Панарин с увлечением занимался боксом, борьбой и плаванием.

Командир части морской пехоты, наблюдая однажды за спортивными состязаниями, записал в своем блокноте: «Панарина надо перевести в разведку. Из него выйдет хороший разведчик».

Это и решило дальнейшую судьбу матроса.

К началу Великой Отечественной войны он уже был хорошо подготовленным разведчиком. Много раз просился на фронт, но командиры терпеливо разъясняли: надо защищать и Дальний Восток.

И только в сентябре 1943 года, когда стало очевидно, что Япония не осмелится вступить в войну с Советским Союзом, командование Тихоокеанского флота разрешило большой группе добровольцев, в том числе и старшине Панарину, отбыть в действующую армию.

В 37-й армии, находившейся в резерве Ставки, Панарина определили в 110-ю гвардейскую стрелковую дивизию помощником командира взвода разведки.

Когда Панарин в один миг положил на лопатки такого богатыря, как командир роты Чуев, гвардии майор Назаров, начальник разведки дивизии, сказал:

- Ну, брат, с твоими способностями можно чудеса творить. Только вот экипировочку придется сменить. Не положено у нас в морской форме, да и неудобно - демаскирует.

В середине сентября для развития успеха «а Кре-

менчугском направлении Ставка передала 37-ю армию в распоряжение командующего войсками Степного фронта. На плечах отходящего противника армия должна была форсировать Днепр и на его западном берегу захватить плацдарм.

Добыть сведения о системе обороны противника было поручено разведгруппе; старшим ее командование назначило Михаила Панарина. Боевую задачу ставил сам командир дивизии полковник Огородов.

- О деталях договоритесь с начальником разведки. Жду вас живым и невредимым,— сказал на прощание комдив и подал Панарину руку.— Желаю успеха!

С наступлением темноты разведчики пронесли на руках через заросли прибрежного кустарника легкую рыбацкую лодку и спустили ее на воду. Гвардии майор Назаров и гвардии старший лейтенант Чуев давали последние наставления.

Было тихо, безветренно. О берег лениво плескались волны. Со стороны Кременчуга доносились глухие раскаты **артиллерийской** канонады. Когда луна скрылась за облака, Назаров взял Панарина за руку.

- Пора, Михаил Петрович. Жду вас через шесть-семь часов.

Лодка с разведгруппой тихо отчалила от берега. За весла сел Панарин.

Когда разведчики достигли середины реки, чуть в стороне, над черной гладью воды вспыхнула ракета и тотчас же застучал пулемет.

— Спокойно, братва,— предупредил Панарин.— Это они так, вслепую, со страха, наверно.

Ракета погасла, и Панарин снова налег на весла.

Черной глыбой надвигался западный берег. Днище лодки ткнулось в песчаную отмель. Панарин выпрыгнул на берег. За ним — разведчики. Вытащили лодку из воды, спрятали в густом прибрежном кустарнике, потом возвратились к месту причала, заровняли следы, еще раз осмотрелись кругом, запоминая местность, и гуськом, вслед за Панариным, пошли от реки.

Метров через триста гвардии старшина остановился.

— Оставайтесь здесь, наблюдайте, слушайте. А я поднимусь наверх. В случае чего — прикроете меня. Предупреждаю: огонь открывать только при крайней необходимости.

Разведчики остались. Панарин с миноискателем пополз вперед. Часто останавливался, прислушивался. Почти на самом гребне кручи нащупал руками влажный песок: «Бруствер». Осторожно отодвинул в сторону миноискатель, приготовил нож. Бесшумно спустился в траншею... В ней никого не оказалось. Прошелся в одну сторону, в другую — никого. Но слева и справа периодически раздавались короткие пулеметные очереди.

Выбравшись на поверхность, Панарин прошел метров двести в глубь обороны и нашел еще одну траншею. И эта оказалась незанятой.

Вроде бы все, что от него требовалось, уже сделано, пора и возвращаться, но Панарин медлил. Хотелось прихватить с собой что-нибудь посущественнее. Взглянул на часы: без пяти четыре. В это время справа раздались шага, приглушенные голоса. Панарин отпрянул в сторону и спрятался в ответвлении траншеи. Гитлеровцы приближались. В темноте медленно колыхались огоньки сигарет. «Заметили или не заметили?» — думал он. Уже было видно освещенное огоньком сигареты лицо первого гитлеровца. Панарин шагнул вправо и нажал на спусковой крючок...

Ощупал убитых гитлеровцев, торопливо вытащил из карманов документы и вдруг заметил еще одного: тот лежал в трех шагах от остальных. Неожиданно встав на колени, он забормотал, подняв руки:

- Русь, сдаюсь, Гитлер капут!

Панарин молча сорвал с его плеча автомат, отбросил далеко в сторону. Затем железной хваткой взял гитлеровца и потащил к обрыву. Навстречу торопились заждавшиеся разведчики.

Над вражеской обороной вспыхнули десятки осветительных ракет, беспорядочно затрещали пулеметы и автоматы.

Подхватив пленного, разведчики побежали к реке и через несколько минут, сев в лодку, отчалили от берега. Их ждали. Гвардии майор Назаров обеспокоенно докладывал по телефону командиру дивизии о суматохе на противоположном берегу.

— Информируйте через каждые десять минут! — приказал тот.

Разведгруппа немного запоздала. Но узнав, что ре-

бята живы да еще вернулись с «языком», командир Дивизии приехал в подразделение.

- Спасибо.— Он обнял Панарина. Затем, повернувшись к Назарову, распорядился: — Пиши представление: Панарина к званию Героя, остальных — к орденам.

А на рассвете, по пути, проложенному разведгруппой, после мощной артиллерийской подготовки и подавления огневых точек, указанных пленным, части дивизии начали форсирование.

После того, как был захвачен плацдарм, гвардии старшина Панарин отличился еще не раз.

9 октября, действуя в тылу противника, он со своими подчиненными взорвал склад боеприпасов. В боях за высоту 177,0 один уничтожил 9 вражеских солдат и захватил ручной пулемет вместе с расчетом.

В декабре войска 37-й армии, освобождая село за селом, вышли к крупному железнодорожному узлу Знаменка. И опять Панарин с разведчиками был впереди.

Пробираясь по садам и огородам вдоль центральной улицы Знаменки, разведгруппа попала в засаду, отбивалась до последнего патрона. Гвардии старшина Панарин погиб.

Когда пришло сообщение о присвоении звания Героя Советского Союза, Панарина уже не было в живых. Опоздала и вторая награда — орден Красного Знамени, за отвагу и мужество в боях на подступах к Знаменке.

- Ведь один только месяц воевал человек,— сокрушался командир дивизии.— А сколько сделал!

9 мая, когда в Москве на Красной площади ликовал народ, празднуя Победу, 2-я эскадрилья 951-го штурмового авиационного полка получила приказ: «От самолетов ие отходить, быть в полной боевой готовности».

Война кончилась, гитлеровская Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции. Позади — тяжелые бои, постоянное соседство с опасностью, а впереди — радость встречи с родными и близкими, мирное безоблачное небо. И вдруг боевая задача: «Подняться в воздух и разгромить группировку войск генерала Шернера, отказавшуюся сложить оружие...»

Ровно в 18 часов 9 мая штурмовики 3-й эскадрильи с полным боекомплектом оторвались от полевого аэродрома и под прикрытием истребителей взяли курс на Вену.

Вел эскадрилью сибиряк Герой Советского Союза капитан Николай Евгеньевич Платонов.

Платонов Николай Евгеньевич

Он родился в 1922 году в селе Стольниково Искитимского района Новосибирской области. Первое боевое крещение получил под Изюмом и Барвенковом. Вражеская авиация тогда господствовала в воздухе. И трудно сказать, чем бы кончился для горячего и неопытного летчика первый бой, если бы не было рядом командира — Героя Советского Союза капитана В. М. Михайлова. У него он учился осмотрительности,

выдержке, смелости, трезвому расчету и решительности. Летая в паре, Платонов перенимал «боевой почерк» Героя.

Скупой на похвалы капитан, наблюдая за своим ведомым, как-то сказал:

— Хорошо, Платонов! Вижу — из тебя выйдет настоящий военный летчик!

А через день, после уничтожения вражеского склада с горючим, уже на обратном курсе пришлось схватиться с четырьмя «мессершмиттами». Завязался бой, неравный и жестокий. Гитлеровцам удалось подбить машину командира. Платонов яростно бросался в лобовые атаки, стремясь отогнать фашистских стервятников от самолета капитана Михайлова, Во время одной из таких отчаянных атак он сбил вражеский истребитель. Развернувшись, пошел снова в лобовую атаку. Нервы у гитлеровцев не выдержали. Не приняв боя, «мессеры» ушли на запад.

Михайлов посадил свою израненную машину и, едва держась на ногах, сошел на землю. Благополучно приземлился и Платонов. Герой подошел к нему, обнял.

- Спасибо, брат,— тихо сказал он,— хорошо в бою иметь такого напарника.

Позже Михайлов, как бы продолжая неконченный разговор, сказал:

— Хватит тебе летать ведомым. Сам поведешь группу.

Платонов оправдал надежды своего учителя. 28 сентября, ведя разведку войск противника в паре с командиром полка Героем Советского Союза майором Ерашевым, младший лейтенант Платонов снова совершил подвиг. Вступил в единоборство с двумя истребителями, напавшими на подбитую машину командира полка, и одного из них сбил.

Каждый боевой вылет, а их было по пять-шесть в день, всегда сопряжен с риском. Пробиваясь сквозь заградительный зенитный огонь, Платонов старался не думать об опасности. Он видел перед собой врага и все свое умение, всю волю сосредоточивал на том, чтобы вывести группу на цель. Много раз после выполнения заданий его самолет возвращался на аэродром с изрешеченными плоскостями и пробитыми баками. Но всегда с победой!

...Вглядываясь вперед, поверх серых облаков, над которыми шли штурмовики, капитан Платонов увидел по курсу темные силуэты гор. «Австрийские Альпы»,— определил он и слегка развернул самолет влево. Взглянул на часы, пошел на снижение. Через несколько минут в разорвавшейся облачности показалась земля. На зеленом фоне полей, перелесков, среди разбросанных в беспорядке домиков отчетливо выделялась широкая белая лента шоссе. А на ней, словно ползущая гусеница, большая колонна вражеских войск. По укоренившейся привычке капитан Платонов оглядел горизонт. Немного сзади и выше шли истребители прикрытия. Больше никого. Капитан уже хотел передать команду эскадрилье «За мной, в атаку», как вдруг заметил четыре стремительно приближающиеся черные точки. «Мессеры»,— промелькнуло в сознании. Неприятно засосало под ложечкой. Значит, снова воздушный бой. Нет, он не сомневался в победе и в выполнении задания. Но бой есть бой. Для кого-то он может оказаться последним и в такое время, когда война уже закончена!

На почтительном расстоянии истребители вдруг резко взмыли вверх и, развернувшись, улетели на запад. На их крыльях Платонов успел заметить опознавательные знаки американских военно-воздушных сил. Это были «лайтинги» — новейшие американские истребители. С какой целью они так угрожающе летели навстречу советским самолетам, так и осталось неизвестным.

Проводив «лайтингов» настороженным взглядом, капитан Платонов подал команду своим экипажам, и двенадцать штурмовиков с крутого планирования, почти с пикирования, пошли в атаку.

На шоссе взметнулись огненные фонтаны, запылали, чадя черным дымом, цистерны с горючим, автомашины. Гитлеровцы, как муравьи в развороченной куче, в панике разбегались. Их преследовали истребители. На земле творилось что-то невообразимое...

Это был последний, 208-й боевой вылет капитана Платонова. Возвратившись на аэродром и доложив командиру о выполнении задания, он собрал своих воздушных братьев.

- Ну, друзья, кажется, на этот раз всё, отвоевались! Поздравляю вас всех с победой! Можно отдыхать!

2-я эскадрилья штурмовыми ударами истребила около двух тысяч гитлеровцев, сожгла на аэродромах и сбила в воздушных боях семнадцать самолетов, уничтожила свыше семидесяти танков и бронетранспортеров, десятки орудий, минометов...

За мужество, отвагу и мастерство шести летчикам эскадрильи, в том числе и ее командиру, коммунисту Николаю Евгеньевичу Платонову, было присвоено звание Героя Советского Союза.

Кроме Золотой Звезды Героя и первой награды — ордена Красной Звезды, Н. Е. Платонов за боевые подвиги награжден тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, орденом Александра Невского и многими медалями.

После войны Н. Е. Платонов служил на командных должностях в военно-воздушных силах. В 1955 году окончил академию и снова был направлен в авиационную часть. Но через некоторое время по состоянию здоровья со строевой службы ушел.

Он передает сейчас свой богатый опыт молодому поколению летчиков в Военно-Воздушной академии, занимается научной работой. В 1964 году защитил диссертацию на ученую степень кандидата исторических наук.

Погорельцев Алексей Егорович

В жизни человека бывают критические положения, когда приходится принимать решения немедленно. В такие моменты человек остается только со своей совестью. Все, что есть у него хорошего или плохого, проявляется с особой силой. Сердце раскрывается людям, и тогда видно, какое оно у человека.

15 января 1945 года во время боя на западном берегу реки Вислы личный состав 1-го батальона 446-го стрелкового полка 397-й стрелковой дивизии, попав под сильный огонь противника, залег на открытом поле. Гитлеровцы, находившиеся в опорном пункте, не жалели патронов. Не умолкала вражеская артиллерия. Мерзлую землю вспарывали тысячи пуль и осколков. Появились убитые и раненые. Вышли из строя командиры. На левом фланге огонь был послабее, бойцы поползли назад. Противник, заметив движение, перенес огонь на них. И вдруг над полем боя бойцы услышали страстный призыв:

- Товарищи, за Родину! Вперед!

Солдаты увидели, как поднялся во весь рост незнакомый офицер и с криком «ура!» бросился к немецким окопам. Бойцы, в какое-то мгновение овладев собой, поднялись и устремились за ним.

Офицер первым ворвался во вражескую траншею. Метким выстрелом из пистолета убил немецкого пулеметчика, захватил пулемет и открыл из него огонь по фашистам. Вскоре все бойцы подразделения ворвались

в траншею противника и завязали рукопашную схватку.

Враг не выдержал натиска и, оставив убитых и раненых, отступил. Оборона была прорвана. Началось преследование...

В тот день воины 1-го батальона так и не узнали имя офицера, который поднял их с пятачка смерти и повел за собой на штурм вражеской обороны.

На другой день подразделение было выведено на отдых. Вскоре в роту пришел приказ, в котором командир полка поздравил воинов с победой, а многих, особо отличившихся, представил к правительственным наградам. Приказ зачитывал молодой статный офицер с живыми улыбчивыми глазами. Всем своим видом он как-то сразу расположил к себе людей.

- Это он,— перешептывались в строю солдаты,— он вчера поднимал нас...

Закончив чтение приказа, старший лейтенант широко улыбнулся и задушевно и просто сказал:

- Орлы! Сердечное вам спасибо от командования батальона и партийной организации. Ваш подвиг никогда не забудется.

Бойцы были взволнованы.

- Это вам спасибо! — крикнул кто-то из задних рядов.

Пулеметчик Коротков, особо отличившийся в прошедшем бою, пристально смотрел в лицо офицера. Попросив разрешения, вышел из строя.

- Товарищ старший лейтенант,— дрогнувшим голосом произнес он,— позвольте обнять вас! От имени всей нашей роты.

Офицер и сержант крепко обнялись и расцеловались.

- А теперь скажите, кто вы? — спросил Коротков.

- Парторг батальона,— ответил офицер.

Так состоялось первое знакомство нового парторга батальона Александра Егоровича Погорельцева с бойцами. Он пришел в подразделение в тот момент, когда батальон вступил в бой. Знакомиться с личным составом не было ни времени, ни возможности.

Родился А. Е. Погорельцев 25 августа 1917 года в поселке Илюшено Чулымского района Новосибирской области. С 1930 по 1938 год работал в колхозе «Ленинский путь». В 1935 году вступил в комсомол. В 1938 году Чулымским райвоенкоматом был призван в армию.

Как отличника боевой и политической подготовки, Ё сентябре 1940 года его послали учиться на курсы младших политруков запаса, которые он закончил в феврале 1941 года и был демобилизован.

В начале Великой Отечественной войны его вновь призвали в армию и направили на курсы политработников. Окончив их, он получил назначение политруком батареи. В 1942 году стал коммунистом.

Последняя должность перед назначением в 446-й полк — парторг батальона на Северо-Западном фронте. Там был ранен. После излечения снова прибыл на фронт.

Бойцы полюбили нового парторга за открытое сердце и простоту, за мужество и отвагу в бою.

В период ожесточенных боев на территории Германии А. Е. Погорельцев много раз своим личным примером, находчивостью и решительностью спасал положение.

Командир полка подполковник Голубев, представляя Александра Егоровича к званию Героя Советского Союза, писал:

«Старший лейтенант Погорельцев с 14.1 по 7.2. 1945 г., в период упорных боев при вторжении на территорию Германии, постоянно находился в боевых порядках пехоты, тем самым обеспечивал непрерывность партийной работы. За это время батальон прошел с боями 430 километров. Тов. Погорельцев в этих боях проявил себя отважным и смелым политработником. Своим личным примером он воодушевлял бойцов на героические подвиги».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года Александру Егоровичу Погорельцеву присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны А. Е. Погорельцев окончил военно-политическое училище имени М. В. Фрунзе и до 1959 г. служил в воздушно-десантных войсках. Потом по состоянию здоровья был переведен в наземные войска.

В мае 1964 года в звании подполковника Погорельцев уволился в запас. Сейчас он мзшинист-компрессорщик на механическом заводе в городе Гатчине.

Подневич Валентин Афанасьевич

В целях увековечения памяти погибшего во время Великой Отечественной войны Героя Советского Союза Подневича, выросшего в городе Новосибирске, обучавшегося в школе № 50 Центрального района, исполнительный комитет Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся решил:

присвоить школе № 50 Центрального района имя Героя Советского Союза Подневича и установить при входе в нее мемориальную доску».

В этой школе Валентин Подневич учился. Здесь надел пионерский галстук, стал комсомольцем, отсюда пошел на войну.

Жизнь Валентина Афанасьевича Подневича, как утро,— светлая, чистая и короткая. Родился 21 сентября 1923 года в селе Судженка, в семье служащего. Когда семья переехала в Новосибирск, ему было пять лет. Отец, ставший при советской власти крупным специалистом горнорудной промышленности, радовался, смотря на своих сыновей. Оба — и старший Леонид, и младший Валентин, росли трудолюбивыми, любознательными. Оба жадно тянулись к знаниям, любили технику.

Валентин, как и Леонид, учился отлично. Любил рисовать, чертить. В своих письмах к Леониду, уже студенту Свердловского индустриального института, подробно рассказывал о большом размахе строительства в городе, делился своими планами.

«Знаешь, Леонид,— писал он,— хорошо, конечно,

быть горным инженером и отец гордится тем, что ты поступил именно в этот институт, но мне хочется быть строителем, архитектором...»

Сейчас трудно представить, кем бы стал этот одаренный юноша, если бы не война.

Черную весть о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз в семье Подневичей первым узнал Валентин. В воскресенье 22 июня он собирал документы, необходимые для поступления в институт, и вдруг услышал тревожный голос диктора... Война! К вечеру объявил родителям, что пока не будет подавать заявления в институт.

Через два дня пришла телеграмма от Леонида. Уходит на фронт добровольцем... А осенью пришло извещение о его гибели. Мать, распечатав конверт, слабо вскрикнула. Валентин видел ее прыгающие руки, низко опущенную голову и окаменевшее лицо...

После горя, свалившегося на семью, Валентин, слушая тревожные сводки Совинформбюро, бросал тревожные взгляды на мать, которая сразу как-то постарела, и подолгу задумывался. Однажды подошел к матери и проговорил:

- Мама, пришла и моя пора...

В ноябре 1941 года родители проводили Валентина в Томское артиллерийское училище. В июне 1942 года он успешно закончил его и был направлен на Волховский фронт. В июле лейтенант Подневич в должности командира огневого взвода 849-го артиллерийского полка 294-й стрелковой дивизии принял первое боевое крещение. В боях под Ленинградом, потом на Курской дуге проявил себя храбрым, инициативным и умелым артиллеристом. Во взводе он был самым молодым. Многие бойцы годились ему в отцы. Но своей задушевностью, простотой и знанием дела заслужил непререкаемый авторитет.

23 февраля 1943 года командир батареи старший лейтенант Трофимов и политрук батареи капитан Протасов послали письмо в Новосибирск: «Ваш сын,— сообщали они Дарье Лукьяновне Подневич,— в боях с немецкими оккупантами проявил себя смелым, храбрым, грамотным командиром-артиллеристом. Валентин участвовал во многих боях с немецкими бандитами и всегда был в первых рядах, воодушевляя бойцов и ко-

мандиров на бесстрашные, смелые подвиги. По нему равнялись и равняются остальные бойцы и командиры.

Валентину присвоено очередное воинское звание «старший лейтенант». Это быстро растущий молодой командир-артиллерист. На днях мы его будем принимать в ряды партии. Гордитесь своим сыном, Дарья Лукьяновна!»

...2 сентября 1943 года в бою за деревню Бобошка под городом Сумы Подневич, выдвинувшись вперед, обнаружил танки и большую группу вражеских автоматчиков. Немцы готовились к контратаке. Сделав расчеты, он передал данные для стрельбы на батарею. Сосредоточенным огнем вражеской группировке был нанесен большой урон. Контратака не состоялась.

В последующих восьмидневных наступательных боях батарея Валентина Подневича поддерживала пехоту. За эти бои он был награжден орденом Красной Звезды.

Трудная обстановка создалась в конце ноября и в начале декабря 1943 года в районе города Черкассы. На выручку к окруженному здесь противнику пробивались крупные силы гитлеровцев со стороны города Смела. Активизировали свои действия и блокированные части в самих Черкассах.

...2 декабря. Батарею Подневича, которая занимала боевые позиции в районе хутора Кирилловка, атаковали десять танков. Подпустив врага на сто метров, артиллеристы открыли огонь. Потеряв три танка, враг откатился назад.

- Снаряды, снаряды давайте!— кричал в трубку Подневич.

На вопрос командира дивизиона: «Как чувствует себя личный состав батареи?» — Подневич с гордостью ответил:

- Не беспокойтесь, мои орлы умрут, но не отступят!

Потом связь со штабом прекратилась. Снаряды не подвозили. Батарея оказалась отрезанной от основных сил полка.

...3 декабря. На батарею Подневича наступало до двух рот автоматчиков с танками и самоходными орудиями.

- Без моей команды не стрелять! — предупредил Подневич.— Беречь снаряды!

Командир батареи сам встал к прицелу. Гаубицы стреляли прямой наводкой. Два самоходных орудия и один танк загорелись, остальные повернули обратно. На подступах к огневой позиции валялось около полсотни вражеских трупов.

...4 декабря. Рано утром, после некоторого затишья, серое небо над батареей заполнилось» оглушительным ревом сирен пикирующих «юнкерсов» и сотнями разрывов артиллерийских снарядов. Этот ад продолжался пятнадцать минут. Потом донесся отдаленный шум. На огневые позиции батареи шли танки.

Гитлеровцы с тупым упорством двигались прямо на батарею, не маневрируя и не применяясь к складкам местности. На каждое орудие приходилось по пять танков. Рассчитав время, комбат взмахнул рукой: огонь! Загорелось сразу четыре танка. Остальные стали обходить батарею с флангов. Окружив артиллеристов и находясь на незначительном расстоянии, гитлеровцы прицельным огнем посылали снаряд за снарядом.

Одна за другой вышли из строя все гаубицы. Большинство бойцов оказались тяжело ранеными. Из огневых средств остались только гранаты и личное оружие. Сам Подневич был тяжело ранен в плечо и голову. Но он продолжал руководить боем. И, когда фашисты возобновили очередную атаку, бойцы услышали команду:

— Приготовить противотанковые гранаты!

Артиллеристы близко подпустили вражеские танки и забросали их гранатами. Но остановить их на этот раз не удалось. Танки прорвались и начали утюжить окопы. Вслед за ними на огневую позицию ворвались вражеские автоматчики.

Подневич, прислонившись спиной к стене окопа, отстреливался из пистолета. Гитлеровцы окружили советского офицера, видимо, намереваясь взять его в плен. Валентин поднялся из окопа. Он отчетливо видел лица вражеских солдат и офицеров, слышал их тяжелое дыхание. Собрав все силы, в какую-то долю секунды он поднял пистолет и выпустил четыре пули во врагов. Последнюю, пятую — себе в висок...

Батарея старшего лейтенанта Подневича, приковав к себе крупные силы гитлеровцев, нанесла им большой урон. Артиллеристы и их двадцатилетний командир до конца выполнили свой долг.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 мая 1944 года старшему лейтенанту Валентину Афанасьевичу Подневичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В Черкассах в память о подвиге именем Валентина Афанасьевича названа улица. Свято чтут память своего земляка и жители Новосибирска.

На улице Дмитрия Донского (дом 29, квартира 27) живет Дарья Лукьяновна Подневич, простая и скромная русская женщина, мать двух сыновей, отдавших свою жизнь за счастье народа. Много благодарственных писем получает она от пионеров, воинов и различных организаций, которые от всей души благодарят ее за воспитание сыновей-героев.

Возле окна промелькнула знакомая фигурка Маши-почтальона. Анна Протасовна заволновалась. Открыв дверь, она растерянно посмотрела в Машины глаза и, заметив, как та отвела взгляд, спросила:

- Что с ним, доченька?

Дрожащей рукой Анна Протасовна взяла письмо, поднесла к затуманенным глазам и возвратила.

- Прочитай сама, доченька. Я что-то совсем стала плохо видеть.

Маша осторожно разорвала конверт и, предварительно пробежав его глазами, заулыбалась.

«Здравствуйте уважаемая Анна Протасовна! Ваш сын — Петр Павлович Полянский с 1942 года находится в рядах Рабоче-Крестьянской Красной армии.

В борьбе с немецко-фашистскими оккупантами он проявил себя смелым и храбрым воином, подлинным патриотом нашей Родины. Все приказы командования он выполняет честно, добросовестно и в срок.

За время Отечественной войны Петр Павлович лично истребил 150 немецких солдат и офицеров. Уничтожил 7 пулеметных точек, захватил 5 повозок с боеприпасами и вещевым имуществом. В зимних наступательных боях 1943 года с группой бойцов в количестве 5 человек он вступил в неравный бой с 22-мя немцами. Пятнадцать из них взял в плен, а семерых уничтожил.

Мы гордимся Вашим сыном и благодарим Вас за

Полянский Петр Павлович

то, что Вы воспитали его настоящим советским патриотом.

17 октября 1943 года за боевые подвиги на фронте борьбы с немецкими оккупантами Вашему сыну, Петру Павловичу, Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза.

Теперь он гордость всего нашего советского народа.

Командование части выносит Вам — матери Героя Советского Союза благодарность и желает Вам доброго здоровья и долгих лет жизни.

Командир 383-го стрелкового полка — подполковник Шабанов. 26.10.1943 года».

Маша закончила чтение и, блестя радостными глазами, смотрела на хозяйку. А та по-прежнему стояла с окаменевшим лицом и ждала.

— Все, Анна Протасовна,— подавая письмо, сказала Маша.— Поздравляю вас!

А в это время Петр Полянский в составе войск 1-го Украинского фронта вел бой на подступах к Днепру. В районе Бобровицы противник перешел в контратаку при поддержке четырех танков. Полянский находился в боевом охранении. Гранатой с близкого расстояния он уничтожил головной танк и сорвал контратаку.

Два дня спустя ефрейтор Полянский с двумя бойцами под сильным минометно-пулеметным и артиллерийским огнем противника форсировал на лодке Днепр и вступил в неравный бой с заслоном противника. Он уничтожил 35 немецких солдат и офицеров и обеспечил нормальную работу переправы.

Жестокое сражение разгорелось на правом берегу Днепра. На горстку советских воинов противник бросил в бой взвод пехоты с минометами и артиллерией. Но герои отбили все контратаки и удержали захваченный плацдарм. Ефрейтор Полянский из ручного пулемета уничтожил более 25 гитлеровцев.

Через несколько дней его приняли в ряды Коммунистической партии. А в боях под Новсград-Волынском 22 марта 1944 года Петр Павлович был тяжело ранен и отправлен в госпиталь. После излечения демобилизовался и вернулся в родной Чулым.

Портянко Андрей Антонович

Из Смоленска пленников пригнали под Минск. Лагерь представлял собой обыкновенный загон для скота, огороженный колючей проволокой. Посередине, прямо под открытым небом, стоял большой котел. В нем варили картошку, свеклу, конину, а то и просто кипятили воду. От дождя и ветра спасало людей единственное помещение — коровник. Спали на перепрелой соломе, обогревая друг друга своими телами.

Среди пленных было много больных и раненых. Умерших товарищи относили в дальний угол загона и закапывали.

За всю свою нелегкую жизнь Андрей Антонович Портянко не перенес столько страданий, унижений и оскорблений, сколько за две недели плена. Он видел разрушенные и сожженные врагом города и села, убитых и искалеченных людей, слышал душераздирающие крики женщин над погибшими детьми, с болью смотрел на потоки беженцев, уныло бредущих по дорогам Смоленщины. Но такого, как в лагере, видеть еще не приходилось.

Тяжелые думы одолевали солдата. Наблюдая за гитлеровцами, охранявшими лагерь, он никак не мог понять, почему они так по-зверски обращаются с советскими людьми. Откуда у них эта бесчеловечность, презрение и жестокость?

Часто задумывался и о судьбе жены и детей, оставшихся в далеком сибирском селе Кореннова Венгеров-

ского района Новосибирской области: «Как они там?»

И чем больше думал, тем сильнее росло желание вырваться на свободу и мстить, мстить.

Вскоре представился удобный случай.

Большую группу пленных вывели из лагеря и под небольшим конвоем отправили в лес на заготовку древесины. Начался дождь. Конвоиры, кутаясь в плащи, ослабили бдительность. Портянко, работавший в самом конце делянки, выбрал подходящий момент и, отойдя за ель, бросился в глубь леса. Сзади послышались крики, автоматные очереди, а он бежал и бежал, пока, обессиленный, не свалился на землю. Немного передохнув, пошел дальше, держась востока.

Места ему были хорошо знакомы. Тут, неподалеку, в селе Дубровка Крупского района Минской области он родился. Тут и вырос. Тут жили сестры. Перед самой войной писали ему в Сибирь, куда он переехал, приглашали в гости, хвалились своим достатком.

«Вот я и заявлюсь»,— с грустной улыбкой думал Андрей Антонович.

Через два дня под вечер он добрался до Дубровки. По улице изредка проезжали автомашины, повозки. Жителей — ни души. Село будто вымерло. Дождался темноты и по огородам, озираясь как вор, пробрался к отчему дому, прислушался.

В избе плакали дети.

— Вот немец придет, он вам задаст,— слышался голос младшей сестры.

Андрей Антонович постучал в боковое окно. В избе все стихло.

- Кто там? — испуганным голосом спросила сестра.

- Это я, Андрей,— задыхаясь от волнения, ответил Портянко.

Сестра долго не могла сообразить, какой еще Андрей, наконец поняла и отодвинула засов.

В избе при свете коптилки она разглядела обросшего брата, все поняла и расплакалась. Немного успокоившись, согрела воды, достала белье и одежду мужа.

- Что это на боку у тебя? — спросила она, увидев на теле брата широкую грязную рану.

— Под Смоленском царапнуло.

- Батюшки, черви,— с ужасом проговорила она, рассматривая рану.— Давай я хоть керосином промою...

Долго они просидели в тот вечер. Обо всем переговорили. Не касались только главного. ,

- Что будешь делать, Андрей? — спросила, наконец, сестра.

— Еще не знаю... Хоть кто-нибудь остался в селе из моих старых друзей?

- Есть,— ответила сестра.— А что ты надумал?

- Надб встретиться, поговорить... Ты понимаешь, ведь я солдат, а потом, я столько всего натерпелся, так зол на этих проклятых немцев, что сидеть сложа руки не могу.

- Хорошо, Андрей, только сам никуда не ходи. Я все устрою.

Около недели Андрей Антонович прожил у сестры. Поджила рана. Однажды сестра сказала:

— Сегодня придет человек. Ты его не знаешь, но о тебе он знает все. Верь ему, как мне.

В ту же ночь Андрей Антонович ушел с этим человеком в партизанский отряд. Немного позже, когда его проверили в боях и на счету было уже несколько истребленных гитлеровцев, он узнал, что отряд входит в Первую Белорусскую партизанскую бригаду. Узнал, что все три его сестры поддерживают связь с партизанами, пекут для отряда хлеб, стирают белье, прячут раненых.

Лесная жизнь, боевые операции, в которых Андрей Антонович был и пулеметчиком, и разведчиком, и минером, многому научила, а сознание того, что вновь стал солдатом, народным мстителем, окрыляло. Беспокоило только то, что не может сообщить о себе жене, подать весточку в Сибирь.

Но однажды такая возможность представилась — с «Большой земли» прилетел самолет. Письмо получилось длинным, с перечислением всех своих мытарств.

В село Коренново это письмо пришло вместе с известием из части о том, что Андрей Антонович Портянко пропал без вести.

Александра Ивановна, жена, не знала чему и верить. Пошла к военкому. Тот внимательно прочитал письмо, и успокоил:

- Ваш муж жив и здоров. Но воюет там, откуда не все можно писать.

А потом ее муж замолчал надолго. Могла ли она знать, что тому было не до писем. Преследуемые кара-

телями, партизаны часто меняли стоянки, с тяжелыми боями уходили в глубь лесов, пробиваясь к пинским болотам.

Однажды гитлеровцы бросили на партизан крупные силы авиации. На небольшой клочок земли, окруженный непроходимыми болотами, обрушились тысячи бомб. Пользуясь безнаказанностью, самолеты с низких высот обстреливали остров из пушек и пулеметов.

Много тогда полегло партизан.

Андрей Антонович лежал з холодной и вонючей болотной жиже с перебитыми ногами и плакал от собственного бессилия.

Товарищи вынесли его из болота и через несколько дней на самолете отправили на «Большую землю». Был он очень плох. Но, видимо, ненависть к врагу помогла ему снова встать на ноги. После более полугодового лечения в госпитале, в Смоленске, защищая который в 41-м году Андрей Антонович был ранен и попал в плен, его снова призвали в армию.

В августе 1944 года в составе маршевой роты он прибыл на 1-й Прибалтийский фронт к был назначен пулеметчиком в 113-й стрелковый полк 32-й стрелковой Верхне-Днепровской Краснознаменной ордена Суворова дивизии, которая вела бои юго-восточнее Риги.

В сентябре дивизия с рижского направления была переведена в район Шауляя с тем, чтобы в последующем наступать в направлении Мемеля (Клайпеды). Едва войска заняли оборону, как гитлеровцы нанесли сильный контрудар.

Трудное положение создавалось на участке 113-го стрелкового полка. Рядовой Портянко в то время был вторым номером пулеметного расчета. Прямо на окоп, который занимали пулеметчики, ведя огонь на ходу, мчались три танка. За ними перебегала пехота. Осколком снаряда убило командира расчета. Рядовой Портянко стал снимать пулемет с площадки.

— Что ты делаешь? — закричали стоявшие рядом автоматчики.— Рехнулся?

— Не пугайтесь, буду бить не по танкам, а по пехоте.

И едва танки перевалили через окоп, Портянко сильным рывком поставил «Максима» на место и открыл огонь по автоматчикам. Те заметались по открытому

Полю. А Портянко, вкладывай все свое мастерство и Ненависть, хладнокровно косил и косил их, приговаривая:

— Гады вонючие. Я вам все припомню, за все рассчитаюсь!

Атака была отбита.

За этот бой командир полка наградил его медалью «За отвагу». А через полмесяца за успешные действия по форсированию реки Минии под Клайпедой ему вручили вторую медаль «За отвагу».

Войска 1-го Прибалтийского фронта вышли к заливу Курише-Гаф. Вражеские войска, блокированные в Клайпеде, имели только одну дорогу, проходившую по узкой косе Курише-Нерунг, которая соединяла город с Земландским полуостровом.

Перед 113-м стрелковым полком была поставлена задача: перерезать и эту последнюю сухопутную коммуникацию противника. Полку предстояло по льду преодолеть залив южнее Клайпеды и оседлать косу.

Гитлеровцы держались за косу, как утопающий за соломинку, и обороняли ее с большой яростью. Поэтому несколько попыток пробиться к косе оказались неудачными.

В ночь на 29 января 1945 года была сделана еще одна попытка. Стрелковые роты капитана И. Полозкова и младшего лейтенанта И. Лапушкина, пулеметная рота капитана В. Фомина преодолели открытое ледяное поле и штурмом захватили на косе небольшой плацдарм в районе лесничества — двухэтажного каменного дома. В составе пулеметной роты во взводе лейтенанта М. Ларина действовал и командир расчета младший сержант А. Портянко.

Бойцы переоборудовали траншеи, вырытые гитлеровцами, расставили огневые средства и приготовились к обороне. На рассвете противник атаковал их, и со стороны Клайпеды, и со стороны Земландского полуострова.

Наступали фашисты с танками и артиллерией. У защитников плацдарма были только легкое оружие и пулеметы. Артиллерия поддерживала их огнем с исходного берега.

К концу дня наши воины отбили пять атак. Младший сержант Портянко с пулеметом на втором этаже каменного дома контролировал всю дорогу.

Но враг лез вперед. Деваться ему было некуда и с потерями он не считался.

Ряды защитников плацдарма сильно поредели. В двух местах гитлеровцам удалось прорваться к высокому берегу косы и разъединить подразделения батальона. Создалось критическое положение. В этой обстановке младший сержант Портянко пробрался с пулеметом на фланг батальона и кинжальным огнем уничтожил прорвавшуюся группу гитлеровцев.

Защитники плацдарма, воспользовавшись этим, бросились в контратаку и восстановили положение.

Командир полка подполковник Никитин, сообщая в штаб дивизии о результатах боя, писал:

«Во время отражения шестой контратаки, когда одно из подразделений батальона оказалось в критическом положении, младший сержант Портянко А. А. выдвинулся с пулеметом на открытую позицию на фланге и в упор открыл огонь по фашистам. В этом бою он уничтожил около 100 солдат и офицеров противника и сражался до тех пор, пока его не сразила вражеская пуля».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1945 года А. А. Портянко посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

...По узкой косе Курише-Нерунг, среди стройных янтарных сосен пролегает асфальтированное шоссе, связывающее Клайпеду с Калининградом. Здесь курсируют комфортабельные автобусы. Первая остановка в десяти километрах от Клайпеды — у хутора Алкснине.

Неподалеку от остановки, перед одиноким каменным двухэтажным домом, стоящим на высоком берегу, в день 20-летия Победы заложен памятный камень. На нем надпись: «Здесь будет поставлен памятник Героям 113-го стрелкового полка». Названы фамилии погибших воинов, в том числе и фамилия отважного сибиряка — Андрея Антоновича Портянко.

Сергиенко Николай Егорович

На 68-й странице четвертого тома «Истории Великой Отечественной войны» написано: «На окраине села Почапинцы героически дрались курсанты учебного батальона 41-й гвардейской стрелковой дивизии. Курсант И. Е. Сергиенко и два его товарища уничтожили более ста фашистов».

Кто такой Сергиенко и его боевые товарищи? По архивным материалам и рассказам участников событий удалось установить следующее:

Николай Егорович Сергиенко родился в 1924 году в селе Киндыс Колыванского района Новосибирской области. Как и все деревенские мальчишки, рано начал трудиться, рос крепким, сообразительным и компанейским парнем. Окончил семь классов. Дальше учиться не пришлось. Надо было работать. А потом началась война. Призвали в армию. Николаю тогда не было и восемнадцати лет.

Запасный полк. Потом действующая армия — курсант учебного батальона 41-й дивизии, где готовились сержанты. В учебное подразделение отбирались лучшие. Как правило, командование оберегало курсантов. Без крайней необходимости в бой не бросало.

...Семидесятитысячная группировка немецко-фашистских войск, окруженная на правом берегу Днепра в районе Корсунь-Шевченковского, предпринимала отчаянные попытки вырваться из «котла».

16 февраля 1944 года командиру учебного батальона

гвардии капитану Елистратову было приказано занять оборону на северной окраине села Почапинцы и не допустить прорыва противника вдоль дороги из Шендеревки на Лисянку.

Батальон выступил, когда стемнело. Шел обильный снег. Дороги перемело. К назначенному району курсанты пробивались по снежной целине, таща на себе пулеметы и боеприпасы.

Взвод, в котором служил Сергиенко, занял оборону на безымянной высотке севернее села, как раз на шоссейной дороге.

Командир батальона предупредил:

- Смотрите; гитлеровцы могут воспользоваться такой погодкой.

Сквозь снежную пелену виднелась горящая Шендеревка. Южнее, в селе Комаровке, рокотали моторы. А еще дальше лежал лес, и оттуда, когда затихал ветер, слышались разноголосые крики, приглушенные стуки, скрипы.

«Точно, оттуда полезут»,— подумал Сергиенко, еще раз осматривая свой окоп, раскладывая гранаты и диски с патронами.

Часов в десять вечера с опушки леса ударила вражеская артиллерия. Гитлеровцы беспорядочно били по высотке и селу Почапинцы.

Потом пролетел немецкий самолет. Развесил над шоссе осветительные ракеты и скрылся. Не прошло и десяти минут, как над обороной батальона появились бомбардировщики, стали сбрасывать бомбы. Несмотря на сильный снегопад, поднялась в воздух и наша авиация. Завязался воздушный бой.

Откуда-то из-за Почапинцев с воем пролетели снаряды «Катюш».

Снег, ветер, свист снарядов и мин, вой самолетов, пламя взрывов, рыскающие по ночному небу лучи прожекторов — настоящее боевое крещение для курсантов.

Во взводе появились раненые и убитые. Унесли командира взвода, отправили в тыл четырех раненых курсантов и двух сержантов. Сергиенко остался за командира отделения.

В полночь гитлеровцы вышли из леса и, неистово крича, беспорядочно стреляя, густыми цепями двинулись вдоль шоссе на Почапинцы.

Высотка, на которой оборонялось отделение Сергиенко, оказалась на самом бойком месте. Ее атаковало не менее трехсот фашистов. Курсанты встретили их плотным пулеметным и автоматным огнем. Но враги, как саранча, лезли и лезли.

Пошли в ход гранаты, потом завязалась рукопашная схватка. Прорвавшихся гитлеровцев били прикладами, душили руками. На тупое упрямство врагов курсанты отвечали неистовой яростью и отвагой.

Постепенно бой затих. Гитлеровцы снова отошли в лес, под Комаровку.

— Сейчас опять полезут. Деваться им некуда,— предупредил Сергиенко, обходя поредевшие ряды своих товарищей. Занял свое место, положил на бруствер пять автоматов, которые снял с убитых, подготовил гранаты.

Как и предполагал, через полчаса гитлеровцы снова пошли в атаку. На этот раз они наступали колоннами. Одна колонна, встретив сильный огонь с высоты, расчленилась и залегла. Следующие за ней колонны свернули дороги и по снежной целине, обходя высоту, устремились в Почапинцы.

Загремели выстрелы на окраине села. Там, надо полагать, противнику удалось прорваться и захватить несколько домов. А Сергиенко, видя, что высота уже не представляет того значения, которое имела полчаса назад, решил ударить в тыл прорвавшимся гитлеровцам. Часть сил на высоте он все же оставил.

- Каплунов, Агапов,— позвал он.— За мной! Гранат побольше захватите.

Воспользовавшись суматохой и снегопадом, курсанты незамеченными подошли к окраине. Возможно, что гитлеровцы и видели их, но приняли за своих и никакого противодействия не оказали. То ли от сознания, что удалось вырваться из кольца, то ли спасаясь от холода и снежного бурана, они сразу же набились в хаты. Даже охрану не выставили. А может, и выставили, но часовые, прячась от холода, оставили свои посты.

- Начнем вон с того большого дома,— сказал Сергиенко Каплунову, указывая на третью хату с краю.— Бери его с Агаповым. А хату рядом я сам буду потрошить.

Соседний дом был тоже забит гитлеровцами. Сергиенко бросил в окно гранату, вторую, третью.

Загремели взрывы и рядом. Это действовал Каплунов. Ошеломленные гитлеровцы выскакивали на улицу, но их тут же в упор расстреливали из автоматов. Из хат доносились дикие вопли, стон, выстрелы, а потом с поднятыми руками стали выходить оставшиеся в живых.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1944 года Николаю Егоровичу Сергиенко было присвоено звание Героя Советского Союза.

Для курсантов бой был своего рода экзаменом на командирскую зрелость. Многим из них, в том числе и Сергиенко, командир дивизии присвоил сержантские звания.

Гвардии сержант Сергиенко отличился и в последующих боях. На правом берегу реки Реут, в районе города Оргеев, он заменил убитого в бою командира взвода и лично уничтожил еще 15 гитлеровцев. Был награжден орденом Славы III степени. В непрерывных боях, в постоянном соседстве с опасностью, Сергиенко дошел до Вены. И за все это время даже не был ранен.

- Слово какое-нибудь знаете? — шутя спрашивали бойцы.

— Знаю,— отвечал гвардии старшина.— Даже три: глазомер, быстрота и натиск. Эти слова еще Суворов говорил.

В бою Сергиенко именно так и действовал.

Уже в самом конце войны он спокойно шел по одной из улиц освобожденной Вены. Фашист, спрятавшийся на чердаке, выстрелил ему в спину.

В столице Австрии товарищи похоронили его в братской могиле. В память советским воинам-освободителям, в том числе и отважному сибиряку Николаю Егоровичу Сергиенко в центре Вены воздвигнут величественный памятник.

В селе Почапинцы Черкасской области, там, где курсант Сергиенко совершил свой подвиг, возвышается строгий монумент.

В начале мая 1944 года 70-я Проскуровская Краснознаменная ордена Суворова механизированная бригада была выведена на отдых. Хотя отдыха в полном смысле слова и не получилось — танкисты ремонтировали технику, мотострелки тренировались в прорыве обороны, учились вести уличные бои,— однако же после тяжелых сражений люди испытывали облегчение, морально отдыхали.

Командир 2-го батальона капитан Ткаченко присматривался к новичкам. В батальоне их было много, особенно украинцев из западных областей. Люди старательные, исполнительные, но какие-то дичливые. Были среди них и бывалые — партизаны из отряда Степана Дороша, действовавшего в районе Винницы.

Особенно заинтересовал капитана молодой партизан — юркий парнишка, бывший десантник-парашютист Аркадий Сударев. Этот ни в чем не уступал ветеранам. Со смелым взглядом, бойкий на язык, он отлично владел оружием, знал подрывное дело, умел водить автомашину. Словом, солдат что надо. Но... был в плену.

«Надо познакомиться с ним поближе,— решил комбат.— И сегодня же!»

Вечером он пришел в роту, во второй взвод. Возле землянки, разложив на пне бумагу, рядовой Сударев что-то старательно писал. Заметив командира, он поднялся, одернул гимнастерку :и смело, поглядев в глаза, доложил:

Сударев Аркадий Викторович

— Вот, отвечаю на письма. Сразу шесть штук получил.

— Из дома? — поинтересовался капитан.

— Два — от отца, четыре — от друзей.

— В том числе, наверное, и от друзей женского пола? — улыбнулся капитан.

Солдат смутился.

— Да, одно от девушки.

- Ну и что же пишут? — спросил комбат.

- А вот почитайте. Отец интересуется нашими делами, спрашивает, когда будем в Берлине. Он у меня старый солдат. Служил в Иркутске вместе с Рокоссовским.

Капитан пробежал глазами письмо.

— А что это тут насчет тополей? — весело взглянув на Сударева, спросил он.

— Да так, это наше, семейное. Перед уходом в армию я посадил аллею. Отец говорит, все деревца хорошо принялись, только растут густо. Спрашивает: рассаживать их или же подождать до моего возвращения?

— Сложные вопросы,— усмехнулся капитан.— Что же вы ответили?

Сударев подал комбату лист бумаги, исписанный крупным ученическим почерком.

— А вот.

«Добрый день, здравствуйте дорогие мои! — прочитал капитан.— Получил сегодня сразу целую кучу писем: и от вас и от товарищей. Вы пишете, что давно не получали от меня писем, но я писал почти регулярно и не знаю, почему вы их не получили. Но сейчас задержек никаких не будет, я в другой части, нисколько не связанной с той, в которой был под Москвой...

Вы пишете, что мне придется дойти до Берлина, а что ж и дойдем! Зададим этим гадам перцу. Что касается меня, то я здорово зол на них. Ведь я почти месяц (я не писал вам этого) был у них в руках. Раненый лежал за колючей проволокой в лагере Белой Церкви. Придя немного в себя, сразу же драпанул оттуда и долечивался уже в партизанском отряде, а сейчас снова в строю. И каждый раз перед боем такая злость — просто описать невозможно, за все то, что пережил и перенес,— зубами бы загрыз каждого фрица в отдельности. Вы, конечно, меня понимаете, да и газеты читаете. Мно-

го описано про издевательства, В общем все в порядке, пишите почаще.

Остаюсь жив и здоров. Ваш сын Аркадий. 24 мая 1944 года».

Закончив чтение, капитан сказал:

— Правильно, Сударев, у всех нас дороги домой идут через Берлин. Хорошо вы ответили.

Из разговора с солдатом он узнал, что Сударев родился 25 декабря 1924 года в городе Иркутске, в семье служащего. Семья переехала в село Карасук Новосибирской области. Здесь Сударев закончил с отличием среднюю школу. Увлекался спортом, стрельбой, моделизмом и... писал стихи.

Когда началась война, ему не исполнилось и семнадцати лет. Поэтому все попытки уйти добровольно в армию оказались безуспешными. И только через год Карасукский райвоенкомат направил его в Омскую школу прожектористов. Но вскоре Сударев добился перевода в воздушно-десантные войска.

В сентябре 1943 года он в составе подразделения десантников поднялся с одного из аэродромов, чтобы выполнить специальное задание в тылу врага. За линией фронта, в районе Белой Церкви, самолет был сбит. Судареву с товарищами удалось выброситься на парашюте. Район приземления фашисты оцепили. Десантники сражались до последнего патрона, но мало кто уцелел. Сударев был ранен в ногу. И вот настали черные дни плена. Сударев ни о чем другом и думать не мог кроме побега и постоянно присматривался к людям. Он и еще два сибиряка — Виктор Рубахин, Иван Найда — темной ночью, в дождь, обманув охрану, бежали.

Долго скитались по лесам, потом присоединились к партизанскому отряду Степана Дороша. Сударев ходил в разведку, участвовал в диверсиях, внезапных ночных налетах на вражеские гарнизоны. Снова был ранен. В начале 1944 года отряд соединился с Советской Армией. После непродолжительного отдыха всех бывших военнослужащих, в том числе и Сударева, направили в действующую армию.

— Да, нелегко тебе пришлось,— с сочувствием проговорил комбат, выслушав рассказ солдата.

— Потому я и зол, как черт, на этих фашистов,— отозвался Сударев.

Капитан немного помолчал, потом спросил:

— Почему же ты так стремился в воздушно-десантные войска?

— Хотелось как следует бить врагов,— ответил Сударев,— и потом: влекла романтика.

— У нас романтики тоже хватает,— улыбнулся капитан.— В наших войсках тоже есть где развернуться.

— Посмотрим,— сказал солдат.

— Ну ладно, брат. Желаю тебе больших успехов,— сказал на прощание капитан и ушел в соседнюю роту.

Отдых продолжался недолго. Вскоре войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление. Началась Львовско-Сандомирская операция.

Тяжелые бои развернулись на плацдарме за Вислой. Под городом Тарнобжегом 2-й батальон отбивал яростные контратаки противника. Фашисты, контролируя единственное шоссе, решили обойти батальон с фланга и ударить с тыла. Шоссе обороняло отделение бронебойщиков, в составе которого был и рядовой Сударев. Около четырех часов длился кровопролитный бой с фашистскими танками, и. ни один из них не прошел в тыл батальона. За этот бой Аркадий Сударев был награжден медалью «За отвагу».

Чем дальше шагал он на запад, тем больше закалялся его характер, росло уменье. Позади остались Висла, Варта, Одер. Все чаще стали приходить в далекое сибирское село Карасук красноармейские треугольники с бодрыми и- короткими фразами: «Жив, здоров. Бьем фашистскую нечисть. Идем на Берлин».

В начале 1945 года Сударев был назначен командиром отделения бронебойщиков. Его наградили орденом Красной Звезды.

23 апреля 1945 года все советские люди с великой радостью и гордостью узнали о том, что войска 1-го Украинского фронта прорвали вражескую оборону по реке Одер — последний рубеж гитлеровцев перед Берлином и ворвались в фашистскую столицу.

Когда в Москве раздались слова диктора об этой победе, в селе Карасук было два часа ночи. Но в доме Сударевых горел огонек. Виктор Иванович, отец солдата, каким-то особым чутьем ждал этой торжественной минуты. Услышав сообщение Совинформбюро, он подошел к спящей жене и взволнованно сказал:

— Ты слышишь, Мария? Наш Аркадий в Берлине.

В это время в подвале разрушенного дома, в пригороде Берлина — Лихтендорфе, бронебойщики 2-го мотострелкового батальона ужинали. К ним зашел комбат капитан Ткаченко. Сударев поставил перед ним стакан вина.

— За скорую победу, товарищ капитан,— сказал он.

— Ну что ж, орлы, я думаю, сегодня можно выпить. За Берлин!

И Капитан Ткаченко зачитал только что полученное воззвание Военного Совета фронта к воинам:

«...Перед вами, советские богатыри, Берлин. Вы должны взять Берлин, и взять его как можно быстрее, чтобы не дать врагу опомниться... На штурм Берлина! К полной и окончательной победе, боевые товарищи!»

Уходя, капитан предупредил:

— По данным разведки, Гитлер подтягивает последние резервы. Фашистские пропагандисты кричат на весь мир, что Берлин не будет сдан. Поэтому надо быть готовыми ко всему. Враг еще не добит. И сейчас он особенно опасен. Так что не размягчаться!

Утро 24 апреля началось сильной артиллерийской канонадой с обеих сторон.

70-я бригада заняла исходное положение для наступления. Но фашисты упредили советские войска и начали наступление первыми. В атаку шли отборные гитлеровские части, юнкерские училища и **офицерские** батальоны — отъявленные фашисты.

Капитан Ткаченко приказал бронебойщикам уничтожить прежде всего вражеских фаустников.

— Будет сделано, товарищ капитан! — заверил Сударев.

О том, как был выполнен приказ, капитан Ткаченко на следующий день в письменном рапорте на имя командира бригады доносил:

«Ефрейтор Сударев, командуя отделением ПТР и будучи сам наводчиком ружья, лично уничтожил за один час боя 30 фаустников противника.

Гитлеровцы рвались вперед, пытаясь прорвать нашу оборону. Сударев с возгласом «За Родину» первым поднялся в атаку, дерзко действуя гранатами и отобранным автоматом у фрица, уничтожил пятьдесят двух гитлеровцев.

Мужественный воин-герой бесстрашно сражался за Родину. Будучи тяжело раненным в голову, истекая кровью, продолжал вести бой и уничтожил еще 7 гитлеровцев».

Сударева в тот же день на самолете отправили в госпиталь в польский город Жагань. Врачи делали все, чтобы спасти жизнь солдата. Но рана оказалась смертельной. 26 апреля 1945 года солдат скончался. Здесь его и похоронили.

Родина высоко оценила подвиг Аркадия Викторовича Сударева. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1945 года ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

...Прошли годы. В садике у карасукской школы выросли раскидистые высокие тополя. Это те самые тополя, которые посадил Аркадий, когда уходил на фронт. За ними заботливо четверть века ухаживают ученики. Эти тополя для родителей — самая дорогая память.

В школе польского города Жагань есть стенды, альбомы, витрины, рассказывающие о жизни и боевых подвигах советского воина. За его могилой любовно ухаживают школьники. Имя Аркадия Сударева носят пионерские дружины и улицы.

Из города Жагань в адрес Виктора Ивановича и Марии Ефремовны Сударевых часто приходят письма. В одном из них читаем:

«Мы мечтаем посмотреть вашу страну, которая рождает столько замечательных героев. Хотим быть похожими на вашего сына».

В канун празднования 20-й годовщины со дня Победы мать солдата побывала на могиле сына. Выступая перед польскими гражданами, она сказала:

«Мой сын сдержал свое слово. Он дошел до Берлина. Я мать, мне очень тяжело говорить, но я горжусь своим сыном, тем, что он погиб за правое дело, за то, чтобы мы жили под мирным небом. Отдать свою жизнь за счастье народа, как это сделал мой Аркадий, это тоже счастье».

Это было на Днепре 15 октября 1943 года, в районе населенного пункта Радуль Черниговской области. Дул холодный порывистый ветер. В предрассветных сумерках смутно виднелись очертания противоположного берега. Ровно в пять ноль-ноль началась артиллерийская подготовка.

Командир дивизиона майор Сорокин в последний раз предупредил:

— Помните, мы — «Днепр», вы — «Волна». Главное — берегите рацию. Ну, ни пуха, ни пера!

Товарищи оттолкнули лодку от берега. Колодий сел за весла, лейтенант Бутылкин устроился с пулеметом на носу, а Тимонов с тщательно упакованной в резиновом мешке радиостанцией — на корме.

Выше по реке, метрах в трехстах, начал переправу передовой отряд дивизии. Связистам надо было достичь одновременно с ним противоположного берега, выбрать удобное место для наблюдения и, ничем не обнаруживая себя, по радио корректировать огонь артиллерии.

Старший сержант Тимонов считался в 118-м артиллерийском полку 69-й стрелковой дивизии одним из лучших радистов. Поэтому, когда встал вопрос, кому же поручить выполнение задачи, командир взвода управления лейтенант Бутылкин назвал фамилию Тимонова.

— Хороший радист, смелый, решительный. Коммунист, награжден двумя медалями «За отвагу».

Тимонов Василий Николаевич

— Так,— согласился командир полка.— А кто будет третьим?

— Пусть Тимонов выберет сам.

Тимонов предложил рядового Колодия.

— Радист он не ахти какой, зато силища, как у медведя. Он же кузнец, у него каждый кулак по пуду! Мало ли что может случиться...

Иван Михайлович Колодий, узнав об этом, крепко пожал Тимонову руку:

— Спасибо, товарищ старший сержант. Будьте уверены — не подведу!

...Лодка была уже на середине реки, когда гитлеровцы открыли сильный огонь из пулеметов и автоматов. Заработали артиллерия и минометы.

Рядом с лодкой вздымались фонтаны воды, а Колодий, налегая на весла, казалось, не обращал ни на что внимания. Вдруг пламя взметнулось совсем рядом. Лодку разбило. Радисты очутились в холодной воде.

Тимонов вгорячах не понял, что ранен, и только, вынырнув на поверхность, почувствовал режущую боль во всем теле. Изо рта шла кровь. До берега еще было далеко. Тяжелый мешок с радиостанцией тянул на дно. Попробовал грести левой рукой — не смог. Потеряв сознание, но мертвой хваткой удерживая мешок с радиостанцией, Тимонов пошел ко дну.

Его вытащили подоспевшие лейтенант Бутылкин и рядовой Колодий.

— Держись, Вася, держись! — говорили они, поддерживая его на поверхности.

Вплавь добрались до берега, выползли на песчаную отмель, спрятались в кустарнике, перевязали друг другу раны и, немного передохнув, пошли вперед. Справа гремел бой. Видимо, гитлеровцы все свое внимание сосредоточили на передовом отряде и не заметили высадку радистов.

Поднявшись на кручу, радисты обнаружили пулемет, из которого гитлеровцы вели огонь по высадившемуся десанту. Осторожно подползли.

Бутылкин и Колодий бросили по гранате. Пулемет замолчал. Спустившись в траншею, радисты подобрались к дзоту. В нем стояла мертвая тишина. Вражеские пулеметчики оказались убитыми.

Оккупировав дзот, радисты на всякий случай под-

готовились к обороне. Опробовали захваченный пулемет, выложили трофейные гранаты, проверили свои автоматы.

Тимонов развернул радиостанцию. Хотя она и побывала в воде, но благодаря хорошей упаковке оказалась в полной исправности.

— «Днепр», «Днепр», я — «Волна», прибыли на место,— передал первую радиограмму.

Стало светать. Справа по-прежнему гремел бой.

Лейтенант засекал цели и координаты их сообщал Тимонову для передачи по радио в свой полк на восточный берег.

Сначала все шло хорошо. Связь была устойчивой, гитлеровцы не мешали. Артиллерия дивизии вела сосредоточенный огонь, пользуясь данными Бутылкина. К району высадки десанта гитлеровцы бросали свежие подразделения, но едва они успевали сосредоточиться для контратак, как их накрывала артиллерия с восточного берега.

То ли противник засек радиостанцию, или догадался о корректировщиках в своем тылу, но, когда рассвело, радисты увидели до взвода гитлеровцев, приближавшихся к блиндажу.

Бутылкин и Колодий встретили врагов пулеметным огнем. Гитлеровцы откатились назад, но через 15—20 минут полезли снова. Атака была вновь отбита.

Через час противник пошел в атаку с трех направлений. Наступало уже не меньше роты.

Тимонов запросил огонь артиллерии.

Снаряды рвались совсем рядом с блиндажом радистов, но гитлеровцы лезли и лезли.

Когда упал Колодий, пришлось взяться за автомат Тимонову. Теперь они отражали атаку противника вдвоем с лейтенантом. В короткие паузы между атаками старший сержант садился за рацию.

— Началось общее форсирование,— сообщил ему радист командира полка.— Продержитесь еще немного!

Последнюю атаку отражали гранатами. Гитлеровцы полукольцом оцепили блиндаж, отчетливо слышались их голоса.

Увидев, как упал сраженный пулей лейтенант, Тимонов бросился к рации.

— «Днепр», «Днепр», я «Волна». Огонь по квадра-

ту «сорок»,— торопливо выговаривал он.— У нас нет выхода. Прощайте, товарищи!..

Командир полка подполковник Болдасов, приняв радиограмму, снял фуражку и после недолгого колебания взмахнул рукой:

— Огонь!

Что произошло в следующую минуту, Тимонов помнит смутно. Совсем рядом загрохотали разрывы. Блиндаж трещал и ходил ходуном, как во время землетрясения.

Последнего взрыва Тимонов не слышал. Взметнулось пламя, дыбом встали бревна наката, и вдруг сразу потемнело...

Вскоре на берег высадились основные силы дивизии. В районе блиндажа, который занимали радисты 118-го артполка, валялось более полусотни вражеских трупов. Из полуразрушенного дзота вытащили старшего сержанта Тимонова и рядового Колодия. В траншее среди убитых гитлеровцев обнаружили и лейтенанта Бутылкина. Все трое были тяжело ранены и едва подавали признаки жизни. Их быстро переправили на восточный берег в полевой госпиталь, а оттуда — в военные госпитали разных городов страны.

30 октября 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР трое радистов были удостоены звания Героя Советского Союза.

Как сложилась дальнейшая судьба Тимонова? Он окончил Томское артиллерийское училище. Но с боевой службой расстался — ухудшилось здоровье. В октябре 1945 года уволился в запас и приехал в село Ольговку Карасукского района Новосибирской области. Около семи лет работал инструктором Карасукского райкома КПСС. В 1954 году окончил Высшую партийную школу в Новосибирске. Сейчас руководит Карасукским автомотоклубом.

В феврале 1946 года, уволившись из армии, гвардии старший сержант Урюпин приехал на родину, в село Новоплотниково Куйбышевского района Новосибирской области.

Больше половины мужчин не вернулись с фронта. Колхозное хозяйство держалось в основном на женщинах. Не хватало хлеба, кормов, семян. Машин — мало. Сельскохозяйственный инвентарь изношен. Оплата труда — низкая. Молодежь уходила в город. Было над чем поразмыслить.

— А ты, Паша, как думаешь жить? — спросила мать, когда немного улеглось волнение от встречи.

— Что ты беспокоишься, мама, он же Герой, ему дадут должность! — ввязалась в разговор сестренка.

— Ты сиди и помалкивай! — оборвал Павел.

Но то, о чем спрашивала мать, и самого тревожило. Он тут, в селе, родился, окончил школу, курсы трактористов. Вся жизнь была связана с родной стороной. В то же время чувствовал, что надо бы продолжить образование — наступает время техники. А для этого придется уезжать в город.

— Еще не знаю,— неопределенно ответил Павел.- Завтра вот поеду вставать на партийный учет и посоветуюсь в райкоме.

А вечером объявил:

— Буду работать в колхозе, трактористом!

— Простым трактористом? — спросила мать.

Урюпин Павел Степанович

— Ты же сама видишь, какова жизнь в деревне. Надо поднимать колхоз.

- За «палочки» ведь придется работать,— добавила она.

Сын промолчал.

С работы приходил усталым, грязным и хмурым.

- Плохо дело,-- говорил матери.— Никакого порядка. Так жить нельзя!

Вскоре его назначили бригадиром. Ребята подобрались крепкие, работали неплохо, но все же были недовольны.

— Ну, что носы повесили? — говорил Павел.— В бой с таким настроением идти нельзя.

- Какой тут бой,— отмахивались трактористы.

- Как это какой? — удивлялся Павел.— За хлеб, за хорошую жизнь. А мы с вами солдаты...

Вскоре о бригаде заговорили в районе, называли «бригадой Героя».

Его призвали в армию в декабре 1941 года. Под Сталинградом был ранен. В боях за правобережную Украину ранен снова. Месяц лечился, из госпиталя прибыл в 183-й гвардейский стрелковый полк 59-й гвардейской дивизии. Назначили помощником командира взвода разведки.

К началу операции по окружению будапештской группировки противника на счету гвардии старшего сержанта Урюпина было несколько «языков». За мужество и отвагу награжден орденом Красной Звезды.

Советские войска вышли к Дунаю. Взводу разведки, которым командовал гвардии лейтенант Назаров, надлежало переправиться через реку в районе населенного пункта Адонь, разведать оборону противника, захватить небольшой плацдарм и удержать его до подхода основных сил.

Под покровом темноты на восьми рыбачьих лодках тридцать разведчиков двинулись в опасный путь.

Противник обнаружил их на середине реки. В темном небе вспыхнули десятки осветительных ракет. Ночную тишину разорвали длинные пулеметные очереди и треск автоматов. Потом ударила вражеская артиллерия. Рядом с лодками рвались снаряды и мины.

Разбило одну лодку, другую... Но берег уже был близко. Разведчики прыгали в ледяную воду, выбира-

лись на сушу и с ходу бросались в рукопашный бой. Дрались молча и ожесточенно.

Командир взвода схватился с пятью гитлеровцами. Урюпин поспешил ему на выручку. Но на секунду опоздал — один из фашистов в упор выстрелил в лейтенанта, и тот упал.

Бой продолжался недолго.

Гитлеровцы, не выдержав натиска разведчиков, отступили.

Первая траншея захвачена. Урюпин, взявший на себя командование взводом, собрал разведчиков. Шесть товарищей погибло. Тяжело раненных спрятали под берегом. Легко раненные остались в строю.

Накануне, изучая вражескую оборону, разведчики установили, что за первой траншеей метрах в тридцати проходит канал шириной 10—12 метров, в который, видно, сбрасывались отходы с заводов и фабрик, чтобы не загрязнять Дунай. На противоположном берегу канала — вторая траншея... Рядом с ней шоссе. Через канал переброшен железобетонный мост.

«Надо прорваться к шоссе»,— решил Урюпин.

- Арьзбердин! — позвал он командира 1-го отделения.— Тебе задача: взять мост!

- Пошли! — скомандовал Арьзбердин своим разведчикам и, чуть пригнувшись, побежал к мосту.

Мост удалось захватить почти без боя. Прогремело несколько коротких очередей, и все стихло. По существу, его захватил один старший сержант Арьзбердин, но сам он погиб, успев лишь крикнуть: «Мост заминирован!»

Разведчики перебежали по мосту на противоположную сторону канала и выбили гитлеровцев из второй траншеи. Урюпин наскоро организовал круговую оборону и, взяв с собой одного разведчика, побежал к мосту. В кювете он увидел два провода. Перочинным ножом перерезал их. Как после показали пленные, это были как раз те провода, которые вели к зарядам.

На рассвете гитлеровцы контратаковали: на позиции шли две самоходки и бронетранспортер. За ними перебегало до взвода пехоты. Разведчики подпустили их почти вплотную и забросали гранатами. Потеряв одну самоходку и бронетранспортер, который подбил сам Урюпин, гитлеровцы отошли. Но через полчаса они во-

зобновили атаку. Опять оставили на поле боя много трупов. Поредели и ряды разведчиков. Пять человек было убито, девять ранено.

Три часа держались разведчики на захваченном плацдарме. А когда, казалось, уже не было никаких сил, чтобы отразить очередную атаку, подошло подкрепление.

Разведчиков сняли с плацдарма и отправили в медсанбат.

Все участники этого боя были награждены правительственными наградами. А наиболее отличившимся Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза. Среди них были гвардии старший сержант Павел Урюпин и гвардии рядовой Михаил Харин, тоже сибиряк, из Алтайского края.

В конце апреля они были вызваны в Братиславу. Командующий войсками фронта Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский поздравил их с высокими наградами и вручил Золотые Звезды Героев и ордена Ленина...

Медленно, но уверенно родное село становилось на ноги. За самоотверженный труд Павел Степанович был награжден орденом Знак Почета и медалью «За освоение целинных земель». Ныне он работает директором совхоза «Комсомольский». Депутат Куйбышевского районного Совета Новосибирской области. Заочно закончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС.

Человек высокого долга, кипучей энергии и завидной настойчивости в решении сложных хозяйственных задач, бывший разведчик и сейчас — на переднем крае.

Устюжанин Яков Маркович

На советской территории немало мест, где каждая пядь земли, каждый камень пропитан солдатской кровью. Таков район Старой Руссы и Демянска с прилегающими селами и деревеньками, лесами и болотами, где более двух лет гремели кровопролитные бои.

Под Старой Руссой в составе войск 11-й армии сражалась 188-я стрелковая дивизия. На Северо-Западном фронте она пользовалась доброй славой. В ее подразделениях воевало много сибиряков, в том числе уроженец Новосибирской области Устюжанин Яков Маркович.

В дивизию он прибыл перед самой войной после окончания курсов младших лейтенантов и был назначен командиром взвода разведки.

Когда Советская Армия перешла в контрнаступление под Москвой, войока Северо-Западного фронта получили приказ разгромить вражеские части в районе Старой Руссы и ударом в направлении Дно и Сольцы во взаимодействии с войсками Волховского фронта отрезать противнику пути отхода из Новгорода и Луги. Выполнение этой задачи должно было способствовать снятию блокады с осажденного Ленинграда.

Как всегда, перед большим наступлением разведчики почти каждую ночь отправлялись в поиск, по лесам и болотам пробирались в тыл противника, устраивали засады. Младший лейтенант Устюжанин и подчиненные ему разведчики в белых маскировочных халатах, обычно

на лыжах, вели разведку в направлении Старой Руссы, брали «языков».

Наступление началось 7 января. А через день авангардный батальон 188-й стрелковой дивизии, возглавляемый капитаном Алексеем Федоровичем Величко, ворвался в Старую Руссу. Другие части форсировали по льду озеро Ильмень, обойдя город с севера.

Далеко продвинулся на запад и младший лейтенант Устюжанин со своими разведчиками. Но на следующую ночь разведчики вынуждены были возвратиться. Так хорошо начавшееся наступление из-за отсутствия необходимых сил для развития успеха застопорилось. Гитлеровцы держались упорно.

Под Старой Руссой начались тяжелые затяжные бои. Много раз наши части штурмовали город, но враг, подтянув свежие силы, не хотел сдаваться. 20 февраля войска Северо-Западного фронта усилили натиск и встречными ударами с севера и юга перерезали узкую горловину лесистой местности между Старой Руссой и Демянском, занимаемую противником, окружив при этом около 60—70 тысяч вражеских войск. Но своевременно уничтожить окруженную группировку не смогли.

21 апреля врагу удалось прорвать фронт советских войск. Образовался так называемый «рамушевский коридор», по которому гитлеровцы подбрасывали свежие силы.

188-я стрелковая дивизия занимала участок в северной части этого «коридора».

Противник сильно укрепил свои позиции. На всем протяжении его передний край прикрывался проволочными заграждениями и глубокими минными полями.

В мае была сделана еще одна попытка ликвидировать «рамушевский коридор». Операция готовилась и проводилась в условиях весенней распутицы и бездорожья. Накануне во всех подразделениях дивизии прошли партийные собрания.

В ночь с 15 на 16 мая разведгруппа младшего лейтенанта Устюжанина в составе двенадцати человек на четырех лодках благополучно преодолела семикилометровый залив. Здесь у противника была жидкая линия обороны, занимаемая только сторожевым охранением.

В районе устья реки Ловать, на озере Ильмень, за узкой кромкой сухой прибрежной земли, простирался

залитый весенними водами лес. За ним проходила шоссейная дорога. Перед разведчиками стояла задача: установить направление движения, объем и характер грузов, перевозимых ло шоссе, постараться захватить «языка» и возвратиться в часть.

Спрятав лодки, разведчики двинулись в путь. Шли по колени в ледяной воде. Весна в том году выдалась поздняя. Пригорки уже были сухие, а под водой еще лежал лед. Около трех часов пробирались разведчики по затопленному лесу. Часто останавливались, прислушивались. Ориентировались по компасу.

— Сейчас выйдем на сушу! Будьте осторожнее! — предупредил Устюжанин.

И действительно, лес стал густеть, под ногами зашуршала сухая прошлогодняя трава.

Впереди послышался шум проезжающих автомашин.

— Вот и шоссе,— тихо проговорил командир взвода. Он разбил разведчиков на три группы, уточнил задачи, договорились о связи.

Начинало светать. Скрываясь в зарослях ельника, разведчики почти вплотную подошли к шоссе, залегли и, ничем не выдавая себя, стали следить за передвижением гитлеровцев.

,В сторону Старой Руссы проходили небольшие пешие колонны, конные обозы, изредка проезжали автомашины. Гитлеровцы шли в новом обмундировании, хорошо вооруженные. В обратном направлении движение было менее интенсивным: передвигались нестройные группы обросших, грязных солдат. Было яюно, что противник производит или перегруппировку своих войск или же выводит потрепанные части на отдых и заменяет свежими.

Эти сведения представляли большую ценность для командования, ,и все-таки они были далеко не исчерпывающими. Для большей точности надо было брать «языка». Устюжанин это отлично понимал. Он решил дождаться сумерек, когда движение по дороге немного затихает.

— Мы с Сидоркиным выскочим на дорогу,— сказал он,— а вы в случае чего прикроете нас.

Ждать пришлось недолго. Где-то справа затарахтел мотоцикл. Войск на шоссе как раз не было.

Устюжанин вышел на обочину шоссе и встал за придорожным кустом. Сидоркин притаился в пяти шагах от командира.

Мотоцикл быстро приближался. Один гитлеровец сидел за рулем, другой в коляске. Короткой автоматной очередью Устюжанин ударил по водителю и мотоциклу, стараясь не задеть гитлеровца, сидевшего в коляске. Резко вильнув, мотоцикл съехал в кювет и перевернулся. Подоспевшие разведчики высвободили из-под коляски перетрусившего немца, оказавшегося вахмистром из полка «Норд», оттащили искореженный мотоцикл и убитого водителя в чащу и хотели было возвращаться домой, как вдруг увидели быстро приближающуюся колонну противника. В вечерней тишине отчетливо слышались топот кованых сапог и громкие команды.

Приказав троим разведчикам немедленно уводить пленного в лес и пробираться на берег озера, где были «прятаны лодки, Устюжанин приготовился к бою.

— Подпустим как можно ближе и ударим. Без команды не стрелять,— предупредил он.

Пропустив голову колонны, Устюжанин встал на правое колено и нажал на спусковой крючок. Тотчас же открыли огонь и остальные разведчики. Колонна разорвалась, фашисты заметались на дороге, падали, ползли в кювет.

На шоссе осталось не меньше семидесяти убитых. Оставшиеся в живых пришли в себя и начали отстреливаться. Было уже темно, стреляли наугад, и огонь никакого вреда разведчикам не причинял. И все же Устюжанин приказал:

- Отходи, ребята! Мы с ординарцем еще немного попугаем фрицев и догоним вас.

Гитлеровцы стреляли с трех сторон: от шоссе и с флангов — обходили засаду разведчиков.

— Ты иди, Петя,— приказал Устюжанин ординарцу.— А я еще две-три минуты подержусь. Иди, иди — я приказываю!

По лесу свистели пули. Где-то совсем рядом хрустели сучья. Отчетливо слышался звонкий бой автомата Устюжанина. Вдруг автоматная очередь оборвалась...

Ординарец бросился назад. Командир лежал на сырой земле, широко раскинув руки. Сердце его не билось...

Все разведчики за исключением Устюжанина и его ординарца благополучно возвратились к своим. Доставленный ими пленный дал ценные показания.

Командир дивизии генерал-майор Клешнин и комиссар дивизии Поляков, представляя младшего лейтенанта Устюжанина к награде, писали:

«Действуя во главе разведчиков, товарищ Устюжанин отлично выполнил приказ командования дивизии, потеряв при этом лишь одного бойца... Сам геройски погиб».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1942 года Якову Марковичу Устюжанину присвоено звание Героя Советского Союза.

В номере за 22 июля 1942 года газета Северо-Западного фронта «На врага» писала:

«Пройдет година кровавой войны. Кровью своей заплатят гитлеровские псы за великое го-ре, которое они обрушили на наш народ. Мы отстроим разоренные варварами города и села. Снова закипит радостный и счастливый труд в нашей стране.

Но новое поколение будет обязано тем, кто кровью отстоял это счастье.

Золотом на мраморе будет написано имя Героя Советского Союза — разведчика Якова Устюжанина.

...Мы будем равняться на него, мы будем учиться у него».

Комиссия, работавшая в июле 1939 года в Октябрьском районном военном комиссариате Новосибирска, придирчиво изучала каждого допризывника. Каждого выходившего из комнаты, где заседала комиссия, встречали вопросом:

— Ну как? Что опрашивали?

Подошла очередь сухощавого, светловолосого парня — выпускника средней школы № 9 Александра Ушакова.

— Ну и какие же планы у вас? — спросил председатель комиссии.

— Хочу поступить в Томское артиллерийское училище.

- Это хорошо. Но мы хотим предложить другое...

Подполковник подошел к карте, висевшей на стене, и заговорил о Дальнем Востоке, о происках японской военщины.

— Так вот, Александр, наше правительство по договоренности с Монгольской Народной Республикой направляет на ее территорию свои войска. В эти войска комиссия рекомендует и вас.

Подумав, Александр ответил:

— Согласен!

И вот Александр Ушаков в полковой школе 81-го Краснознаменного артиллерийского полка 82-й Краснознаменной стрелковой дивизии в городе Чойбалсане.

Ушаков Александр Кириллович

Курсантом вступил в комсомол. Через год стал сержантом, командиром отделения разведки.

Началась Отечественная война. Бойцы рвались на фронт, осаждали командиров рапортами, боясь, как бы война не закончилась без них. Та же мысль одолевала и Александра.

Осенью, когда враг подходил к Москве, дивизия была «поднята по тревоге, посажена в эшелоны и направлена на фронт.

Едва выгрузились из вагонов — в бой. Сначала — оборонительные бои под станцией Дорохово, потом — наступление. При сорокаградусном морозе, по глубокому снегу, без она и отдыха, артиллеристы медленно продвигались на запад вдоль Можайского шоссе.

За успешные бои под Москвой 81-му артиллерийскому полку, одному из первых, было присвоено звание гвардейского. Он стал называться 51-м Краснознаменным гвардейским артиллерийским полком. Сержант Ушаков, отличившийся в этих боях, был награжден именными часами.

Потом долго стояли в обороне под Ржевом. А летом полк был отведан на переформировку, перевооружен новой материальной частью и назван 1-м гвардейским самоходно-артиллерийским.

Как-то Ушакова вызвал командир полка полковник Гудимов.

— Скучаешь, гвардеец?

— Да, надоело уже,— признался Ушаков.

— Так вот, изучай самоходку. Я решил тебя назначить командиром экипажа.

Ушаков с радостью взялся за новое дело.

На Курской дуге воевал сначала наводчиком, а потом и командиром. Самоходка с бортовым номером 10 отличалась в боях под Орлом, при освобождении городов и сел левобережной и правобережной Украины. Ушакова приняли в партию. Командующий 4-й гвардейской танковой армией генерал Лелюшенко лично вручил каждому члену экипажа именные портсигары, поздравил.

За бои на правом берегу Днепра Ушаков, уже гвардии старшина, был награжден орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды.

В марте 1944 года 4-я танковая армия, в которую

входил 1-й гвардейский самоходный полк, по весеннему бездорожью развивала наступление в общем направлении на Каменец-Подольский. Одной из ее задач было отрезать путь отхода крупной группировке противника, окруженной в районе Проскурова. Далеко вперед выдвинулась 17-я механизированная бригада. Оторвавшись от главных сил, она оказалась в окружении противника. Оборону заняла на опушке леса в районе урочища Малинник.

Гитлеровцы предпринимали яростные атаки, намереваясь пробиться к городу Скалат, чтобы преградить путь советским войскам к Каменец-Подольскому.

На помощь бригаде были посланы пять танков и две самоходки, в том числе и машина гвардии старшины Ушакова.

Ночью танки и САУ прорвались через боевые порядки противника и прибыли в распоряжение 17-й бригады.

На рассвете 21 марта гитлеровцы открыли ураганный артиллерийский и минометный огонь по правому флангу бригады. Через тридцать минут пошли в атаку танки и автоматчики. Командир бригады, невысокий, сухощавый генерал лет шестидесяти, с морщинистым усталым лицом, видя тяжелое положение фланга, приказал резервному батальону контратаковать противника.

Но, как выяснилось потом, главный удар противник наносил не по правому, а по левому флангу. Примерно через час гитлеровцы навалились всеми силами и смяли оборонявшиеся подразделения.

Командир бригады приказал Ушакову выехать на левый фланг.

- Главное, чтобы танки не прорвались,— предупредил он.

Взревел мотор, и самоходка устремилась туда, где гремел бой.

На опушке леса Ушаков приказал остановить машину. Вид этой опушки поразил его — в полукилометре горели наши танки и самоходки. Невдалеке, уткнувшись стволами в землю, лежали два разбитых орудия. Около десятка вражеских «тигров» и «пантер», прорвав оборону, обходили рощу справа.

— Плохо дело, братцы,— будто про себя произнес гвардии старшина, зорко следя за приближающимися танками.— Но ничего, сейчас мы их образумим!

Он сам встал к прицелу. Танки стремительно приближались. Вот уже отчетливо видны черно-желтые кресты на их башнях. Осталось 300 метров, 200 метров. Ушаков, держа в перекрестье прицела крайний «тигр», плавно нажал спуск. Раздался выстрел. «Тигр» дернулся, развернулся и остановился. Экипажи других танков не сразу обнаружили засаду. Пока они поняли это, Ушаков подбил еще два танка. Остальные, видимо, не желая разделить участь первых, повернули обратно.

Обстановка была еще далеко не ясной. Ушаков обдумывал, что делать дальше. В это время откуда-то из глубины леса к самоходке подбежал солдат с эмблемами связиста.

— Помогите, старшина, немцы прорвались в тыл,— тяжело дыша, говорил он.

— Юрин, разберись, что это за паникер и откуда он взялся,— распорядился Ушаков.

Оказалось, что связист исправлял повреждение линии и своими глазами видел, как по направлению к городу перебегали вражеские автоматчики. Ушаков знал, что в городе боевых частей нет, там лишь штаб бригады, медсанбат и еще какие-то тыловые подразделения.

Раздумывать было некогда.

— Садись на броню,— приказал Ушаков связисту,— будешь показывать дорогу.

Кратчайшим путем, прямо через лес, самоходка устремилась наперерез противнику. В глубине леса чуть не раздавила двух вражеских солдат, которые, завидев советскую самоходку, сразу же подняли вверх руки. Механик-водитель остановил машину. Пленные оказались болгарами. Они положили на землю автоматы, две большие сумки белых и красных ракет и на ломаном русском языке назвали себя: сигналисты-ракетчики из мотопехотного батальона, которому поставлена задача проникнуть в город. Батальону придано четыре танка.

— Для чего ракеты? — спросил Ушаков.

— Белая ракета — путь свободен. Красная — вызываю огонь,— словоохотливо отвечали пленные.

Ушаков зарядил ракетницу красной ракетой и выстрелил в сторону. Через пять минут по району, над которым упала ракета, гитлеровцы открыли артиллерийский огонь.

У старшины зародилась дерзкая мысль.

- Проверь, есть ли связь с бригадой,— приказал он

связисту. Тот включился в линию. Связь, к счастью, работала.

Ушаков по голосу узнал генерала, доложил обстановку и рассказал о своем замысле.

— Спасибо, сынок, молодец,— похвалил генерал,— сейчас я приму меры.

Вскоре к самоходке подошли пулеметчики, видимо, посланные командиром бригады. Два пулемета Ушаков установил по обеим сторонам лощины, ведущей к городу. Самоходку оставил в засаде, держа под прицелом всю лощину.

Через несколько минут дал сигнал белыми ракетами. Гитлеровцы, ничего не подозревая, устремились к лощине, чтобы ворваться потом в город. Но встретили шивал огня. Они метались по лощине, не находя выхода. Со всех сторон косила смерть.

На помощь спешили четыре вражеских танка. Со второго выстрела Ушаков подбил одного «тигра». Остальные упрямо лезли вперед. Кончились бронебойные снаряды. Ушаков зарядил пушку осколочно-фугасным снарядом и ударил по башне ближнего «тигра». Танк на секунду остановился, потом начал разворачиваться, видимо, намереваясь уйти из-под огня. Старшина вывел самоходку на открытую позицию и, послав еще два снаряда, подбил второго «тигра». Третий и четвертый танки успели скрыться.

Всего за этот день экипаж гвардии старшины Ушакова уничтожил пять «тигров» и до 150 вражеских солдат и офицеров. А ночью подошло подкрепление. 26 марта войска 4-й танковой армии освободили Каменец-Подольский.

Командир полка сердечно благодарил гаардии старшину Ушакова и весь его экипаж за смелые и инициативные действия.

В конце мая в полк приехал член Военного Совета армии генерал Гуляев и перед строем всего личного состава зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении гвардии старшине Ушакову Александру Кирилловичу звания Героя Советского Союза.

Свой боевой путь Ушаков закончил в Берлине. После того памятного боя под Каменец-Подольском он участвовал в штурме Львова, сражался на Сандомирском

плацдарме, на Одере. И что удивительно — ни разу не был ранен.

По окончании войны Александр Кириллович уволился в запас.

В 1951 году он успешно закончил институт внешней торговли, работает на ответственной должности в Государственном Комитете Совета Министров СССР по внешним экономическим связям.

Только в конце 1942 года лейтенанту Хальзеву удалось вырваться на фронт. Из штаба Северо-Кавказского фронта его направили в 63-й полк ночных бомбардировщиков. Командир полка, просмотрев документы, оказал:

— Сибиряк, значит? Земляк Покрышкина?

— В одной школе учились. Жили по соседству,— с готовностью ответил Хальзев.

— Значит, и воевать надо, как Покрышкин.

— Буду стараться, товарищ подполковник!

- Ну вот и договорились,— улыбнулся командир полка.— Пойдете в первую эскадрилью, командиром экипажа...

Хальзев принял ночной бомбардировщик, познакомился с членами экипажа и на другой же день вылетел на боевое задание. Трудным был этот первый боевой вылет. Предстояло нанести бомбовой удар по скоплению вражеских войск и боевой техники в населенном пункте Шаумян. Самолет еще на пути к цели был встречен сильным заградительным огнем зенитной артиллерии и атакован тремя истребителями. Хальзев бросал машину то вправо, то влево, взмывал вверх и спускался до бреющего полета, пока, наконец, не скрылся от вражеских истребителей. Выйдя на цель, сбросил бомбы: на земле взметнулось пламя пожара. Успел заметить: горели две автоцистерны. Это подтвердили и фотоснимки.

Через месяц Хальзева считали в полку опытным воздушным бойцом, спустя год — назначили заместителем командира эскадрильи.

Хальзев Александр Иванович

К этому времени войска Отдельной Приморской армии при поддержке авиации Черноморского флота форсировали Керченский пролив и захватили небольшой плацдарм на крымском побережье. Видимо, потому, что за этот небольшой клочок каменистой земли развернулись ожесточенные бои, его назвали «Огненной землей».

63-й полк ночных бомбардировщиков, впоследствии получивший наименование «Керченского», поддерживал высадку и бой десанта. За ночь летчики совершали по пять-шесть вылетов, помогая пехоте отбивать яростные атаки противника, уничтожая его резервы и боевую технику.

Активно действовала и вражеская авиация. В течение нескольких ночей самолеты противника наносили массированные бомбовые удары по войскам, обороняв-шим плацдарм, и, искусно маскируясь, уходили на запад. Районы их базирования долгое время оставались неизвестными. Все попытки разведать их кончались неудачами.

Командир десанта, после очередного налета фашистских самолетов, прислал в штаб донесение, в котором на чем свет стоит разносил летчиков и категорически требовал разделаться, наконец, с вражеской авиацией.

В эту ночь экипаж старшего лейтенанта Хальзева уже сделал два вылета. Не успели расположиться в землянке на отдых, как в тишине раздался голос дежурного телефониста:

— Старший лейтенант Хальзев, со своим экипажем немедленно к командиру полка!

На командном пункте, кроме командира, находились его заместитель по политической части я начальник штаба. Подполковник Тоцкий показал карандашом на карте в центр «Огненной земли».

— Неважные дела, ребята. Пехота обижается на нас —не можем оградить ее от вражеской авиации. И правильно! Вот уже сколько дней бьемся, районы базирования «ночников» противника до сих пор не знаем. Поручаю разведку вашему экипажу, товарищ Хальзев.

Хальзев встал. Поднялись и члены его экипажа.

— Когда вылетать?

— Сейчас. Обратите внимание на Сарабуз, Евпаторию и Саки,— посоветовал командир полка.— Думается мне, что гитлеровцы где-то там прячут свои аэродромы.

— Есть, товарищ подполковник! — ответил Хальзев и вместе с членами экипажа вышел на улицу.

Над «Огненной землей» вспыхивали разрывы зенитных снарядов. По черному небу рыскали узкие лучи прожекторов. Слышались глухие раскаты взрывов.

— Опять бомбят, сволочи,— процедил сквозь зубы Хальзев и быстрее зашагал к машине.

До аэродрома ехали молча, каждый думал о предстоящем полете, и никто, в том числе и Хальзев, еще не знал, каким способом лучше выполнить поставленную задачу.

На взлетной полосе старший лейтенант обратился к членам экипажа:

— Пожалуй, надежнее всего будет так: подняться в воздух, дождаться прилета очередной партии бомбардировщиков, а затем следовать за ними на аэродром,— сказал Хальзев.— Рискованно, зато надежно!

Через несколько минут самолет оторвался от земли и взял курс на «Огненную землю». Шли на большой высоте без сигнальных огней. По вспышкам осветительных ракет, очагам пожаров и огненным строчкам трассирующих пуль определили начертание переднего края. Когда сделали один круг над Керченским полуостровом, увидели, как внизу заметались лучи прожекторов. В черном небе засверкали разрывы зенитных снарядов. «Вовремя прилетели. Опять фашисты пожаловали»,— подумал Хальзев. Сверху было хорошо видно, как один из вражеских самолетов оказался в лучах прожекторов, беспорядочно сбросил бомбы и со снижением удалился в западном направлении.

Хальзев решил тоже снизиться. Чтобы не быть обитым своими зенитчиками, он сделал резкий разворот и вслед за мелькнувшим темным силуэтом вражеского самолета взял курс на запад.

«Огненная земля» осталась позади. Внизу — непроглядная тьма. Сверху — тусклое мерцание звезд. Справа и слева — голубоватые языки пламени из выхлопных патрубков моторов.

Летели молча. Напряженная, неясная обстановка не располагала к разговорам.

Первым нарушил молчание Володя Прокофьев.

— Сзади и чуть выше вижу огни самолета! — доложил он.

— Я тоже вижу огни справа,— подтвердил стрелок-радист Федя Егоров.

Хальзев взглянул влево: почти рядом слабо мерцали огни самолета. Было очевидно: по соседству летели на свой аэродром вражеские самолеты. Видимо, достигнув определенного рубежа, они включили бортовые огни.

Мысль работала лихорадочно.

«Надо опуститься ниже»,— решил Хальзев и тотчас же убрал газ и отдал от себя штурвал. Теперь на фоне черной земли самолет трудно было различить. Вражеские же самолеты на фоне неба просматривались отлично.

Летчик-истребитель, оказавшись в таком выгодном положении, наверное, не выдержал бы искушения и распорол брюхо фашистскому самолету. Поэтому Хальзев на всякий случай предупредил товарищей:

— Смотрите, не вздумайте открыть огонь!

Через некоторое время вдали и чуть слева показались световые точки. Это были огни ночного аэродрома. Однако вражеские самолеты продолжали полет.

«Значит, где-то есть еще аэродром»,— подумал Хальзев. И, наконец, увидел его. Он отчетливо различил посадочную полосу. На стоянке с зажженными огнями стояло несколько самолетов. Пошли на посадку и машины, летевшие с бомбежки.

Теперь все было ясно. Хальзев сообщил координаты обоих аэродромов на свой командный пункт. Казалось, задача выполнена и можно возвращаться к своим, но уж очень хотелось сбить спесь с самоуверенных гитлеровцев.

Хальзев развернул свою боевую машину и, направив ее вдоль стоянки вражеских самолетов, приказал штурману открыть бомболюки. Прошло несколько секунд, и внизу одна возле другой стали рваться метко сброшенные бомбы. Стрелки открыли огонь из крупнокалиберных пулеметов. На вражеском аэродроме поднялась паника, возникли большие пожары.

Сделав разворот с набором высоты, самолет-разведчик взял курс на свой аэродром. Часом позже на вражеские аэродромы прилетел весь полк и окончательно завершил их уничтожение.

За мужество и отвагу при выполнении боевых заданий старшему лейтенанту Хальзеву Александру Ивановичу

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1944 г. было присвоено звание Героя Советского Союза.

Боевыми орденами были награждены и все члены его экипажа.

После войны Александр Иванович Хальзев продолжал служить в Военно-Воздушных Силах. В 1958 году в звании подполковника уволился в запас. Живет он в Краснодаре, ведет большую общественную работу.

И я, покамест смерть не погасила
В моих глазах последнюю звезду,—
Я твой солдат, твоих приказов жду.
Веди меня, Советская Россия,
На труд,
на смерть,
на подвиг—
я иду!

Н. Грибачев

ОСИПОВ
Семен
Дмитриевич

ПАНАРИН
Михаил
Петрович

ПЛАТОНОВ
Николай
Евгеньевич

ПОЛЯНСКИЙ
Петр
Павлович

ПОРТЯНКО
Андрей
Антонович

СЕРГИЕНКО
Николай
Егорович

ПОДГОРЕЛЬЦЕВ
Алексей
Егорович

ПОДНЕВИЧ
Валентин
Афанасьевич

СУДАРЕВ
Аркадий
Викторович

ТИМОНОВ
Василий
Николаевич

УРЮПИН
Павел
Степанович

УСТЮЖАНИН
Яков
Маркович

УШАКОВ
Александр
Кириллович

ХАЛЬЗЕВ
Александр
Иванович

ОГЛАВЛЕНИЕ

5 Эстафета поколений. С. П. Иванов
9 Агафонов Яков Григорьевич
13 Аксенов Александр Михайлович
17 Анисичкин Федор Иванович
23 Аргунов Николай Филиппович
28 Баринов Иван Михайлович
32 Бельский Алексей Ильич
38 Бенеш Николай Алексеевич
40 Борискин Анатолий Васильевич
46 Борисов Николай Денисович
50 Волков Андрей Алексеевич
54 Волков Иван Архипович
58 Выглазов Григорий Исаевич
63 Данилов Леонид Парфенович
67 Домбровский Иван Александрович
71 Евстигнеев Иван Степанович
74 Ершов Алексей Иванович
77 Забобонов Иван Семенович
84 Иванов Алексей Григорьевич
90 Климовский Николай Афанасьевич
93 Кожемякин Петр Павлович
98 Козин Нестер Дмитриевич
106 Костин Алексей Сергеевич
ПО Котов Георгий Карпович
113 Красиков Александр Васильевич
117 Кучерявый Герасим Евсеевич
121 Ландик Иван Иванович
126 Лапин Иван Васильевич
131 Лызин Василий Петрович
133 Марковцев Степан Харитонович

138 Матвеев Федор Иванович
142 Осипов Семен Дмитриевич
147 Панарин Михаил Петрович
152 Платонов Николай Евгеньевич
156 Погорельцев Алексей Егорович
159 Подневич Валентин Афанасьевич
164 Полянский Петр Павлович
166 Портянко Андрей Антонович
172 Сергиенко Николай Егорович
176 Сударев Аркадий Викторович
182 Тимонов Василий Николаевич
186 Урюпин Павел Степанович
190 Устюжанин Яков Маркович
195 Ушаков Александр Кириллович
201 Хальзев Александр Иванович